

Знахари-колдуны

Чарльз Бидл

Witch-Doctors

Charles Beadle

The Project Gutenberg eBook of Witch-Doctors

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Witch-Doctors

Автор: Чарльз Бидл

Дата выхода: 18 июля 2007 [eBook #22099]

Язык: Английский

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK WITCH-DOCTORS ***

[pg 3] Witch-Doctors

Чарльз Бидл
Автор книги "Бремя Уайтмена".

Бостон и Нью-Йорк
Houghton Mifflin Company
1922

[pg 4]

Отпечатано в Великобритании фирмой "Батлер и Таннер", Фром и Лондон

[pg 5]

ПЕРСОНАЖИ

Люсиль ШАРЛТРЕЙН (миссис Джеральд Бирнье) Фотография

УСАКУМА (Воплощение

Unmentionable One)

Идол

ДЖЕРАЛЬД БИРНЬЕ

Профессор

ЦУ ПФАЙФФЕР (Герман фон Шницлер и)	Немецкий комендант
ЗАЛУ ЗАКО (сын Кава Кенди)	Наследник
БАКУМА (дочь Бакала)	влюблена в Залу Зако
Мьялу (сын Мбусы)	вождь, влюбленный в Бакуму
БАКАХЕНЗИЕ (сын Малико)	Главный колдун
МАРУФА (сын Мтунго)	другой знахарь
КАВА КЕНДИ (сын МФунья МПопо)	Царь-бог и создатель дождя
МФунья МПопо (сын МКоффо)	Предшественник Кава Кенди
КИНГАТА МАТА (сын Каболо)	Хранитель священных огней
САКАМАТА	свергнутый колдун и шпион
ЯБОЛО	другой колдун
МУНГОНГО	слуга Бирнье
Шульц	немецкий сержант
Людвиг	Немецкий сержант
ШНАЙДЕР	Немецкий сержант

Содержание

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Дополнительные страницы](#)
- [Errata](#)

[стр. 7]

ЗНАХАРИ-КОЛДУНЫ

Глава 1

В байю, в юго-восточном углу Виктория-Ньянза, находилась станция Ингония, коричневый струп на лице зеленой земли. Круглые глинобитные хижины аскари были похожи на две колонны солдат в хаки, чинно марширующих по обе стороны парадного плаца. К северу, на небольшом возвышении, располагались помещения для белых; унтер-офицеры занимали четыре бунгало к югу от санитарной комнаты и здания суда; а за зеленым участком, окруженным складом и зданием оружейного склада, находилось еще большее бунгало, пестрое по размаху и цвету веранды с красными столбами - резиденция коменданта, обер-лейтенанта Германа фон Шницлера и цу Пфайффера.

С северной стороны, с видом на болото и далекое озеро, возвышался флагшток, перед которым расхаживал эбеновый часовой в мундире из белых панталон, кителя и уланской фуражки, с красным лицом. Отблеск восхода солнца окрасил зелень луны в багровый цвет. Затрубила труба. С тыла резиденции с чопорной точностью маршировал отряд аскари и коренастая фигура унтер-офицера в белом шлеме. Одновременно на веранде большого бунгало появилась высокая фигура белого человека [pg 8] в розовой шелковой пижаме. Сержант рявкнул. Отряд подал оружие. По флагштоку заскользил цветной шар. Первые лучи солнца разбили окровавленные воды за окном на серебряные шипы и приласкали трепещущий черно-бело-красный флаг.

Затем отряд поднял оружие, снял часового и удалился, их черные ноги сверкали голубыми точками, когда они поднимались и опускались. Розовая фигура исчезла. Сержант Шульц направился к своему бунгало, на веранде которого сидела туземная девушка, одетая в яркие торговые одежды. Он вышел, зажег сигару и, держа в руке сямбок, вернулся в комнату для санитаров. Зазвучала еще одна труба. Из-за лагеря аскари появилась шеренга туземцев, молодых и старых, их тощие шеи были связаны легкой железной цепью, которая музыкально

звенела. Сержант Шнайдер разделил их на бригады, чтобы они под охраной трудились на нескончаемых работах в лагере.

Воздух над болотом начал шипеть от жары. На южной веранде цветущего бунгало вновь появилась та же стройная фигура в безупречно белом одеянии. Герр обер-лейтенант стоял, оглядывая небольшую площадь, с раздраженным блеском в светлых глазах. Здоровенный негр в безупречно белой одежде спешил по дому, неся латунный поднос с чашкой, рюмкой для ликера и графином. Герр лейтенант положил ноги на обе ручки бомбейского кресла. Когда он деликатно смешивал коньяк с кофе, его украшенные драгоценностями пальцы сверкали в лучах солнца, освещавших сапфиры в браслете из слоновой кости.

В ярде от стола стоял слуга, жесткий, как флагшток. С ленивой наглостью, отмечавшей [pg 9] его движения, лейтенант потягивал кофе-коньяк и курил чарочку, словно сидел на террасе кафе "Мира". Грубость круглого черепа, подчеркнутая подстриженными светлыми волосами, казалась несовместимой с мальчишеской грубостью лица и маленьким, но доминирующим носом. Два отдельных усика щетинились так свирепо, что напоминали часовых, стоящих на страже женственной мягкости губ. Закончив, цу Пфайфер вяло поднялся, зажег свежую сигару, тщательно поправил шлем, взял у слуги сямбок с золотой оправой и прошелся по площади. Линии его торса были настолько совершенны, что наводили на мысль об искусственной помощи.

Помещение для санитаров было квадратным и выбеленным; на полу лежали травяные циновки, а высокие двери с ширмой выходили на северную веранду. Зу Пфайффер расположился в кресле-качалке перед письменным столом, поставленным под косым углом к стене и заваленным книгами и бумагами. Задумчиво постучав по обложке книги отполированным ногтем, рука Зу Пфайфера резко ударила в колокольчик. Мгновенно в дальней двери появился капрал и замер, словно окаменев, приложив черную руку к черному виску. Зу Пфайффер, не отрываясь от сигары, отрывисто отдавал распоряжения на суахили. Тот хрюкнул, отбросил руку под прямым углом с такой энергией, словно пытался сбить с ног слона, и исчез.

"Сержант!"

"Ja, Excellence".

В другой двери, как еще один Джек-в-ящике, появился сержант Шульц в точно такой же позе. По кивку сержант превратился в подобие человека: он отодвинул стул, выбрал из стопки [pg 10] какой-то документ и передал его лейтенанту. Зу Пфайффер пододвинул к себе коробку сигар, откинулся на спинку стула, положив одну ногу на стол, и принялся лениво листать. Сержант почтительно удалился с сигарой в дальний кабинет. Муха с надеждой жужжала на проволоке от комаров. Стук пишущей машинки был похож на звук какого-то другого насекомого. В раскаленном воздухе слышалось слабое рычание сержанта на плацу. Из-за здания доносился нестройный рокот голосов стада туземцев, сидевших на корточках на солнцепеке в ожидании открытия здания суда. Под пальцами лейтенанта зашуршали листья.

В конце концов он бросил рапорт на стол, аккуратно положил окурок сигары в пепельницу, зажег другую и с такой же осторожностью погасил спичку.

"Сержант".

"Ja, Excellence!"

Цу Пфайффер движением подбородка указал на стул. Сержант сел. Постучав по рапорту отполированным и очень длинным ногтем левой руки, лейтенант спросил:

"Кто тот человек, который дал вам этот рапорт?"

"Али Бен Хасан, арабский торговец, отличник".

"Надежный?"

"Да, Превосходство. Он много сделал для нас".

"Где?"

"В районе Танганики, подразделение В II, Превосходство. Он принес бумаги с рекомендацией первого класса от коменданта".

"Бен Хассан говорит о некоем Сакамате, не так ли?"

"Я, Превосходство".

"Из какого он племени?"

[стр. 11]

"Вонголо".

"Колдун?"

"Да, Превосходство".

"Он здесь? Пусть войдет".

Сержант поднялся, отдал честь и удалился. Лениво зазвучали гуттуралы. Сержант появился снова, а за ним шаркал туземец. Одетый в грязную набедренную повязку, его коричневая кожа была сморщена чешуйчатыми складками на груди и животе; лицо напоминало древнюю черепаху; маленькие блестящие глаза были налиты кровью, а конечности почти лишены плоти. Он сидел на корточках на земле и с опущенными веками, казалось, был поглощен созерцанием ножки стола белого человека. Зу Пфайффер посмотрел на него, как смотрят на бродячую собаку, и кивнул сержанту, который сел.

"Говорит ли он на суахили?"

"Нет, господин начальник. Только его обезьянья речь".

"Почему вы полагаете, что он заслуживает доверия?"

"Потому что, Превосходство, его интересы совпадают с нашими. Нет никакой конкуренции. Англичане из "Швайхюнде" пока не имеют там никаких интересов. Они слишком заняты железной дорогой в Уганде".

"Я, я. И опять же, какой там племенной строй, Царь-Бог или... - лейтенант позволил себе легкую улыбку, - "или же Отреченная Церковь?"

"Царь-Бог, Превосходство", - серьезно ответил сержант Шульц.

"Значит, этот парень - священник-отступник, не так ли?"

Сержант заметил, как шевельнулись усы одного из часовых. По дрогнувшим губам сержант понял, что его начальник был ему приятен.

"Ja, Excellence".

[стр. 12]

Цу Пфайффер засунул сигару в угол рта и безучастно смотрел на немую фигуру на полу у стены.

"У нас должна быть страна Вонголо, c'est entendu. Что вы думаете о методе, сержант?"

"С должным почтением, Ваше Превосходительство, - ответил сержант Шульц, - я предлагаю выдвинуться вперед и подчинить их обычным способом".

Зу Пфайффер покрутил в пальцах кольцо и уставился в желтые блики.

"Нет", - наконец задумчиво произнес он, вынул сигару из губ и деликатно сбил пепел.

"Обстоятельства меняют дела. Этот метод слишком дорог. Сын Альтесса не может позволить себе проливать кровь Отчизны в обмен на столь бесславные туши. Мы - цена, заплаченная в кампании Эрреро, была непосильна".

"Простите, Ваше Превосходительство, но Трейчке сказал..."

"Я знаю, сержант. Но Трейчке не жил в Центральной Африке".

"Верно, ваше превосходительство".

"У англичан из "Швайнхюнде" больше опыта, чем у нас. Даже дурак иногда учится мудрости на опыте".

"Верно, Превосходство".

Снова наступила тишина, лишь жужжание настойчивой мухи.

"Кроме того, психологические исследования ценнее артиллерии - иногда, несмотря на Наполеона и Трейчке". Зу Пфайффер взглянул на сержанта, который под маской своих черт выглядел потрясенным. "Богохульство, не так ли, сержант?"

[стр. 13]

"Если ваше превосходительство думает..."

"Но помните, если Наполеон изобрел артиллерийскую науку, то мы изобрели психологию".

"Верно, ваше превосходительство".

Зу Пфайффер самодовольно улыбнулся и погладил свои усы.

"Теперь об этом животном. Кто он и кем был?"

"Один из главных знахарей, Превосходство, богатый и влиятельный. Он попытался свергнуть главного знахаря, некоего Бакахензи, и был дискредитирован".

"Как дискредитирован?"

"Он попытался применить какую-то форму магии, Превосходство, но потерпел неудачу. Подробности не сообщаются".

"Кто предоставил досье?"

"Али бен Хассан, Превосходство".

"От кого он получил информацию?"

"Назван некий Яболо, другой знахарь и родственник".

"Этот Сака-Сака" - [zu](#) Пфайффер взглянул на документ - "Сакамата. Он общается с этим Яболо?"

"Да, превосходно".

Цу Пфайффер задумчиво закурил.

"Когда прибыл последний агент?"

"Вчера, Ваше Превосходительство".

"И никаких сообщений о других белых людях в стране? Нет британских миссионеров или торговцев?"

"Нет, Превосходство".

"Где Сондерс?"

"На озере Киву".

"Никаких сообщений?"

[pg 14]

"Нет с тех пор, как прошло три месяца, Превосходство".

"Умф! А теперь внимание". Шульц послушно наклонился вперед. Зу Пфайффер развернул карту на стене рядом с ним. "Вот Ингония. До страны Вонголо отсюда двадцать дней пути, но через озеро - двадцать часов на шлюпке, а оттуда - пять дней". Тонкий ноготь указал на место на противоположном берегу озера. "Отсюда - что это за место? Ач-Тимбалла. К черту британскую границу! Мы не должны давать им времени на получение новостей. Всегда нужно спешить к правительству. Удивим их, и дело с концом".

"Но, Превосходство, Трейчке говорит об отступлении..."

"Отступления не будет. На сайте [MFunya](#) MPoro's - это идол, фетиш. Мы уничтожим его, и им конец!" Он с грохотом опустил кулак на стол. "Вера объединяет людей; в единстве - сила. Разрушьте веру - и вы разрушите народ".

"Но, Превосходство!" - воскликнул сержант-лютеранин, пораженный.

Голубые глаза Зу Пфайффера ожесточились.

"Пойми, дурак, это дикари. У тебя есть абстрактное божество, которое ты не можешь разбить в конкретике - это очевидно: у них есть конкретный бог, которого мы можем и должны разбить".

"Превосходно, вы правы", - смиренно сказал сержант.

Зу Пфайффер стряхнул пепел с рукава сигары и откинулся на спинку кресла.

"Это ваш приказ. Закажите необходимые каноэ и сообщите Людвигу, чтобы люди были в [pg 15] готовности к полнолунию. Проработайте детали и предоставьте их мне завтра".

"Ja, Excellence." Шульц встал во весь рост. "Но, ваше превосходительство, это существо..."

Зу Пфайффер бросил непринужденный взгляд на Сакамату.

"Ах, это? Уберите его!"

Шульц отдал честь и повернулся к нему.

"Нджоу!" - резко скомандовал он.

Сакамата молча поднялся и исчез в дверях, не взглянув ни направо, ни налево.

"Суд ожидает вашего отличия", - напомнил сержант.

Когда zu Пфайффер вяло кивнул, на веранде послышался топот сапог.

"Ва да?" - спросил сержант Шульц, испуганный вторжением незнакомца.

"О, только я", - ответил мягкий голос на английском.

Сквозь дверь ширмы на фоне желтых бликов сепии вырисовывалась высокая фигура в тирайской шляпе. Смуглая рука толкнула дверь.

"Mon nom est Birnier, Gerald Birnier-er. Кто-нибудь говорит по-английски?"

Зу Пфайффер, поднявшись, опустился в кресло, положив левую ногу в излюбленную позу и одновременно выбирая сигару.

"Да", - ответил он почти без акцента. "Что вам нужно?"

"Я хочу видеть герра коменданта".

Зу Пфайффер чиркнул спичкой, не поднимая глаз.

"Я и есть он".

Опираясь одной рукой на открытую дверь, Бирнье другой недоуменно поглаживал свой бритый подбородок. Он перевел взгляд с сержанта, неподвижно стоявшего у стола, на [pg 16] лейтенанта, занятого раскуриванием сигары до блеска.

"Ну, это же обычное дело - приглашать белого человека сесть, не так ли?" - предложил Бирнье с ноткой раздражения.

Зу Пфайффер посмотрел через стол.

"Нет. Это комната для прислуги, а не общий кабинет".

"А, понятно. Прошу прощения!" В голосе прозвучала нотка смеха. "Не будете ли вы любезны указать мне, куда я должен обратиться?"

Зу Пфайффер продолжал рассматривать незнакомца с ног до головы, медленно закуривая.

"Пожалуйста, проходите, - сказал он наконец, жестикулируя сигарой, - и садитесь".

"Большое спасибо!"

Ирония, казалось, ускользнула от зу Пфайффера. Он отдал гортанный приказ сержанту, тот отдал честь и исчез. Незнакомец положил на стол свою тирайскую шляпу, обнажив взъерошенные каштановые волосы с проседью, высокий белый лоб и длинные черты лица; легкая сутулость плеч и общая осанка скорее выдавали в нем профессионала, чем охотника или торговца. Он окинул стройную фигуру, нагло уставившуюся на него, взглядом, полным неодобрения.

"Что вам нужно?"

"Ну, в основном мне нужна лицензия на добычу слонов и обычное разрешение на торговлю".

"Куда вы направляетесь?"

"В страну Киву".

Зу Пфайффер с интересом рассматривал кончик своей сигары.

"Вы направляетесь в страну Вонголо", - уточнил он.

Бирнье поджал губы.

"Вполне возможно".

[стр. 17]

"Вы уже были в стране Вонголо?"

"Да, я там был, но при чем здесь это?"

"Мы знаем о вас все", - холодно заявил цу Пфайффер, покручивая сигару в тонких пальцах. Он взглянул на золотой репетир. "Прошу прощения, но я должен попросить вас вернуться позже. Суд уже ждет меня". Бирнье слегка нахмурился. "Если вы будете так добры и вернетесь, скажем, в пять часов, я с удовольствием выслушаю ваше прошение".

Бирнье поднялся и взял свою шляпу.

"Конечно", - отрывисто сказал он. "Доброе утро!"

Зу Пфайффер смотрел, как он уходит; затем он резко ударил в колокол. Появился сержант Шульц с нервным ожиданием на бледном лице.

"Почему вы не доложили о прибытии этого человека?" - сурово спросил цу Пфайффер.

"Превосходно, - ответил Шульц, отдавая честь, - он прибыл только через час на катере, одолженном ему англичанами".

"Ах! Английский шпион!"

"Я не знаю, Ваше Превосходительство".

"Мы должны знать. Почему у вас нет отчета о передвижениях этого человека? Он признает, что был в стране Вонголо".

"Превосходство, это уже сделано". Шульц торопливо порылся в картотеке и протянул лейтенанту документ. "Это рапорт Сандерса, ваше превосходительство, более чем шестимесячной давности".

Зу Пфайффер взглянул на указанную страницу и начал читать, в то время как сержант застыл в напряженном ожидании.

"Вы можете идти, сержант", - объявил цу Пфайффер, не поднимая глаз. Шульц отдал честь и удалился. [pg 18] Зу Пфайффер неторопливо дочитал рапорт, отложил бумагу и задумчиво уставился вдаль.

Нет, решил он, поднимаясь, все англичане - шпионы.

[стр. 19]

Глава 2

Как топаз в нефритовом кольце, стоял город Змеи, место королей, деревня из восьмисот хижин, приютившаяся на небольшом возвышении над морем банановых листьев, примерно в двухстах милях к западу от Ингонии.

На вершине стояла большая коническая хижина, похожая на огромный свечной мундштук, - обитель Усакумы, духа Змеи, чье имя было запрещено всем, кроме жреца-бога и создателя дождя, короля Мфуны МПопо, который был настолько свят, что после вступления на священный пост был обречен жить в пределах комплекса, как и короли Эутопии, Шебы и Китая, безбрачным до конца своих дней: Ибо, будучи воплощением идола Усакумы, а значит, управляющего Небом и Землей, его тело должно быть ограждено от любой колдовской опасности, чтобы не прекратились дожди и не упало голубое небо.

Из комплекса, если смотреть на северо-запад, где на горизонте фиолетово вырисовывалась снежная вершина Гамбаллагалла, над зелеными листьями выглядывал еще один коричневый конус - прежняя резиденция, а ныне гробница короля МКоффо, предшественника Мфуны МПопо. Ведь где умирает король-бог, там его и хоронят, а за ним и его жен; место становится священной землей, местом паломничества и святилищем.

В каждой из маленьких хижин, расположенных сзади храма Мфуны МПопо, но за пределами священной ограды, жили [pg 20] его жены, которые, хотя и были запретны для своего мужа, допускали королевскую распущенность. Неподалеку находилась небольшая копия храма, где жил молодой вождь, также связанный узами безбрачия, в обязанности которого входило поддерживать королевский огонь до тех пор, пока король будет царствовать. Кроме этого человека, никому не разрешалось общаться с королем, кроме как по государственным вопросам; через него передавалась королевская воля - то, что от нее осталось, - совету, который заседал в длинном прямоугольном здании напротив входа в храм и под открытым небом в деревне, состоявшем из знахарей и вождей.

Царская должность существовала только как благодетель, вопрос самосохранения племени. Функции короля-бога были божественными: творить магию для победы своих воинов и, главным образом, вызывать дождь, от которого, конечно, зависели пищевые потребности его подданных - воплощение бога, который в действительности был козлом отпущения за упущения бога.

Должность была наследственной. Возможно, никто другой не согласился бы занять столь обременительный пост. Магические действия совершались перед богом с помощью главного знахаря - чрезвычайно прибыльной должности, получаемой по заслугам, которую

занимал некто Бакахензи, высокий мускулистый мужчина в расцвете сил, чья осанка была присуща местному самодержцу, свирепому и неумолимому. Личные желания короля могли спокойно исполняться до тех пор, пока он не ставил под угрозу существование народа, желая разорвать любую из сеток табуса, призванного обеспечить безопасность его священного тела, а значит, и всего племени, исходя из того, что, если будет повреждено воплощение, пострадает бог, а значит, и его творения [pg 21] : любое нарушение этих законов влекло за собой смертную казнь - кодекс, раскрывающий туземную логику в путанице причин и следствий, конкретного и абстрактного.

В дверях хижины на окраине деревни сидел на корточках пожилой человек с хохолком седой бороды на подбородке. Он был одет в довольно чистую набедренную повязку, а на шее у него висел завернутый в банановые листья амулет, содержащий желчь и ноготь врага, убитого девственницей-воительницей, - средство против черной магии, мощные свойства которого подтверждались неоспоримым влиянием и богатством владельца.

От банановой плантации к нему неторопливо шел высокий стройный дикарь, на руках и лодыжках которого были браслеты из слоновой кости королевского дома и чашечка из слоновьего волоса воина. Маруфа продолжал в задумчивости смотреть на противоположную хижину. Но поскольку они не встречались с восхода солнца, он не преминул произнести ортодоксальное приветствие в тот самый момент, когда тень вождя прошла перед ним, на что Залу Зако пунктуально ответил, предотвратив тем самым дурное предзнаменование. Как только юноша вышел за пределы следующей хижины, в роще появилась девушка, похожая на бронзовую лесную нимфу. Она носила крошечный пояс незамужних и шла осторожно, неся в руке посылку, завернутую в банановые листья. В тени ограды комплекса она остановилась, откинув назад одну тонкую коричневую руку, и с опаской проследила взглядом за легкой фигурой Залу Зако.

Маруфа сидела неподвижно, погрузившись в мистическое созерцание. Бакума быстро огляделась по сторонам. Видимо, убедившись, что за ней никто не наблюдает, кроме тощей собаки [pg 22] и двух детей-голливудов, она продолжила путь, как бы пропуская старика, ее глаза по-прежнему были устремлены на олененка. Но когда она оказалась рядом с Маруфой, то опустила на корточки рядом с ним, прижимая к себе сверток, и прошептала:

"Приветствую тебя, о мудрейший!"

"Приветствую тебя, дочь, - ответил Маруфа, не ослабляя пристального взгляда.

"Я хочу поговорить с тобой".

"Да".

Она снова огляделась по сторонам.

"Я хотела бы поговорить с тобой, о мой отец".

"Узлы моих волос завязаны".

"Я благодарю тебя. В груди моей трепещет птица".

"И змея вокруг сердца твоего, о дочь моя".

"Айе-е!"

"Внук змеи завязал твой пояс".

"Эх!"

Девушка в ужасе схватилась за грудь.

"Откуда ты знаешь?"

"Сыну Мтунго все известно", - торжественно объявила Маруфа, по-прежнему глядя на противоположную стену. "Ты желаешь любовных чар.... Что у тебя есть?"

Бакума с трепетом опустил зеленый сверток на землю, бросая испуганные взгляды направо и налево. Медленно худая рука волшебника осторожно раскрыла листки; очень впечатляющие глаза опустились вниз, чтобы оценить запас синих и белых бусин.

"У духа Тарума большой живот", - беззвучно объявил он.

"О мудрейший, заступись за меня, - умоляла Бакума, [pg 23] - ибо больше у меня ничего нет, я, Бакума, дочь Бакалы, девушка из соломенной хижины".

"Настоящий любовный талисман, непогрешимый и сильный, трудно получить, о Бакума. Молодая охотница нацелилась на крупную дичь".

"Эх! Но у меня больше нет, великий!"

"Шерсть охотящейся леопардессы, печень лесной крысы, язык птицы барото - все это я должен смешать с твоей кровью, чтобы ее выпил твой мужчина в полнолуние".

"Эх! Эх!"

"Таково волшебство, перед которым не устоит ни один юноша".

"Эх-х!"

"Но эти вещи трудно достать".

"Aie! Айе!" - причитала Бакума, в отчаянии сжимая руки.

"Трудно достать".

"Aie-e!"

"В ночь полумесяца я приму облик леопарда".

"Э-э!"

"Я буду говорить с духами".

"Эх! Эх!"

"Но их нужно умиловить кровью жирного козла".

"Эй! Айе! Но у меня нет жирного козла".

"Если не будет жирного козла, то духи разгневаются на меня".

"Айе-е-е!"

Бакума сидел, глядя в мрачном недоумении.

"У меня, девушки из соломенной хижины, нет жирного козла! Айе! Айе!"

[стр. 24]

Маруфа порылась в набедренной повязке и высыпала на землю крошечный сверток.

"Смотри и познай силу моей магии". Бакума жадно схватил амулет. "Сгинь!" - прошептал он, отшвырнув посылку с бусами за спину. "Миалу приближается".

"Эх!"

Бакума поднялся и бежал с грацией испуганной антилопы, когда появился высокий, крепкого сложения мужчина с низкорослым лицом, через которое проходил глубокий шрам. За Мьялу шли два молодых раба, неся небольшой слоновий бивень. Напротив Маруфы рабы остановились. Их хозяин, следя за тем, чтобы его тень падала далеко от фигуры мага - ведь тень - это одна из душ, и горе тому, кто оставит свою душу в руках врага, - серьезно присел на корточки.

"Приветствую тебя, сын Мтунго!"

"Приветствую тебя, сын Мабусы!" - ответил Маруфа.

Они серьезно поплевали друг другу в ладонь - знак дружбы, которым обмениваются те, кто обменивается узами хорошего поведения, ведь, как известно, над тем, что было частью тела, можно творить магию так же, как и над самим телом. Затем они торжественно вытерли плевки о свои груди.

"Дух змеи не питает жизнь банана".

"Нет, уже почти две луны не было крови змеи", - бесстрастно ответил старик, переведя взгляд с клыка на свою любимую глинобитную стену.

"И посевы не прорастают. Может, к Жителю в Месте Змеи приходил кто-то из леса?"

[стр. 25]

"Да, но старая кровь бежит не так быстро, как молодая".

"Нет, - ответил Мьялу в ответ на обращение к себе, - но пояс еще не завязан другим".

"Когда снесена первая веточка для гнезда, - заметила Маруфа, с тоской глядя на клык, - трудно переманить курицу на другое дерево".

"Вот хорошая веточка, которой можно искушать духов леса", - и многозначительно: "Может быть, есть и другие".

"Для тебя, о сын Мабусы, будет приготовлено могущественное зелье", - объявила Маруфа, слегка отодвигаясь, чтобы спрятать сверток с бусами. "Могущественное зелье, непогрешимое; оно сделано из шерсти ночной леопардессы, печени лесной крысы и языка птицы барото; их она должна взять, чтобы говорить с тобой тихо, вместе с частью того, что осталось от церемонии лоболо. Это непогрешимо, никогда не подводило".

"Эх!"

Маруфа заинтересованно уставился на бродячую курицу. Миалу исподтишка наблюдал за ним. Как бронзовые, сидели две молодые рабыни. Издалека доносились слабые напевы и удары барабана.....

"Бивень здесь, Маруфа", - небрежно заметил Мьялу.

"Мои глаза видят его", - заметил Маруфа, не отрываясь от наблюдения за курицей.

"Где же тогда зелье?"

Маруфа взглянул на бивень, снова оценил его и, пошарив в набедренной повязке, бросил на землю еще один маленький сверток. Мьялу жадно подхватил [pg 26] амулет и в благоговейном ужасе уставился на него, переворачивая и разворачивая.

"Бивень", - пробормотал Маруфа.

Мьялу жестом подозвал своих рабов. Они поднялись, положили бивень рядом со стариком, отступили назад и снова присели на корточки. Приподняв один конец, чтобы проверить вес, Маруфа осмотрел зерно. Затем, задвинув его за спину, словно желая сесть на него, заметил:

"Это зелье нужно есть в полнолуние".

"Эх!"

Мьялу поднял глаза от поглощенного изучения амулета.

"И в течение четверти плод созреет для срывания". Белки глаз Мьялу сверкнули. "Если только, - продолжал старик без особого интереса, - против тебя не будет применена более сильная магия".

"Эх!"

Обе руки, державшие амулет, опустились.

"Если, - объяснила Маруфа, - кто-то другой свяжет травы с крыши ее отца, то потребуется более сильный дух, чтобы преодолеть такую магию".

"Но ты же говорил мне, - возразила Мьялу, с сожалением глядя на бивень, - что это могущественная магия, сильная и непогрешимая, никогда не дающая сбоев".

"Так оно и есть, - невозмутимо ответил старик, - для всех, кроме более сильной магии".

Глаза Мьялу перебегали с бивня на Маруфу и обратно. Он нахмурился.

"Почему ты не сказал мне?" - спросил он, роняя амулет на землю.

"Это ты должен рассказать чародею все, что знаешь. Как еще он может считаться с твоими врагами?"

[pg 27]

"Враг!" - воскликнул Мьялу. Он вопросительно уставился на Маруфу. "Враг! Знаешь ли ты, кого я ищу?"

"Разве не все куры замечают, как расхаживает петух?" - беззаботно спросил Маруфа, постукивая табакеркой.

"Эх!"

Мьялу наблюдал за тем, как он принимает табак, словно никогда раньше не видел этой операции.

"Эх!" - снова лаконично заметил он.

Маруфа заменил пробку из скрученных листьев, выпустил табакерку из рога носорога, подвешенную к шее на медной проволоке, и задумчиво посмотрел на тощего козленка, который яростно чесался. Мьялу зашевелился, словно собираясь подняться, но затих, задумался и медленно произнес:

"В доме Мьялу есть еще четыре бивня".

"Еще четыре бивня", - мечтательно повторила Маруфа.

"Больше, чем этот", - подсказал Мьялу.

"Больше, чем этот".

"Знаешь ли ты, кем завязан пояс?"

"Внуком Змея".

"Эх!"

Мьялу неподвижно сидел на корточках. Старик, казалось, дремал. Женщины, несущие на голове тыквы с водой, шли в одном ряду, их чресла ритмично колыхались. Тени уменьшились. Совсем рядом раздался быстрый стук барабана. В деревне началось волнение: каждый мужчина повел своих женщин и рабов в свою хижину.

"О Маруфа, - сказал Мьялу с легким рычанием, - есть ли у тебя такое сильное лекарство, которое наверняка сможет заманить в ловушку душу Залу Зако, когда она, случается, блуждает (во сне)?"

[стр. 28]

"Все возможно для сына Мтунго", - пробормотал старик.

Впереди показались два вождя, идущие через рощу на среднем расстоянии. Мьялу с опаской оглянулся.

"Я дам тебе два бивня, - прошептал он, - если ты сделаешь это".

"Три бивня. Не меньше, потому что дело опасное".

"Два, два".

"Нет".

Старик зашевелился, чтобы подняться.

"Пусть будет три", - вздохнул Мьялу. "Но я должен увидеть, как творится волшебство".

Они поднялись вместе.

"Принеси мне ногти его пальцев, волосы, плевок и след. Затем ты пойдешь со мной в священную рощу, где будет совершено волшебство".

"Эх!"

"Но три бивня должны быть отданы Яноке, моей первой жене".

Мьялу заколебался.

"Да, так и будет", - неохотно согласился он.

"Договорились?" - спросил Маруфа.

"Да пропадет мой шнур!" - поклялся Мьялу и, жестом подозвав рабов, поспешил прочь.

Легкая усмешка мелькнула в глазах старика, когда он вошел в хижину.

"Он уже напился ее крови", - пробормотал он. "Эй, Инкомбана! Возьми бивень!"

Когда Маруфа вышел, головной убор из хвостовых перьев зеленого попугая - профессиональная форма и мощное средство против злых духов - мягко пушился, пока он [pg 29] медленно шел к дому совета. С другой стороны хижины шел Мьялу, как будто он пришел с другого направления. В открытых воротах королевского загона сидел мускулистый молодой человек, примостившись на корточках, и разводил королевский костер, который жадно кормился маленькими охапками. За ним, в желтых бликах на расчищенной площадке под соломенным навесом, стоял деревянный идол, чей однобокий рот рычал под безгубым носом; узкие прорезы глаз щурились; детские руки торчали вниз рядом с треугольными грудями над дынеобразным животом с выпирающим пупком, похожим на маленький огурец - воплощение бога-змея Усакумы.

За оградой священного места находился еще один, более высокий, отгораживавший совет знахарей и вождей от обывателей, которые были заточены в своих хижинах под страхом страшной смерти или огромного штрафа, в зависимости от решения знахарей.

Сзади идола, скрестив ноги у стены входа в коническую хижину, сидели музыканты, отбивавшие монотонный ритм на большом и малом барабанах и бренчавшие на примитивной лире из пяти струн. Как раз в тот момент, когда Маруфа и Мьялу заняли свои места среди магов и вождей, на открытое пространство выскочил молодой козел и с любопытством уставился на Хранителя Огней. Когда тот махнул животному рукой, чтобы оно со священной земли, коза опустила голову и пригрозила напасть, но вдруг вспомнила о своем товарище, лежавшем в тени в нескольких футах от нее, и принялась рассеянно блять.

Серьезно и молча сидело собрание: непрерывно били барабаны. Солнце било по диагонали. Когда ящерица [pg 30] вынырнула, как вспышка призмы, из травяного частокола, оркестр замолчал. Из-за идола вышел человек. Несмотря на то что седые космы на подбородке, священная змеиная кожа вокруг талии поверх набедренной повязки из кошачьей кожи, звяканье браслетов из слоновой кости на руках и лодыжках, а также его рост создавали впечатление варварской королевской власти, король Мфуныя МПопо шел вперед с манерами собаки-изгоя, которой приказано следовать за хозяином.

Когда король приблизился, хранитель костров поспешно набросал горсть охапок и склонил голову. В центре проема загона король сел на корточки, спиной к костру, из которого струился голубой дым. Среди собравшихся в доме совета волшебников и вождей не шевельнулась ни одна конечность, ни один мускул. Привлеченная движением, коза перестала блять и уставилась на короля, а затем, опустив голову, бросилась на него.

С ужасом вскрикнув, Хранитель Огней бросился наутек. Но он был недостаточно быстр, чтобы предотвратить столкновение рогов животного с королевской рукой, вытянутой для самозащиты. Прибежали три молодых вождя; один подхватил козла и унес его, воинственно бляя; остальные опустились на колени, и пока один из них осторожно собирал струйку крови на предплечье короля в кусок бананового листа, его товарищ вытирал рану. Когда они убедились, что кровотечение прекратилось, кусочки были тщательно завернуты в другой

лист и отнесены Хранителем костров на хранение в храм: ведь, как известно каждому, королевская кровь не должна проливаться на землю, чтобы место не было проклято навеки и, подобно зубу колхидского дракона, не восстали на месте призрачные воины, чтобы уничтожить племя".

[pg 31]

Ни на лице одного из старейшин, ни на чертах Мфунья МПопо, короля, не дрогнул ни один мускул. Однако это происшествие было расценено как дурное предзнаменование.... И вдруг Бакахензи, главный знахарь, с высоким алым пером в дополнение к зеленым и ожерельем из костей пальцев на бронзовой груди, который сидел в центре с Кава Кенди, сыном короля, справа от него, и Залу Зако, внуком, слева от него, начал скандировать высоким плачущим голосом под быстрый ритм барабанов:

"Не надвигается ли тень на землю?

Хмурый взгляд Того, о ком нельзя упоминать?

Я, Бакахензи, видел это! Видел!"

И из группы внутри дома совета, неподвижной, донесся басовитый хор согласия:

"Ух! Ух!"

"Разве над землей не нависло сухое проклятие?

Не горячее ли это дыхание души Змея?

Я, Бакахензи, видел это! Видел!"

"Ой! Ух!"

"Где же ложный дух, согрешивший на деле?

Тот, кто согрешил в тени имени?

Я, Бакахензи, видел его! Видел его!"

"Ough! Ух!"

"Не его ли острое жало опаляет землю?

Разве не убит молодой хлеб наших животов?

Я, Бакахензи, видел это! Видел!"

"Ough! Ух!"

Грохот барабанов становился все быстрее. Бакахензи [pg 32] выскочил из толпы. Сразу же перед королем он начал танцевать и кричать:

"Не слишком ли велика ноша для Стража Имени?

Айе! Эй!

Неужели и Носитель не справится с тяжестью мира?

Эй! Эй!

Его дух околдован душой девушки?

Эй! Эй!

Его магическая сила убита грехом?

Айе! Ай!

Разве пророк произносил слова в образе козла?

Айе! Эй!

Жаждет ли спаситель в волосах крови короля?

Эй! Эй!

Прислушаемся ли мы, о вожди, к желанию Единого?

Эйе! Айе!

Или же засохнуть и умереть в засухе Его гнева?

Эй! Айе!"

Кава Кенди, мужчина средних лет, мощный и длинноногий, сидел так же неподвижно, как король, его отец, и смотрел, как и все, неподвижным взглядом анагога.

Внезапно барабаны прекратились. Снова наступила жаркая тишина, когда Бакахензи остановился перед Мфуныя МПопо. Затем с пронзительным воплем знахарь крутанулся на носках. Барабаны забили в истерическом ритме. Бакахензи подпрыгнул в воздух, закружился вокруг себя, хрипло крича, непрерывно прыгая и крутясь.

Вожди и врачи начали хрюкать, продолжая [pg 33] крещендо, пока все тело не запульсировало и не захрюкало в ритм барабанам. Однако Мфуныя МПопо сидел неподвижно.

Внезапно Бакахензи изменил неустойчивый ход своего дикого танца. Он закружился и закричал перед королем и упал вниз головой, как в припадке, с выпученными глазами и пеной на черных клочьях бороды. Бакахензи схватился за живот и завыл, как гиена на луну. Барабаны остановились. Бакахензи вопил и корчился так, словно тысяча извергов вырывали у него внутренности.

Он лежал неподвижно. Казалось, воздух дрожит. Линии конечностей всех людей, кроме короля, были напряжены. Затем из распростертого тела знахаря, чьи ноги и руки были скрючены в агонии, а истекающий кровью рот был закрыт, как в тисках, раздался чревоушательный фальцет:

"Айе-е! Айе-е! Я дух Кинту!

Айе-е! Айе-е! Я тот, кто был первым!

Айе-е! Айе-е! Я - банан, из которого я был сделан!

Айе-е! Айэээ! Хранитель Имени предал меня!

Айе-е! Айе-е! Невеста моя осквернена!

Айе-е! Айе-е! Да восстанет тот, кто чист!

Айе-е! Айе-е! Пусть встанет тот, кто просил!

Айе-е! Айе-е! Пусть потушат пожары!

Айе-е! Айе-е! Пусть из пепла возникнет новый огонь!

Айе-е! Айе-е! Я заговорил, Я, Отец людей!

Айе-е! Айе-е! Я, Тарум, душа ваших предков!"

[pg 34]

Из собрания донеслось брюшное ворчание согласия. В молчании поднялся Кава Кенди, наследник. Его лицо было таким же невыразительным, как и у отца. Он обошел тело Бакахензи и вышел на открытое пространство, за ним последовал молодой человек, Кингата Мата. В десяти футах от загона Кингата Мата опустился на корточки. Перед Мфунья МПопо на корточках сидел его сын. Они плюнули друг другу в руку и проглотили слюну. Затем голова Кава Кенди склонилась к губам Мфунья Мпопо, чтобы принять священное Имя.

В унисон с Кава Кенди поднялся Кингата Мата, который передал ему шнур из скрученной коры. Наклонившись за королем, который оставался неподвижным с закрытыми глазами мертвеца, Кингата Мата быстро поправил шнур и передал его обратно сыну, Кава Кенди.....

Когда мускулистый молодой Хранитель Огня торжественно вылил кувшин воды на королевский огонь Мфунья МПопо, он покорно опустился на колени и был задушен рядом со своим хозяином.....

Собрание подняло великий крик:

"Огонь потушен!"

И из деревни, с трепетом внимавшей могущественным деяниям, донеслось, как эхо:

"Огонь потушен! Айе! Айе!"

Тогда старейшины и волшебники закричали:

"Да будет новый огонь!"

Из деревни снова доносились стенания:

"Да будет новый огонь!"

Как в Месте Огня зажег новый огонь Кингата Мата с помощью двух священных палок, одна из которых [pg 35] мужская, а другая женская, собравшиеся вожди и маги застонали в знак преданности новому Царю-Богу незримого духа Змеи, Усакумы, Идола.

Глава 3

В пять тридцать цу Пфайфер растянулся в длинном бомбейском кресле в самой прохладной части экранированной веранды. На столике рядом с ним стояли высокий бокал, графин коньяка и коробка сигар, а с крыши свисал холщовый мешок с водой и сифоном. Муха, каким-то образом пробравшаяся через экран, ударилась о лоб лейтенанта, упала на книгу и с жужжанием ударилась о проволоку.

"Ach, Gott verdammt!" - раздраженно воскликнул цу Пфайффер и крикнул: "Хо, Бакунджа-ла". Мгновенно появился высокий негр в белом. "Ты, сын бога! Посмотри на это!"

Бакунджала посмотрел, подпрыгнул и поймал муху в руку.

"Ой!" - воскликнул он, когда шершень ужалил его.

"Ах, ты, позорная женщина, лови его немедленно!"

Не раздумывая, Бакунджала сделал еще один рывок и, крепко сжимая муху, направился открывать дверь.

"Стоять!" - приказал лейтенант.

Бакунджала повиновался.

Зу Пфайффер с легкой улыбкой веселья смотрел на человека, стоящего с жалом осы в ладони.

"Больно?" - дружелюбно поинтересовался он.

"Индио, бвана!" - утверждал Бакунджала.

[pg 37]

"Хорошо! Теперь остановись".

Негр остался неподвижен. Зу Пфайффер неторопливо выбрал свежую сигару, зажег ее, раскурил и, вдыхая дым, погладил свой левый ус.

"Все еще болит?"

"Индио, бвана!" - сказал Бакунджала с высокой нотой в голосе.

"Великолепно!" - заверил лейтенант и через целую минуту добавил: "Теперь можешь идти. И помни, если ты еще раз испугаешься мушиной боли, я дам тебе двадцать плетей".

"Индио, бвана", - покорно ответил Бакунджала и быстро удалился с шершнем в сжатом кулаке. Зу Пфайффер улыбнулся, снова задумчиво посмотрел на фиолетовые тени, лениво ползущие по площади, отпил немного бренди и, взяв в руки книгу, начал читать.....

"Превосходство!"

Зу Пфайффер нахмурился и огляделся. За экраном стоял сержант Шульц и отдавал честь. Зу Пфайффер кивнул.

"Ну?"

"Превосходство, - сказал сержант, - англичанин здесь".

"Лейтенант достал свой золотой хронометр. "Сейчас мое время купания. Я не могу его видеть".

"Ja, Excellence."

"Подождите". Зу Пфайффер убрал ноги и поднялся. "Ах, скажи этому дураку, чтобы шел сюда и ждал, пока я приму ванну".

"Превосходно!" - согласился сержант и, отдав честь, удалился. Зу Пфайффер вошел в бунгало. Через площадь вошел Бирнье с сержантом, который [pg 38] провел его в закрытую часть веранды.

"Его превосходительство скоро прибудет", - сказал сержант и покинул его.

Бирнье положил свою тирайскую шляпу на стол и, не видя ничего другого, сел в бомбейское кресло, огляделся вокруг, празднично изучил марку на коробке сигар и улыбнулся. "Очень удобно устроился, - отметил он про себя. "Жаль, что он выглядит таким хамом". Он взглянул на книгу, лежавшую на кресле. Allgemeine Geschichte der Philosophie von Prof. Dr. Paul Deussen. "И философ, а!" Не найдя ничего по-немецки, он отвернулся и раскурил свою трубку. Через некоторое время он начал ерзать, гадая, как долго ему придется ждать. "Проклятье!" - пробормотал он и, взяв одну из книг на столе, Les Ba-Rongas, par A. Junod, открыл ее наугад и начал читать.

Тени одного бунгало доходили до веранды на противоположной стороне площади. А он все еще читал, держа в руке погасшую трубку. Как раз в тот момент, когда сумерки потухли, словно свеча, резкий шаг возвестил о прибытии лейтенанта. Бирнье поднялся с книгой в руке.

"Добрый вечер, сударь!"

"Добрый вечер", - ответил цу Пфайффер, одетый в белую форму. "Что вам нужно?"

"Ну, - сказал Бирнье, - прежде всего я должен извиниться за то, что занимаю ваше кресло и читаю вашу книгу. Кстати, очень интересную".

"Ничего страшного", - сказал цу Пфайффер, когда Бакунджала вошел с лампой и стулом. "Прошу садиться".

[pg 39]

"Благодарю вас".

Бирнье сел на маленький стул, а лейтенант - на бомбейский.

"Простите, что побеспокоил вас сегодня утром", - неуверенно начал Бирнье. "Но я не знал..."

"Ничего страшного. Это вина часового. Он не должен был пропускать вас".

"Что касается моего заявления на получение лицензии, герр лейтенант?"

"Я сожалею, - холодно сказал цу Пфайффер, обрезая сигару, - что не могу выдать вам просимую вами лицензию".

"Вы не можете выдать мне лицензию на торговлю или стрельбу?"

"К сожалению, нет".

Бирнье уставился на него.

"Могу я поинтересоваться, почему мне отказано?"

"Можете. Мы не хотим, чтобы в стране оставались неугодные".

"Нежелательных!" Губы Бирнье сжались. "Боюсь, я вас не понимаю". Лейтенант тщательно раскуривал сигару. "Не будете ли вы так любезны объяснить мне причину столь оскорбительного замечания?"

Зу Пфайффер пышно выдохнул дым. Бирнье на мгновение застыл на месте, сунул трубку в рот и перекусил стебель; вынул ее и прошелестел:

"Если вы намерены продолжать этот нелепый фарс, я буду вынужден подать жалобу через Вашингтон".

"Вашингтон?" Зу Пфайффер снял одну ногу [pg 40] с подставки кресла и вынул сигару изо рта. "Вы американец?"

"Да".

"И что? Мы поняли, что вы английский агент. У вас есть документы?"

"Конечно. Если вы хотите..."

"Мы не требуем. Нет. Мой агент был неправ. Он будет наказан". Затем приветливым голосом: "Я тоже долгое время был в Америке. Прошу вас выкурить сигару, месье Бирнье".

Бирнье замешкался, озадаченный.

"Спасибо", - неуверенно сказал он, выбрал одну, откусил конец и выплюнул его в угол. Зу Пфайффер деликатно вздрогнул, а Бирнье, прикуривая сигару, изучал его лицо в отблесках спички, отмечая широту челюсти, ширину между глазами и слегка жесткую линию в углу рта.

"И простите меня!" крикнул Зу Пфайффер Бакунджале. "Я полагаю, что вы уже давно в Африке, - продолжал он.

"Около десяти лет".

"Вы находите страну Вонголо интересной?"

"О, да".

"Вы давно там были?"

"Нет, я пробыл два года в Конго и проезжал через него по пути в Уганду для ремонта".

"Ах. Вы разрешаете мне? Вы занимаетесь добычей полезных ископаемых?"

"Нет". Бирнье тонко улыбнулся. "У меня профессорская должность в Американском музее естественной истории, в антропологическом отделе".

"Профессор! Ах!" Зу Пфайффер заинтересованно посмотрел на него.

[pg 41]

"Да. Вот почему я был так поглощен Les Ba-Rongas, который я нашел здесь. Вы интересуетесь антропологией?"

"Да, я люблю изучать животных. У меня есть библиотека - небольшая, здесь. Вы должны ее увидеть".

"Спасибо".

"Вы изучали повадки животных и, как вы это называете, фолькскюндлихов в Вонголо?"

"Да. Больше я ничем не занимаюсь".

"И что?" Пришел Бакунджала со свежими бокалами и вермутом. "Что вы предпочитаете, французский или итальянский, герр профессор?"

"Французский, пожалуйста".

"Вы будете ужинать со мной, пожалуйста?"

"Очень любезно с вашей стороны, лейтенант". Бирнье недоуменно посмотрел на него, скорее забавляясь полной переменной манеры. Когда ему нравится, он просто очарователен, подумал он.

"Откуда вы родом, герр профессор?" - поинтересовался цу Пфайффер, опуская бокал.

"О, я южанин. Из Луизианы. Моя фамилия французская, вы знаете".

"Ах так? Che les aimes, les Français. Les femmes sont adorables!"

"Oui, je les trouve comme ça!" - согласился Бирнье, улыбаясь. "Ma femme est française."

"И что? ... Я тоже, профессор, влюблен во француженку. Она прекрасна! Великолепна! Ach, ent zückend!" Лейтенант вглядывался в теплую темноту. "Всегда я вижу ее в темноте, chaleur-parmis les animaux". В отблесках лампы голубые глаза были мягкими, женственные губы изогнулись в нежной улыбке, когда он прошептал:

[pg 42]

"Die Jahre kommen und gehen,

Geschlechter steigen ins Grab,

Doch nimmer vergeht die Liebe,

Die ich im Herzen hab!

Nur einmal noch möcht ich dich sehen,

Und sinken vor dir aufs Knie

И сдержанно говорить с вами:

'Madam, ich liebe Sie!'"

"Спасибо", - тихо сказал Бирнье. "Я бы тоже так сказал".

"Ach, sprechen Sie Deutsch?" - быстро спросил цу Пфайффер.

"Нет, к сожалению, я на нем не говорю, но немного понимаю; и особенно Гейне".

"Ach, Gott!"

В голосе прозвучало удовлетворение. Прозвучал гонг. Зу Пфайффер резко повернулся: "Пойдемте, герр профессор, ужинать. Вы хотите помыться?"

Бунгало, необычайно возвышенное, было разделено на три отсека. Потолок, сделанный из прочной белой бязи, чтобы укрыться от змей и постоянной пыли от древесных бурильщиков, был подвешен к стропилам, как крыша шатра. Центральная комната была обставлена тростниковыми шезлонгами, как курительная комната, и украшена шкурами, туземными музыкальными инструментами, копьями и щитами; барабаны служили маленькими столиками, а слоновьи ноги - пепельницами.

В спальне стояла латунная кровать и москитная сетка. Позади находилась ванная комната с гофрированным бачком на поперечных балках, который давал силу для душа. Полотенца и принадлежности были в крапинку [pg 43] чистыми. Когда Бирнье появился, он застал цу Пфайффера раскинувшимся в гостиной. На красном лаковом подносе на большом военном барабане, покрытом полосатой шкурой зебры, стояли хрустальный ликерный сервиз и большая серебряная коробка египетских сигарет.

"Ах, профессор, - сказал он, - приятно снова говорить с белым человеком" (под которым он подразумевал равного). "Прошу вас, присаживайтесь. Немного ликера в качестве аперитива и сигарету, потому что на другую сигару нет времени".

Когда Бирнье сажился, он заметил белокурую голову лейтенанта в его тщательно отделанном золотом мундире и мельком взглянул на украшенный драгоценностями браслет из слоновой кости и китайский ноготь.

Очередной сигнал гонга поднял цу Пфайффера на ноги. Когда он вывел гостя через боковую веранду по крытому крыльцу в столовую, построенную в стороне от основного здания, чтобы уберечься от мух, в дверном проеме мелькнула туземная девушка, чьи белые халаты обтягивали стройную фигуру. Стол был накрыт безупречно чистым бельем, сверкал стеклом и был украшен множеством диких орхидей. За стульями неподвижно стояли два негра в безупречно белых одеждах. На каждой тарелке лежали закуски из анчоусов и сыра на узорчатом кусочке тоста. Соленый миндаль, конфеты и оливки - в зеленом фарфоре; бокалы для вина трех видов. За супом последовала запеченная рыба.

"Итак, профессор, - заметил лейтенант, - вы когда-нибудь вернетесь в Вонголо?"

"Да, если только не обнаружу какое-нибудь племя с более интересной системой теологии".

"Они могущественное племя, не так ли?"

[pg 44]

"О да, очень. Их система обеспечивает единство, которое позволяет действовать согласованно. Здесь, я полагаю, все иначе".

"Да, да; здесь они бедны. До нашего прихода каждая деревня воевала с другой. Их суеверия не... как бы это сказать?"

"Систематизированы?"

"Да. У них нет ни верховного вождя, ни бога. Вот видите, - добавил он, улыбаясь, - автократия - единственная форма правления. Демократия - па! ... Я прошу прощения, профессор!"

"Пожалуйста, не надо, - ответил Бирнье, - хотя, конечно, я не могу с вами согласиться".

"Но у Вонголо есть бог и король?"

"Да, система "король-священник". Одна из самых интересных, с которыми я когда-либо сталкивался или о которых читал".

"Вы видели короля-бога, Мфунья МПопо?"

"О нет. Его запрещено видеть иностранцам - такой же закон, как у медяков; только знахарям и людям - раз в год на празднике урожая. Вот почему я намерен вернуться. Невозможно получить достоверную статистику об их обычаях, практике и реальных верованиях, не завоевав их доверия. В этом и состоит моя миссия".

"Я больше не удивляюсь, герр профессор, что вы были справедливо раздосадованы. Да. Но, пожалуйста, не беспокойтесь о вашей нелепой лицензии. В моей юрисдикции она не нужна, уверяю вас. Вы можете приходить и уходить, когда вам заблагорассудится, снимать, что пожелаете. Я всегда буду рад помочь столь уважаемому профессору".

"Большое спасибо".

"Ничего страшного. И может быть, когда вы будете там, [pg 45] вы будете так добры, что напишете мне? Рассказать мне о том, что неизвестно, чтобы я тоже мог продолжать изучать животных - опять же, что это такое? das Volkskündliches?"

"Фольклор, не так ли?"

"Да. Пожалуйста, выпейте еще вина, герр профессор. Пожалуйста, я настаиваю. Это настоящий Митт. Это обещание? Я благодарю вас . А если... Были ли другие белые, когда вы там были?"

"Только один".

"И где он был, интересно?"

"На южной границе".

"Около озера Киву?"

"Да".

"Сандерс", - пробормотал цу Пфайффер.

"Прошу прощения?"

"Это пустяки, но я не люблю, когда в моей провинции появляются иностранцы. Они - миссионеры и торговцы-шпионы".

"Действительно."

"Да, это всегда так. Герр профессор, я прошу вас об одолжении. Не будете ли вы так любезны написать мне, если в стране Вонголо появится еще какой-нибудь белый?"

"Я буду очень рад", - ответил Бирнье.... "Вы собираетесь когда-нибудь приехать туда, герр лейтенант?"

"Нет, это не наша территория, хотя мне бы очень хотелось увидеть ее и пострелять. Там много слонов?"

"О да, много".

"Пожалуйста, попробуйте это яйцо с карри, герр профессор. Оно превосходно, уверяю вас. Я благодарю вас.... А каучук, там много каучука?"

"Да, думаю, да".

[pg 46]

"А теперь мне интересно, заметили ли вы, дерево это или лоза?"

"Я не могу сказать". Бирнье тонко улыбнулся. "Меня такие вещи не интересуют".

Зу Пфайффер пристально посмотрел на него и сменил тему. Когда они покончили с лучшим цыпленком с костями, которого Бирнье когда-либо пробовал в Африке, зу Пфайффер поднялся.

"Давайте пройдем в мой кабинет, герр профессор, если вы позволите, выпьем кофе и немного хорошего портвейна, и я с удовольствием покажу вам свою маленькую библиотеку".

"С удовольствием", - охотно согласился Бирнье.

Вокруг белых стен прохладной комнаты, служившей кабинетом зу Пфайффера, тянулись низкие книжные полки из местного дерева, на которых стояло несколько сотен томов, перенесенных за пятьсот миль на головах носильщиков. На полу лежали травяные циновки и леопардовые шкуры. В центре, на тяжелом столе, стояла лампа с зеленым абажуром в серебряной оправе в виде слоновьей ноги. На книжных шкафах стояли различные диковинки и медный кофейный сервиз, а с противоположных сторон смотрели друг другу в глаза мраморные фигурки Бисмарка и Вольтера. На южной стене висело большое масло с изображением кайзера Вильгельма II, а в центре другой стены - фотография женщины в рамке из слоновой кости, сделанной из среза бивня.

Зу Пфайффер старался быть как никогда любезным. Они говорили о мифологии и фольклоре. После портвейна цу Пфайффер поднялся, возвышаясь над сиянием лампы.

"Герр профессор!" - заметил он. "Я прошу вас".

Слегка озадаченный, Бирнье тоже поднялся со стаканом в руке. [pg 47] С военной точностью цу Пфайффер поднял свой бокал к большому портрету на стене.

"Ihre Hochheit!"

Вежливый Бирнье последовал его примеру, его демократические идеи были слегка удивлены почитанием королевской должности; почти, размышлял он, столь же любопытным, как и туземное суеверие о короле-боге. Затем цу Пфайффер повернулся влево и, подняв бокал к портрету в раме из слоновой кости, молча выпил.

"Я хотел спросить, профессор, - заметил он, возвращаясь на свое место без объяснений, - из какого колледжа - вы так его называете - вы прибыли?"

"Гарвард", - ответил Бирнье, довольно забавляясь и замечая, что, как истинный знаток, цу Пфайффер воздерживается от курения, попивая свой портвейн.

"Я встречал многих гарвардцев в Вашингтоне".

"А, вы знаете Вашингтон?"

"Да, я пробыл там почти два года".

Зу Пфайфер осушил портвейн, выбрал сигару, зажег ее и абстрактно посмотрел на раму из слоновой кости. Губы смягчились, и он мягко улыбнулся.

"У вас там много знакомых?"

"О, несколько".

"Ах... Интересно, вы должны знать, что я встретил там ее, мою божественную Люсиль!"

"Люсиль! Как странно! Мою жену тоже так зовут".

"Правда?" Зу Пфайфер все еще мечтательно смотрел в угол. Он подобрал ноги и поднялся, как нетерпеливый мальчишка. "Позвольте, герр профессор, она такая..." Он наклонился над портретом и чиркнул спичкой. Бирнье вежливо наклонился, чтобы посмотреть. Он увидел портрет французской [pg 48] женщины в вечернем платье, очаровательной женщины с живыми глазами и соблазнительным ртом кокетки.

"Боже мой!"

Бирнье наклонился ближе и пристально всмотрелся. В углу фотографии чернилами были написаны знакомые слова: "à toi, Lucille".

"Люсиль!" - задыхался он. "Лю-бовь!" Он резко встал. "Во имя всего святого, кто эта женщина?"

Спичка упала на пол. Он смутно ощутил, как высокая белая фигура напряглась, как собака.

"Эта леди - моя невеста".

"Невеста! Она... Боже правый, вы с ума сошли! Она моя жена!"

"Жена!... Боже правый, дер Теуфель, я не знаю, что делать! Das ist der Schweinhünd!"

Гуттуралы вырвались у цу Пфайффера. Рукав его белой куртки затрепетал, рука поднеслась к оплетенной золотом груди и выпустила серебряный свисток. Он замешкался, глядя на изумленную фигуру Бирнье. Внезапно цу Пфайфер присел у стола. Его голубые глаза были твердыми, как малахит.

"Сядьте!" - сурово приказал он.

Бирнье, казалось, не замечал его. Он чиркнул спичкой и снова склонился над фотографией.

"Боже правый!" - пробормотал он. "Я... я... я не понимаю... Боже!"

"Сядьте!" - крикнул цу Пфайффер. Бирнье только моргнул.

"Может быть, вы объясните?" - потребовал Бирнье.

"Объясните!... Ваша жена - мадемуазель Люсиль Шарльтрейн?"

"Конечно. Это ее профессиональное имя. [pg 49] Но как, черт возьми, произошла эта ошибка? Я... это ее почерк, но этого не может быть. Я имею в виду, это невозможно....".

Бирнье поднес руку к голове. "Боже, этого не может быть! Я или вы, должно быть, сошли с ума! Что же..."

Протяжный свист испугал его. Он увидел, как свисток коснулся губ цу Пфайфера, но это действие не имело никакого значения. Он отвернулся, чиркнул спичкой и снова взглянул на фотографию.

"Люсиль! Люсиль!" - прошептал он. "Что за..."

Сильная хватка сомкнулась на его руке. Его откинуло на спинку стула. На мгновение он оцепенел, не понимая, что произошло. Он увидел лицо цу Пфайфера. Усы над ним дрожали, как ряд неподвижных штыков. Глаза казались острьями игл. Потом до него дошел сам факт нападения, не ограничившийся беспрецедентным случаем обнаружения фотографии жены в чужой комнате. Уродливая линия рта ожесточилась. Он медленно поднялся.

"Правильно ли я понимаю, что вы наложили руки на своего гостя?" - начал он, запинаясь, подбирая слова. "Я... я..."

Его прервал топот множества ног. В комнату ворвались сержант Шульц и несколько солдат. Зу Пфайффер встал и указал на него.

"Сержант, арестуйте этого человека!" - рявкнул он.

"Слушаюсь, превосходительство!"

Сержант отдал честь и рявкнул на аскари. Бирнье тупо смотрел на окружающие его мундиры, словно не в силах ничего понять. Он посмотрел на цу Пфайффера, который стоял прямо, его лицо терялось в тени над лампой, и снова на солдат.

[pg 50]

"Это шутка, лейтенант, или вы сошли с ума?" - сердито потребовал он.

"Сержант, отправьте этого человека в караульное помещение", - приказал цу Пфайффер.

Цу Пфайффер сел спиной к Бирнье и лицом к фотографии. Лицо Бирнье дернулось; он поднял руку. Сержант рявкнул, и линия штыков угрожающе опустилась.

"Вы пойдете со мной, герр американец", - приказал сержант.

Бирнье взял себя в руки.

"Минутку, сержант, пожалуйста! Герр лейтенант, по какому обвинению вы меня арестовываете?" Безупречные линии белой спины не дрогнули. "Очень хорошо! Я предупреждаю вас, герр лейтенант, что вы совершили нападение на американского гражданина".

"Гом! Гом!" - нетерпеливо повторял сержант.

Бирнье поднял голову и пошел по указанию сержанта. Когда шаги загремели по площади, цу Пфайффер повернулся к столу и осмотрел свою левую руку.

"Ах!" - гортанно прорычал он, - "эта грязная свинья сломала мне ногти!"

[pg 51]

Глава 4

Над городом Змеи опустилось сухое красное солнце, оставив Площадь Королей раскаленной в электрическом воздухе магии и мировых событий. Люди все еще оставались в своих хижинах, трепеща от осознания того, что в течение трех дней им придется отказаться от любви, не пить воду и не готовить пищу на огне; ни мужчина, ни женщина, ни ребенок не должны покидать пределов комплекса.

Всю ночь Бакума просидела в своей хижине, с трепетом слушая, как призраки проносятся по воздуху, как стонут, охают и воют волшебники, сражающиеся с ними. Она крепко сжимала в руках амулет, стараясь скрыть любопытство по поводу благополучия Залу-Зако; ведь если бы ее мать заподозрила присутствие этого злого духа, она заставила бы Бакуму принять отвар из касторового масла, чтобы изгнать демона; И чтобы помочь ей победить это незаконное желание подглядывать, она настойчиво повторяла про себя судьбу дочери Мтасы, глупой Тангулбалы, чье тело было найдено на дереве разгневанными духами мертвых, потому что она опрометчиво вышла на третий день после смерти деда Залу-Зако. Бакума не смел упоминать имя умершего, ибо, как всем известно, такой нечестивец рискует вызвать к себе призраков.

[pg 52]

Тушение пожара" изменило перспективы Бакумы, сделало Залу-Зако наследником, подразумевая полсотни обязанностей, главная из которых заключалась в том, что теперь он должен был выбрать себе официальную первую жену, ту, что станет матерью "божественного" Сына Змеи: изменение, которое заставило Бакуму бешено хвататься за амулет. Сработает ли амулет или нет? Как убедиться в его действенности? Жадные требования Маруфы беспокоили ее. Она опасалась, что, даже если получит козленка, он может потребовать и что-нибудь еще. Любой знает, как жадны и богаты врачи. Зная ценность приза, он наверняка увеличит плату. У Бакумы был только один по-настоящему ценный предмет - амулет от бесплодия, но с ним она хотела расстаться в последнюю очередь, поскольку единственным возможным событием, которое могло бы лишить ее статуса главной жены после победы над Залу-Зако, была бы неспособность обеспечить наследника мужского пола. К тому же она была нетерпелива из-за задержки, вызванной трехдневным табу. Время было важно. Скоро она попадет под запрет нечистого, что снова приведет к ограничению ее свободы, и она боялась, что чары могут стать несвежими. Больше всего в скорости нуждался костюм Миалу. Поскольку ее отец умер, она принадлежала его брату. Мьялу уже предложил за нее четыре бивня из слоновой кости и трех быков. Ее дядя был ленив, подл и жаден. К счастью, он решил, что, подождав, сможет получить вдвое больше. И все же Мьялу мог решить заплатить требуемую цену. После того как Залу-Зако выбрал ее в невесты, дядя не посмеет принять предложение другого мужчины, каким бы богатым тот ни был [pg 53] ; кроме того, старик не захочет отказываться от отношений с наследником царя-богатыря.

Ее кузен снова заболел. По заключению волшебника Яболо, ее душа во сне забрела в реку и была проглочена рыбой. Яболо поймал рыбу и заманил душу на дерево, но теперь он потребовал такую большую цену за возвращение изгнанной души девушке, что ее отец, дядя Бакумы, не захотел ее платить, и тогда она наверняка умрет; тогда им всем придется пройти обряд экзорцизма, что означало еще одну потерю относительной свободы на четыре дня. И действительно, со всеми этими фактическими и возможными задержками Бакуме казалось, что кто-то сильно наколдовал против нее. Если бы она не знала, кто он или она, как она могла бы использовать те же средства, чтобы отменить ужасные последствия? Более того, откуда у

нее возьмутся средства, чтобы оплатить услуги лучших врачей? Жизнь дочери Бакала была очень сложной.

На холме Мфунья МПопо маги были заняты весь день после "тушения огня". Залу Зако и вождям тоже было запрещено входить в священную обитель, ибо, будучи простыми мирянами, они не могли надеяться противостоять злым духам мертвых. Даже Бакахензи и ближний круг культа были вынуждены прибегнуть к самым мощным методам защиты, чтобы уберечься от околдовывания или прямого убийства.

После того как Бакахензи, Маруфа, Яболо и еще два мастера-мага освободили души умершего короля, сделав надрезы в теле священным копьем под грохот барабанов, могучие стоны других магов, и настойчивых стенаний жен покойного, труп был отнесен [pg 54] двенадцатью обреченными рабами в храм и там погребен вместе с струями крови, пролитой пророческим козлом, обрезками ногтей и волос, оставленными при жизни, и его личными вещами.

На холме Мфунья МПопо, который вскоре должен был стать храмом и святилищем, сидел Кава Кенди у Нового огня, за которым ухаживал Кингата Мата, лицом к Залу Зако, Мьялу и мирским вождям, а на его собственном холме рабы сносили его старую хижину, возводили временный частокол вокруг покоев его жен, навсегда запретных для него, и начинали строить новый храм.

Когда фиолетовые тени переползали из одной хижины в другую, Бакахензи и его спутники вернулись из упыриных кабинетов мертвецов. Залу Зако, вожди и маги поднялись под дикий стук барабанов и плаксивые напевы потомственного трубадура с пятиструнной лирой. Вместе с Кингата Мата, несущим клеймо только что зажженного священного огня, Кава Кенди провел процессию через пустынную деревню к своему священному дому.

Под жесткими звездами, усеянными сухими сапфирами, огонь отбрасывал желтые отблески на резные черты Кава Кенди. В тихой жаре далекие причитания женщин с противоположного холма перетекали в непрерывный стук барабанов, жалобные причитания певицы и истерические стоны магов, которые то и дело яростно кричали, чтобы запугать запутавшихся духов вокруг магического круга.

Затем белая коза, выбранная из стада Кава Кенди, убитая Залу Зако, расчленялась Бакахензи, а внутренности натирались на лбу, груди и правой руке убийцы [pg 55] человека - церемония очищения, призванная защитить королевского палача, умиротворив справедливо разгневанных духов мертвых; Маруфе дали другие части убитого зверя, чтобы он намазал ими Залу Зако, сына; и Яболо с криком побежал с частями в покои женщин Кава Кенди: ибо каждый кровный родственник должен быть так заколдован, чтобы мстительный призрак не искал новых жертв.

Когда бледная луна, словно в страхе, взошла над глубоким ультрамарином банановых листьев, было приготовлено волшебное зелье из определенных трав в заколдованной воде, которым омыли короля, Залу Зако, его сына и жен короля. Под бурные крики и барабанный бой поднялся очищенный Кава Кенди, которого Бакахензи и волшебники отвезли обратно на холм его отца, оставив собравшихся вождей сидеть на корточках в смирении и страхе перед духами, бродящими в ночи. Пока процессия прыгала и кружилась, кричала и стонала под бешеный стук барабанов в синей темноте, маги бегали и носились по деревне, выискивая любого богохульника, осмелившегося взглянуть на священные вещи; стучали в двери хижин и трясли ветки, чтобы еще больше напугать притихших жителей.

За воротами старого загона остались все, кроме Бакахензи и четырех волшебников, которые окружили Кава Кенди и Кингата Мата и повели их через поляну. Спinoй к тусклому идолу стоял Кава Кенди, а позади него группировались маги. С подставки Бакахензи взял две большие тыквы и отдал их на хранение Кингате Мате.

Резко прекратились барабаны и крики. [pg 56] Затихли причитания женщин за храмом. Напряженный воздух пульсировал электричеством. В деревне негромко прокричал петух. Затем под грохот барабанов и внезапные крики волшебников они начали толкать идола. Рабы уже расшатали основание в земле. Идол начал шататься. Громче кричали маги, быстрее били барабаны. Медленно идол накренился и опустился на плечи Кава Кенди. Крепко ухватившись за согнутую спину, он вынес ношу из загона и спустился с холма.

За его нетвердыми шагами шагали и кричали врачи, с еще большим шумом, чем прежде, бичевавшие ноги и руки короля волокнистыми шнурами. Через всю деревню король задышался. Когда он, задыхаясь, медленно поднимался на холм, бичевание удвоилось. Но в новом загоне король зашатался, спустил тяжелую массу в отверстие, приготовленное для священных ног, и, сверкая голубыми точками пота под слабой луной, испустил хриплый вопль, доказывая собранию магов и вождей, что он достаточно силен, чтобы нести бремя всего мира, и что никто не сможет отнять у него его должность.

Воплощению бога не было дано времени, чтобы оправиться от трудов. Мотивом для обвинения и смерти царя послужила засуха. Это касалось только души племени в лице Бакахензи. Для него и его братьев по внутреннему культу, хотя некоторые притязания на власть над сверхъестественным были на "благо народа", истины магии и божественных функций были неприкосновенны. Личность Кава Кенди, в которой прежде была лишь потенция, стала после [pg 57] очищения и "коронации" самим воплощением бога. Кава Кенди перешел из сравнительно безопасного убежища потенциальности в божественную деятельность.

Кроме того, как всегда, существовали политические причины для поспешного вступления в должность бога. Если новый царь-бог не справится, как его отец, с обязанностями создателя дождя, то, поскольку еще не было прецедента, когда два царя подряд не справлялись со своими обязанностями, враг мог обвинить Бакахензи в совершении какого-нибудь святотатства, которое не понравилось Непостижимому. Политика и религия часто неразделимы. Поэтому, как только Залу Зако стал свидетелем восхождения своего отца в опасную зону богов, ему, как явной жертве, было приказано изготовить священные принадлежности для вызывания дождя. От хранителя огня, Кингата Мата, Залу Зако получил одну из больших тыкв, которую положил к ногам отца, сидящего на корточках перед священным огнем, и удалился на отведенное ему место среди других мирских вождей. Только Бакахензи и четверо из внутреннего культа были допущены в загон.

Порывшись в горшке, Кава Кенди достал пучок веток, перевязанных банановым волокном, который он развязал и бросил в огонь. Травы задымались и подняли вверх резкий дым, образовав тяжелое облако, похожее на странное голубое дерево, укрывшее идола на фоне зеленого неба. В тишине, кроме слабых причитаний далеких женщин, раздался резкий крик совы - добрый знак. Маленькие огоньки мерцали. Дым становился все гуще, скрывая фигуру короля. Барабаны загрохотали, Бакахензи громко закричал:

[pg 58]

"О великий Бог, Непостижимый! Да проявятся силы твои!"

Хранитель Огней вышел вперед на руках и поставил перед королем другую священную тыкву, глубокую, содержащую воду, и жезл из священного дерева, на конце которого было прорезывание. Под стоны магов король взял из одной тыквы два камня из кварца и гранита, мужской и женский, и плюнул на каждый из них, поместив на них часть своего королевского тела; затем он положил их на землю и, поливая водой, произнес:

"Иди вперед, мужской дух, с моим призраком в твоих руках!

Иди вперед, женская душа, с моим призраком в твоей груди!

Займитесь любовью вместе под сенью великого Тарума,

С тем, у кого страх перехватил дыхание!"

"Ough! Ух!"

ворчали жрецы и маги.

"Иди вперед, мужской дух, с моим призраком в руке!

Иди, женская душа, с моим призраком в твоей груди!

Любите друг друга, чтобы урожай нашей земли

Чтобы урожай нашей земли был таким же плодovитым, как и у вас!"

"Ough! Оуг!"

"Иди вперед, мужской дух, с моим призраком в твоей руке!

Иди вперед, женская душа, с моим призраком в твоей груди!

Поднимись высоко к небу и сядь на черную спину

Птицы мокрого ветра: тыкай руками в его глаза!"

"Ough! Ough!"

[pg 59]

Если не считать далеких стенаний, наступила тишина ожидающих чуда. В небе, за спиной идола, брезжил рассвет. Внезапно, словно раздосадованный неповиновением стихий, Кава Кенди вскочил на ноги, взял в правую руку волшебную палочку, повернулся и пристально посмотрел в лицо идола. Целых две минуты он стоял как высеченный, в то время как врачи и вожди издавали жалобные стоны. Вокруг него, как дым от магического огня, все еще висела пелена. Из деревни донесся петушиный крик. Тогда Кава Кенди, вытянув правую руку, сделал жест, словно зацепив что-то невидимое, и яростно закричал:

"Так поступаю я, Тот, кого нельзя упоминать,

Извлекаю из небесного чрева

Непослушного, ленивого!

Наглеца, грешащего во сне!

Того, чье вымя подавилось!

Женственная, чьи соски пересохла!

Распутная, которая отказывается от молока!

Живоглот, чей голос - ветер!

Выйди, чтобы я не причинил тебе горе и боль!

И заставлю тебя плакать самыми горькими слезами!

Выходи, чтобы я не вырвал твое черное лоно!

И вырву кишки твои на пир Таруму!

Выходи, чтобы я не сбросил ярмо бремени

Земли и Неба на твой потный черный живот!"

От легкого дуновения ветра дым, кружевом окутанный рассветным светом, колыбался, казалось, обвиваясь вокруг [pg 60] фигуры короля, который стоял с вытянутым жезлом, словно крепко вцепившись в кишки непокорной стихии.

На фоне зари появилась темная полоса, которая увеличивалась по мере того, как маги и вожди стонали и охали, сочувствуя неистовым усилиям создателя дождя, который грозил и тянул волшебной палочкой, так что все видели, что он действительно тащит не желающие идти тучи из-за края земли. По мере того как темная масса набухала, он все больше боролся и кричал, понося нерасторопного духа дождя.

И вот, через полчаса огромные черные духи проплыли по алой заре и горько заплакали, а из деревни донеслись хвалебные крики в адрес короля-триумфатора, все еще скачущего и ругающегося на холме.

[стр. 61]

Глава 5

Те же огромные шары цвета сепии пронесли над озером, извергли множество жидких рамок и, после коротких промежутков блестящего сияния, сменились другими. Водостоки станции превратились в бурлящие ручьи, а травяной участок - в болото.

За ширмой на южной веранде сидел цу Пфайфер в розовой шелковой пижаме, нахмутив брови. Он с отвращением потягивал свой коньяк из кафе и затягивался сигаретой с таким ожесточением, что жар обжигал язык. Он не спал. Но сломанный ноготь на мизинце левой руки был подстрижен и отполирован. Полночи он просидел перед фотографией в рамке из слоновой кости, обдумывая и пересматривая прошлое; вслух бормотал Люсиль то слова любви, то злобные проклятия; гадал, что она делает и где находится; скрипел зубами от видений, вызывающих безумную ревность; прикидывал, каковы будут последствия его действий, если он подчинится порыву, вскочившему в его сознание в первой вспышке страсти. Если бы он отпустил пленника, тот, вероятно, ожидал бы объяснений и извинений, о которых, разумеется, не могло быть и речи. Нет, он должен выполнить все досконально, не оставляя этому человеку ни малейшего шанса нажить неприятности на побережье или через

посольство в Вашингтоне; во что бы то ни стало - не через Вашингтон. Для него Бирнье существовал просто как человек, чьи чувства не имели никакого значения.

[pg 62]

С появлением зеленой луны Зу Пфайффер удалился. Когда он лежал, бессонно наблюдая за бледностью рассвета, он с жестокостью подтвердил принятое решение. Теперь рев потопы предстал перед ним в виде пособника его плана. Он с удовлетворением наблюдал за серой стеной дождя, поглаживая левый часовой ус, словно укрощая яростную щетину оскорбленного достоинства. Когда он вышел из ванны, розовый цвет его лица, казалось, распространился на белки глаз, что Бакунджала отметил с угрюмым ужасом.

В перерывах между бурями солнце желтело на дымящейся земле. Через площадь в комнату для санитаров протиснулся цу Пфайфер. Он хрюкнул в ответ на приветствие сержанта Шульца и растянулся в кресле. Когда Шульц протянул ему какие-то официальные документы, он раздраженно отмахнулся от них.

"Приведите заключенного в суд, сержант. Я буду судить его немедленно".

"Превосходно!" - сказал сержант, отдавая честь. "Какое обвинение я должен предъявить ему, ваше превосходительство?"

"Бегство с оружием и спиртными напитками", - быстро ответил цу Пфайффер. "У меня есть бумаги, которые полностью доказывают это дело; кроме того, вы увидите, что Али бен Хассан и другие готовы дать показания. Но обвинение будет носить политический характер, а не уголовный. Понятно, сержант?"

"Прекрасно, Превосходство. Али бен Хассан и другие должны дать показания вашему превосходительству?"

"В этом нет необходимости".

"Очень хорошо, Ваше Превосходительство".

"И, сержант, каков личный состав катера и пленных?"

[стр. 63]

"Шлюпка немедленно вернулась в Дзинджу, Превосходство, как только пленник высадился".

"Отлично".

"У заключенного есть значительная батарея, снаряжение и провизия; староста и личные слуги. Он намеревался нанять здесь носильщиков, Ваше Превосходительство".

Зу Пфайффер размышлял, постукивая золотым карандашом по столу.

"Кто такой староста?"

"Бамбиба, Ваше Превосходительство".

"Хорошо. А слуги?"

"Один из них - юноша из Вонголо, остальные - смешанные валега и кавирондо".

"Арестуйте их всех и проследите, чтобы ни один не ушел".

"Превосходно!"

Шульц отдал честь и удалился. Зу Пфайфер нахмурился, глядя на блики, которые внезапно погасила падающая вода. Он зажег сигару и стал ждать. Вскоре вернулся сержант в непромокаемом плаще, с которого капала вода, и объявил, что пленник готов. Цу Пфайфер поднялся на длинные ноги и скорым шагом вошел в здание суда, примыкающее к зданию.

На небольшом помосте стоял большой письменный стол и тростниковое кресло под императорскими орлами и портретом кайзера Вильгельма II. Бледный, с щетинистой бородой и напряженными от гнева глазами, Бирнье сидел, прислонившись к стене; рядом с ним стоял сержант Шнайдер, поскольку по этикету не принято ставить белого заключенного во главе черной охраны. Запыхавшийся сержант стоял с напряженным вниманием, и цу Пфайфер это признал. Хотя он не встретил взгляда Бирнье, тот нахмурился, словно ожидал, что тот тоже отсалюует величеству судьи.

[pg 64]

Но когда цу Пфайфер поднялся на ступеньку, ведущую к креслу судьи, он посмотрел на портрет кайзера, остановился и замешкался; затем резко повернулся и рывкнул:

"Сержант, отведите заключенного в комнату для прислуги!"

В санитарной комнате Бирнье оказался между сержантом Шульцем за его столом и сержантом Шнайдером у двери. Бирнье пристально наблюдал за цу Пфайфером, но цу Пфайфер смотрел на него ледяным взглядом, словно на предмет мебели. Без единого слова Бирнье протянул руку и поднял стул. Сержант Шнайдер подался вперед, очевидно, опасаясь, что заключенный собирается напасть на своего офицера. Бирнье кисло сказал: "Я всего лишь хочу присесть".

Зу Пфайфер снова нахмурился, но возражать не стал. Он взял наугад несколько бумаг и начал их просматривать. Бирнье резко сказал:

"Когда вы закончите этот фарс, я буду очень признателен, если вы сообразовываете объяснить свои безумные действия!"

Из другой комнаты донеслось постукивание пишущей машинки. Жужжала муха. Веки Зу Пфайфера не мигали. Сержанты деревянно смотрели вперед. Бирнье переводил взгляд с одного на другого, кусал губы, а затем в отчаянии воскликнул: "Что, черт возьми, вы имеете в виду под этой проклятой чепухой?"

Постукивание продолжалось, муха раздраженно жужжала. Бирнье сжал кулак. Но он сидел неподвижно. Очередная буря так затемнила комнату, что цу Пфайфер едва ли мог разглядеть печать, но, видимо, он читал дальше. Ливень прогрохотал, прошел, и так же внезапно наступило ослепление. Цу Пфайфер поднял голову и сказал по-немецки:

"Сержант, запишите открытие суда".

[pg 65]

"Превосходно!" - согласился сержант Шульц и поднял перо, готовый писать.

"Заключенный, швейцарский подданный..."

"Я американец, как я вам уже говорил", - сдерживая гнев, сказал Бирнье.

"Псевдоторговец и охотник по имени Карл Борнштадт, - невозмутимо продолжал цу Пфайфер, - обвиняется в соответствии с подразделом 79 раздела 8 в поставке оружия и спиртных напитков туземным подданным его императорского величества".

"Боже правый!" - начал Бирнье. Но, осознав цель зу Пфайффера и свое положение, он плотно сомкнул губы.

Методично закончив записи, сержант стал ждать. Цу Пфайфер поглаживал свои любимые усы и размышлял. Он взглянул на Бирнье, но без малейшего выражения, и продолжил:

"Отметьте особо, сержант, что у нас есть основания подозревать, что заключенный находится на политической службе" - легкая улыбка мелькнула на лице лейтенанта - "на службе у португальцев, и поэтому в соответствии с подразделом 109 раздела 8 я направляю дело в Дар-эс-Салам для проведения расследования; свидетели, документальные и личные, должны сопровождать заключенного. В связи с необычным напряжением службы мы не можем предоставить заключенному, хотя он явно европейского происхождения, белую охрану; поэтому сержант Людвиг выделит для этой цели капрала и шесть человек".

Он сделал паузу. Ручка сержанта заскрежетала. Зу Пфайфер прикурил сигару и безлично добавил:

"Заключенный и конвой отправятся завтра утром. Сержант Шнайдер, уберите заключенного!"

Лицо Бирнье стало немного бледнее, глаза чуть [pg 66] налились кровью, но он не пытался заговорить. Зу Пфайфер поднялся. Сержанты встали в строй и отдали честь. Выходя из комнаты по направлению к зданию суда, он с легким удовлетворением улыбнулся, когда хрипловатый голос сержанта Шайдера рявкнул: "Заключенный, прочь! Правый поворот! Быстрый марш!"

Но в здании суда цу Пфайфер пробыл недолго. Суеливо перебирая бумаги на столе и отчитывая сержанта Шульца за то, что тот не привел в порядок очередное дело туземцев, он резко поднялся и быстрым шагом пересек площадь в блестящем ослепительном свете без шлема и направился в свой кабинет. Там он сел на стул и откинулся на спинку, рассеянно посасывая потухшую сигару. Когда он смотрел на портрет в раме из слоновой кости, голубые глаза стали мягкими, а нежные губы задрожали, как у ребенка, готового заплакать. Он тяжело вздохнул, а затем, выкрикнув клятву, резко поднялся, опрокинув стул, налил полстакана чистого коньяка и выпил его одним глотком. Когда он приблизился к зданию суда, часовой, повернувшись в конце своего короткого шага, был так напуган близостью коменданта или неполной дисциплиной, что заволновался. Зу Пфайфер щелкнул каблуками и надменно наблюдал за его неловкими попытками отдать честь. Болт зацепился за китель мужчины. Золото сверкнуло на солнце, когда сямбок спустился вниз. Зу Пфайфер беспечно шел дальше, оставив на лице испуганного туземца серую борозду. Сержанту Шульцу, застывшему в дверях, он отрывисто приказал наказать "неуклюжего пса" пятьюдесятью ударами.

В то утро приговоры были более суровыми, чем обычно. Все туземцы вокруг знали, что в Пожирателя людей вселился демон; обычно в него [pg 67] вселялся злой дух, но на этот раз в белого человека вселился демон Бакра, который, как всем известно, рвет раскаленными когтями жилы, заставляя жертву биться в припадках, пускать пену изо рта, сходить с ума. Бакунджала, придя в Дом суда с вермутом и печеньем в одиннадцать часов, отчетливо увидел дьявола, глядящего в глаза зу Пфайферу, и так испугался, что выпустил поднос, за что

и был обречен на двадцать пять ударов плетью в тот вечер. Даже непоколебимый сержант Шульц заметил, что герр лейтенант загорел; а брюзгливый Шнайдер, приехавший из Лютуании, предположил, что герр комендант оставил острие своего столового ножа наверху.

Когда цу Пфайффер отправился на обед, жаркое солнце высушило канавы и траву. Он не вернулся в здание суда, к большому удовольствию многих невиновных и виновных. Выпив больше вина, чем обычно, он прилег на сиесту и заснул. Но в пять часов он проснулся с ртом, похожим на раскаленный котел, и нравом, как у упомянутого дьявола. Он крикнул, чтобы позвали Бакунджала, который пришел, так дрожа от страха, что заикался. Зу Пфайффер швырнул стакан, который попал в него, и разбил зеркало.

"Еще семь лет невезения!" - кричал цу Пфайффер, сидя на кровати в одной рубашке. Он посмотрел на стоящего в дверях Бакунджала, который был слишком напуган, чтобы убежать, и был уверен, что его обвинят в том, что он разбил стекло. "Ты - суеверный ниггер!" - крикнул цу Пфайффер и уже спокойнее добавил на суахили: "Принеси мне бренди с содовой! Упеси, сын бабуина!"

"Бвана!" - воскликнул Бакунджала и с радостью убежал.

Зу Пфайффер сидел и хмурился на разбросанные осколки [pg 68] зеркала, пока не пришел Бакунджала с напитком. Час спустя он вышел в безупречном мундире, сидел на северной веранде, пил вермут и курил сигару, глядя на плоское болото, где оловянный цвет озера был окрашен серебром и кровью заходящего солнца. Из-за форта доносилось тьяканье сержанта, занятого в полуденной прохладе. По команде караульного зу Пфайффер поднялся и обошел вокруг дома, чтобы посмотреть, как салютуют флагу.

Когда он отправился на ужин в столовую, глаза его мерцали в темноте. Бакунджала, получивший наказание, был нездоров, фактически не в состоянии выполнять свои обязанности в той энергичной манере, которая требовалась. Другой слуга, занявший его место, нервничал из-за возможных последствий и зорко следил за внешностью дьявола, так реалистично описанного Бакунджалой. Но демон, видимо, спал, потому что цу Пфайффер с непривычной кротостью принял поставленные перед ним блюда, рассеянно отодвинул их и, поднявшись, удалился в свой кабинет. Даже когда помощник принес не ту бутылку, он мягко отчитал его, не отрывая глаз от фотографии в рамке из слоновой кости.

Однако, выпив портвейн, он не преминул встать и, цокая каблуками, поднять бокал за "Ihre Hochheit". Затем, раскинувшись в кресле, он начал уверенно пить и курить.

Когда ноты последнего поста зашипели в липкой тишине, он позвал "мальчика" и велел ему привести сержанта Шульца. При звуке шагов сержанта на веранде цу Пфайффер напрягся, похлопал себя по губам, словно желая стереть начертанные на них [pg 69] линии, и одной ногой отодвинул стул от прямого угла к фотографии.

"Возьмите сигару, - сказал цу Пфайффер, когда мужчина вошел. Эти слова были скорее приказом, чем приглашением. Сержант Шульц повиновался. Цу Пфайффер задумчиво курил, не сводя глаз с фотографии, словно не в силах противостоять очарованию.

"Как долго вы находитесь в этой несчастной стране, сержант?"

"Девять лет, Превосходство".

"Вы хотите выйти на пенсию по истечении года?"

"Я не видел жену и детей уже три года, ваше превосходительство".

"Вы получите специальный отпуск, как только закончится дело Вонголо".

"Благодарю вас, Превосходство".

"И я буду рекомендовать вас к специальной медали за колониальную службу и пенсии".

"Благодарю вас, Превосходство".

"Выпейте, сержант".

"Благодарю вас, ваше превосходительство".

Сержант повиновался, проявив некое подобие инициативы, и заметил, что лейтенант выпил полтумблера чистого бренди одним глотком. Словно желая отвлечься от созерцания фотографии, цу Пфайффер встал и сел на подлокотник кресла с лицом в тени над абажуром. Внимательно посмотрев на сержанта, он резко сказал:

"Вы хорошо знаете правила, касающиеся служебной тайны, сержант?"

[pg 70]

"Да, превосходно!"

Когда сержант с бокалом в руке сделал паузу, чтобы ответить, в его тоне прозвучало удивление.

"Хорошо. Не забудьте об этом!" В голосе цу Пфайффера прозвучала нотка угрозы. Он добавил более мягко: "Политические причины могут иногда вызывать жесткие меры".

"Да, Превосходство".

Цу Пфайффер закурил, холодно глядя на сержанта.

"Кого сержант Шнайдер выделил для завтрашнего конвоя заключенных?"

"Капрала Иньира, ваше превосходительство".

"Долго служил?"

"Да, Превосходство".

"Хорошо. Иди и приведи его сюда".

На лице сержанта Шульца не отразилось ни тени удивления, когда он уходил. Зу Пфайффер закурил и с жадностью выпил еще одну порцию бренди, слегка пошатываясь, когда подносил стакан ко рту. Сержант вернулся и встал в строй прямо перед дверью.

"Человек здесь, превосходительство". Зу Пфайффер кивнул.

"Вперед, быстро марш", - приглушенно рявкнул сержант. "Стоять!"

"Очень хорошо, сержант, можете подождать".

Шульц отдал честь и удалился. Высокий мощного телосложения туземец в форме стоял так, словно у него под подбородком был штык. В синеве глаз читалась легкая нервозность: он щурился, пытаясь смотреть прямо перед собой и одновременно наблюдать за комендантом. Одна ноздря была рассечена, в мочках ушей [pg 71] три консервных ключа, а на висках татуировки в виде племенных шрамов.

"Капрал Инъира!" - резко сказал цу Пфайфер. Черное тело дернулось от голоса. "Завтра вы отправитесь в Дар-эс-Салам и возьмете в плен белого человека, который забирает ваше племя в рабство и продает его абиссинцам. Бвана Мкубва защищает вас от этих злых белых людей и арабов. Ты это знаешь?" - резко.

"Бвана!"

"Очень хорошо. Ты знаешь, что с тобой случится, если тебя продадут в рабство? У тебя было много братьев, которых продали абиссинцам?"

"Бвана! Много, Бвана!"

"Очень хорошо. А теперь послушайте! Этот белый человек очень плох. Завтра утром он уезжает с вами в Дар-эс-Салам, но никогда туда не прибудет. Я отдаю его тебе. Вы можете делать с ним все, что хотите, но никогда не позволяйте мне видеть его снова. Ты под моей защитой. Понятно?"

"Бвана!"

Резиновые губы надулись, когда он произнес это громко.

"Это твой секретный приказ. Но ты не должен говорить о них ни одному мужчине, женщине или ребенку здесь; ты можешь рассказать своим людям, когда уйдешь. Если ты ослушаешься, я вырежу тебе язык и высеку триста ударов плетью. Понял?"

"Бвана!"

"Этот человек - враг бваны Мкубвы. Его враги - ваши враги. Его имущество - ваше. Прочь!"

Черная рука рывком поднялась к черному лбу, отдернулась и опустилась; полированные икры задвигались [pg 72] , как эксцентрики двигателя, и капрал Инъира растаял в тени.

"Сержант Шульц!"

Под drobный стук каблуков на веранду вошел сержант.

"Проследите, чтобы капрал Инъира с эскортом уехал до рассвета; кроме того, чтобы он ни с кем не разговаривал до отъезда".

"Превосходно".

"Выпейте, сержант".

На негнущихся ногах сержант Шульц повиновался приказу; поднял стакан и выпил.

"Вы можете идти! Спокойной ночи, сержант".

"Превосходно, спокойной ночи!"

Когда цу Пфайфер пересел со стула на сиденье, его движения были несколько неустойчивыми. Он сел вперед, уставившись на фотографию, и выпил еще бренди. Снаружи непрерывно пульсировал лягушачий пеан. Издалека доносился стук туземного барабана. Прерывисто прокричал сверчок.

"Бвана!"

прошептала призрачная фигура Бакунджала, появившись из дверного проема. Зу Пфайффер нервно вздрогнул.

"Зингала", - робко начал Бакунджала.

"Гот вердамф-Эмши!" - огрызнулся цу Пфайффер, его перстень раздраженно сверкнул.

Бакунджала растаял. Послышалось бормотание голосов и приглушенное хихиканье.

Цу Пфайффер сидел, пил и смотрел. Над насекомообразным гимном ночи возвысился журчащий голос в песне о выпивке.... Потом раздался звон разбитого бокала, сопровождаемый клятвой. Мелькание трех пар глаз сквозь оконную сетку исчезало [pg 73] и появлялось вновь.... И снова раздавался голос, поющий:

"Scheiden tut weh,

Scheiden, ja scheiden, scheiden tut weh!"

Как раз в тот момент, когда сверчок, вежливо перестав слушать песню лейтенанта, начал заново, в липкий воздух просочились звуки плача.

[стр. 74]

Глава 6

В фиолетовой тени своей квадратной хижины внутри лагеря сидел на корточках Залу-Зако. Губы и нос его были ближе к арийской изысканности, чем к негроидной тупости; ведь Вонголо, как и Вахима, представляют собой смешанную банту-сомалийскую расу. Цвет его кожи был скорее бронзово-красным, чем синим, как у негров, а плоскости его формованной груди были такими же светлыми, как и потертые браслеты из слоновой кости на его отполированных конечностях. Широкий в плечах, он имел почти стройные бедра молодой девушки, а его походка была сбалансированной, как у танцовщицы .

Из группы маленьких круглых хижин за его квадратной хижинкой, где жили две его жены, наложницы и рабыни, доносился шум голосов. Далекий барабан нежно пульсировал в жарком воздухе. Вдали, в прохладной зелени банановой плантации, раздавалось пение незамужних девушек и рабынь, приносивших воду из реки.

Очевидно, Залу Зако был поглощен движениями маленького цыпленка, царапающего землю. Его мысли занимало предзнаменование козы: это и смерть его деда, Мфуныя МПопо. Чувства скорби не было, ведь он не был женщиной. Сейчас, в начале своей карьеры воина, он не стремился к божественным почестям и безбрачию. Ни у кого из мужчин такого желания не было. Однако Залу-Зако не больше мечтал усомниться в необходимости этого, чем плюнуть в лицо [pg 75] врагу. Первенец в его семье всегда был обречен на царский пост. Второго такого не было, ибо не пристало богу иметь братьев по отцовской линии. Жены его молодости и наложницы могли иметь столько детей, сколько могли родить; но по закону он выбирал главную жену, от которой должен был родиться единственный царственный сын, только когда становился наследником; ведь тогда он не был уже наполовину божеством, находясь так близко к священной ограде на холме?

Выбор главной жены был свободным, поскольку не существовало никаких королевских семей в смысле божественного происхождения, кроме прямой мужской линии Царя-Бога. Но мысли Залу Зако больше занимала его личная карьера. Жизнь воина часто бывает короткой, а бога - еще короче. Мфуныя Мпопо царствовал всего двадцать лун; Мкоффо, как говорили старейшины, царствовал целых двести лун; но тогда он был могущественным магом.

С резким криком на палисадник лагеря села блестящая ало-голубая птица с огромным желтым клювом. Юноша тут же забыл о своих размышлениях и поднялся, призывая свое копье. Из хижины вышел коренастый мужчина, угольно-черный, с пушистым хохолком бороды. У раба Залу Зако взял широколезвийное копье с коротким наконечником. Посмотрев, что птица все еще сидит на заборе, он вышел из хижины и быстро направился через деревню к банановым плантациям в поисках бородавочника, который подкарауливал его на одном из полей сладкого картофеля. Как раз в тот момент, когда он приблизился к ним, из травы на его пути выскочила черная полевая крыса, оглянулась на него и исчезла. Молодой [pg 76] человек замедлил шаг, ибо знал, что черная крыса испортила удачу, которую предвещал бананоед. Не удосужившись окинуть взглядом поле, он направился под углом к пролому в джунглях, где, как он знал, находился след кабана. Он презрительно хмыкнул, рассматривая последний след, которому было не меньше полудня. Конечно, кабана там быть не могло.

Он вспомнил о другом поле, куда иногда заглядывал заяц. Но там дичи не было. Опять черная крыса! И все же, если подождать достаточно долго, может появиться хорошее предзнаменование. Когда он сидел на корточках под банановым растением, чтобы выпить нюхательный табак, раздалось кваканье, и бананоед - похоже, это был один и тот же - зажегся на ветке неподалеку от него. Залу Зако ждал. Неторопливо и осторожно он поднялся. Птица смотрела на него. Залу Зако прошел мимо, оставив бананоеда сидеть на месте. Он осторожно потянулся к копы, ведь двойное предзнаменование удачи должно означать крупную дичь: возможно, эланда или леопарда.

Он обогнул окраину плантации. Но никаких признаков не увидел. Когда он снова начал делать большой круг, тени заметно удлинились. Проезжая мимо брода через небольшую речку, разбухшую от дождей, он услышал, как группа молодых девушек болтает на берегу реки, наполняя свои тыквы. Он остановился, чтобы проверить, в какую сторону дует ветер, чтобы не идти против ветра, где звук их голосов мог бы спугнуть любую дичь.

Но когда он повернулся, чтобы идти дальше, то увидел фигуру, поднимающуюся по склону. Она была стройна, как молодой жираф; ноги прямые, как копы, и гибкие, как кибoko; подтянутые бедра покачивались [pg 77] ритмично, как банановая ветвь на ветру; рифленая дуга спины гордо вздымалась вверх к упругим плечам, а тонкая, как хвост ящерицы, рука поддерживала тыкву на маленькой черной головке, сидящей на шее, как саженец. На крошечных холмиках ее упругой молодой груди, на гладком торсе светлой бронзы играли в прятки тени деревьев. По мере того как он смотрел на нее, в поле зрения появлялось ее лицо, разговаривающее с товарищем, стоявшим чуть ниже. Нечаянный солнечный луч блеснул жемчужиной зубов, сверкнул крошечным носиком и подсинил белки глаз, мягких, как у антилопы.

Залу-Зако произнес слог, означающий изумление.

"Подожди здесь, о Баякала, - позвала она, - ибо я должна сотворить могущественное волшебство с духами дерева".

"Эх, эх!" - ответил один из тех, кто остался у кромки воды, - "девушке из соломенной хижины нечего делать с духами дерева, ибо животы у них большие, как у беременной женщины!"

Девушка рассмеялась, и ее нотки показались Залу-Зако похожими на капанье воды на речной камень.

"Ты знаешь меньше, чем птица Барото, которая, как всем известно, является духом одного человека!"

"Это больше, чем ты когда-либо будешь!" - ответила соперница.

"Эх! Эх!" - воскликнула девушка в ответ, - "Твой пояс давно сгнил от сока!"

"А твой, - вскричала оскорбленная, которая была стара для девы, - сгниет от сухости!"

"Tscch! Она высохла для повелителя, которого я завоюю [pg 78] с помощью такого волшебства, какое тебе и не снилось, о Баякала!"

"И кто же он, для кого ты творишь волшебство, о дочь шалаша?" - спросил Залу-Зако, выходя из-под прикрытия дерева.

"Эх!" - воскликнул Бакума. "Я... мы просто щекочем ветви (шутка), о вождь!"

Единственным признаком ее нервозности было легкое покачивание кувшина с водой на ее голове, когда она подняла глаза на молодого вождя, который медленно смотрел на нее. Она отстранилась. Он двинулся к ней на шаг. Она схватилась за амулет на шее и, подняв глаза, сказала:

"Огонь для приготовления пищи ослаб, о вождь, и его нужно поддерживать".

"Грудь твои подобны маленьким муравейникам, - сказал он, - а живот твой гладок, как речной камень".

"Язык твой слаще меда дерева кинглан".

"Голос твой мягче приглушенной лиры, а нос твой - из двух лепестков орхидеи".

"Похвала твоя освежает жаждущий цветок лучше, чем утренняя роса".

"И от фигуры твоей я пьянею сильнее, чем от вина пальмы Сока".

Целую минуту они стояли, изучая светлую бронзу на фоне зеленой листвы. Пронзительная болтовня других приближающихся девушек заставила Бакуму действовать. Она качнулась в одну сторону.

"Духи варочного котла вызывают ко мне, о вождь".

"Кто твой отец, малыш?" - спросил он.

"Я Бакума, дочь Бакалы, о вождь".

[pg 79]

"На моих глазах была пелена, и я не видел тебя раньше".

"Горы не видят крошечных ручейков среди могучих лесов", - пробормотал Бакума и заспешил по тропе.

Залу Зако стоял неподвижно, глядя, как ее фигура растворяется в зелени, а когда он повернул к реке, то встретил Баякалу и других женщин, которые отступили с тропы, чтобы дать возможность Сыну Змеи пройти в тишине. Однако у брода он остановился. Он забыл о предзнаменовании бананоеда и о цели, ради которой пришел.

Пока Бакума мчался скользящим шагом, амулет ритмично покачивался под шепот восхваления силы Маруфы, смешанный с горячими молитвами к духам дать жирного козла, чтобы умиловить духа леса, ибо разве любовные чары уже не проявили свою чудесную силу? Поспешив через банановую плантацию, она не могла удержаться от того, чтобы не свернуть немного в сторону хижины мага. Проходя мимо, она увидела, что он сидит на пороге, черпая вдохновение у своей любимой стены. Но Маруфа заметил ее поведение и, будучи в некотором роде студентом, догадался, что чары уже начали действовать.

Маруфа, как и все успешные люди, обладал определенной долей везения. Не успели тени приблизиться на расстояние вытянутой руки, как появился Миалу, возмущенный и раздосадованный. Три бивня были оплачены, след получен, но он обнаружил, что достать остальные ингредиенты, которые, как он подозревал, были хорошо известны волшебнику и служили средством для добычи еще большего количества слоновой кости, было делом нелегким. После торжественных приветствий он заявил [pg 80], что данное задание почти невозможно выполнить. Маруфа с невозмутимым интересом рассматривала его стену.

"Но, как ты знаешь, - настаивал Мьялу, - волосы, ногти на ногах и плевки Сына Змеи добыть более чем трудно. Неужели человек так легкомысленно отдает себя в руки врагов, да еще и Сына Змеи? Никто, кроме одного из его домочадцев, не мог похитить ни единого волоска. Даже сегодня утром его волосы были сбриты, а остатки, как ты хорошо знаешь, были положены в храм вместе с тем, кто был его отцом."

"Волос, ноготь на ноге и плевки, - пробормотал старик, - должны быть у меня для такого могущественного волшебства".

"Эх!" - фыркнул Миалу, - "с человеком из глины, но с тем, кто наполовину божественен, Сыном Змея! Эх!"

"Лук бесполезен без стрел", - пробормотал старик.

"Цх. Могуч тот охотник, у которого нет стрел для лука", - усмехнулся Миалу.

"Верно, - бескорыстно ответил Маруфа, - и еще более могуч тот, кто не умеет сам охотиться!"

"Ни один воин не очищался чаще, чем я", - похвастался Мьялу, имея в виду церемонию, которую должны пройти те, кто лишил себя жизни, чтобы успокоить призраков убитых.

"Духи не подчиняются крику петушка, - напомнил Маруфа.

"Цх!" Некоторое время оба сидели молча, Мьялу мрачно наблюдал за курицей.

"Айе! Ай!" - причитал он наконец, - "что я могу сделать, ведь она поймала мою душу в ловушку. Айе! Ай!"

[pg 81]

"Если охотник не может сделать стрелы, он может их купить", - заметила Маруфа, которая терпеливо ждала такого состояния души.

"Эх! Тетива стоит дорого, но стрелы! Айе! Айе! Чего же ты хочешь?"

"Богатый человек платит по своему вкусу. Четыре бивня из мелкого зерна".

"Эх! Эх!"

"Может быть, есть и другие, чьи руки не засохли".

"Другие, кроме Сына Змеи?" - быстро спросил Мьялу.

"Кто знает? Дураков больше, чем кур", - пробормотал старик.

Мьялу уныло уставился на далекие бананы. Возможно, размышлял он, было бы дешевле заплатить ту цену, которую требовал дядя девушки, но все же... Мьялу уже покупал других жен, чье бесстрастное очарование быстро улетучивалось. Его душа, как он выразился, действительно попала в ловушку Бакумы; ведь он желал лишь, чтобы она желала его так же, как он ее. И все же он был зол. Похоже, любовь - дело дорогое. Маруфа откупорил табак и с видом знатока, предающегося наслаждению моментом, деликатно понюхал его. Заменяв пробку из скрученных листьев, он зашевелился, собираясь подняться.

"Сможешь ли ты достать гвоздь и волосы, о которых просят духи?" - угрюмо спросил Миалу.

"Сыну Мтунго под силу все", - ответил Маруфа. "Четыре бивня, и эти вещи найдены; но из мелкого зерна, так как остальные были старыми и грубыми".

[pg 82]

"Эх! Как ты собираешься добыть эти вещи?" - скептически спросил Мьялу.

"Пути мудрых - не пути глупцов".

"Бивни твои", - неохотно ответил Мьялу, - "если ты скажешь мне, как ты их достанешь".

"Слова твои подобны рвоте собаки", - пробормотал старик.

"Но как? Мое сердце не заковано в глину".

"Тч!" - презрительно воскликнула Маруфа. "Каждый дурак должен видеть в словах бога то, что он не может прочесть. Я уже говорил". Миалу недоверчиво посмотрел на старого мага. "Тч! Пришли четыре бивня, как мы договорились, и пусть будет так. Уходи!"

Медленно Мьялу поднялся, произнес приветствие и ушел, как никогда впечатленный тем, что старик был могущественным магом.

В час, когда душа мала и робко держится у ног, Маруфа дремал в прохладе своей хижины; но позже, когда она смело выходила наружу, он снова садился на свое любимое место у входа в комплекс, принимал табак и созерцал. Тени перерастали из фиолетовых в синие; маленькие куры с жадностью клевали червяков, а козы энергично чесались в прохладе. Маруфа терпеливо сидел. Наконец то, чего он ждал, имея хоть и примитивные знания психологии, свершилось. Появилась Бакума, встревоженная, но в то же время с непринужденностью, воспевающей ее счастье. Она села рядом с Маруфой так, чтобы тень от одной ее ноги не выходила за пределы ограды.

"О великий и могущественный маг, - нетерпеливо начала она после формальных приветствий. "Воистину, все, что ты сказал, сбылось. Твои чары непогрешимы".

[pg 83]

"Уф!" - беззаботно ворчала Маруфа.

"Все, чего желает мое сердце, уже начало осуществляться. Я благодарю тебя".

"Уф!"

"О могучий сын Мтунго, что мне теперь делать?"

"Ты знаешь", - пробормотал Маруфа, нащупывая табакерку.

"Айе! Но у меня нет жирного козла!" - вскричал Бакума, который тешил себя надеждой, что волшебник забыл об этом. "Я, девушка из соломенной хижины, откуда у меня коза?" Маруфа потягивала нюхательный табак, как будто в этом не было никакого романа. Яркие глаза Бакумы, обостренные близостью обещания любви, пристально смотрели на старика. "Слушай, о великий и могучий сын Мтунго, которому известно все, который может исполнить все, что ты пожелаешь: у Баякалы, моего двоюродного брата, есть коза, но она старая и тощая. Может быть..."

"В ноздрях духов, - мгновенно возразила Маруфа, - все запахи одинаковы, кроме запаха толстого козла, которого они любят".

"Эй! Тогда я в беде, потому что у меня нет жирного козла!" - взвыл Бакума. "Не знаю я никого, у кого есть коза, которая бы улыбнулась мне, девушке из соломенной хижины".

"Фу!"

Бакума умоляюще посмотрел на него, но взгляд Маруфы был устремлен на стену, словно его мысли были заняты более важными делами.

"О могущественный волшебник, что мне делать?" - отчаянно взывал Бакума.

"Уф!"

После продолжительного раздумья Маруфа сказал: [pg 84] "Если ты не можешь получить козу, то есть ли другой путь, по которому ты можешь достичь своей цели".

"Эх!"

"Но это очень трудно".

"Клянусь моим шнуром, я сделаю все, что ты мне прикажешь!" - поклялся Бакума в тревожной спешке.

"Уф! На этом пути больше шансов на успех, ибо воля духов часто бывает осторожна в своих милостях".

"О могущественный!" - вздохнул Бакума, выдержав заманчивую паузу.

"Но дело это чрезвычайно трудное и опасное".

"Если цветок не имеет солнца, то живет ли он вообще?"

"Как ты и сам должен знать, - пробормотал Маруфа, как никогда небрежно, - тот, кто владеет частью души, может творить с ней магию".

"Да! Да!"

"Тогда принеси мне из ногтей по одному, из волос по одному и из слюны по одному. Тогда я смогу сотворить на нем волшебство, которому он не сможет противостоять".

"О могущественный маг!" - вскричал Бакума, потрясенный трудностью и опасностью задачи.

"Этот путь верен. Другого нет".

"Эх! ...Но если они узнают о твоём ремесле, то я обречен!"

"Другого не дано".

Разрываясь между своей любовью и страхом перед наказанием за святотатство кражи частей того, кто в один прекрасный день мог стать Царем-Богом, Бакума в смятении смотрел на него.

"Разве мои слова не были белыми? Разве любовное очарование, которое ты уже имеешь, не сделало то же самое, что я сказал?"

[pg 85]

"О могущественный!"

"Но это лишь как коза для леопарда. Ловушка должна быть вырыта, иначе запах приманки разлетится".

"Эх!" - задыхался Бакума в отчаянии, - "клянусь моей душой-близнецом, что обитает под банановым растением, я сделаю это!"

[стр. 86]

Глава 7

Джеральд Бирнье льстил себе, что он философ с чувством юмора, достаточно хорошо развитым за десять лет скитаний по Центральной Африке, но глубокие эмоции подтачивают такие заветные качества.

Наличие фотографии можно было объяснить несколькими предположениями: цу Пфайффер мог встретить Люсиль в Вашингтоне, Париже или Берлине, она могла подарить ему фотографию, он мог ее купить или даже украсть. Но подпись "à toi, Lucille"! Вот оно, то самое жало, которое взбесило Бирнье и задушило разум, факт, от которого его разум тщетно шарахался.

Потрясение было столь велико, что арест казался лишь второстепенным делом в сравнении с безумием заявления цу Пфайффера о том, что он обручен с Люсиль. Происшествие было настолько внезапным, что некоторое время он не мог продвинуться в попытках мыслить дальше, чем задыхаясь, мысленно ухватившись за неосознанную субстанцию, которая ускользала от него, как маленькая рука ребенка, пытающаяся схватить игрушечный воздушный шарик. Чувство реальности словно растворилось. Он покорно шел за сержантом через площадь, не понимая, что происходит, а когда его поместили в выбеленную комнату в задней части туземного караульного помещения, служившего тюрьмой, он сел на стул, не понимая, где находится. Это "à [pg 87] toi, Lucille" звенело, как звон на колокольне, заглушая все остальные мысли.

При свете ураганной лампы он равнодушно наблюдал за солдатами, вносившими старую походную кровать. Когда они ушли, он начал метаться по маленькой комнате, судорожно пытаясь взять себя в руки. К первым подсказкам о логической причине всего этого дела он не решился прислушаться. Помехой стала полная невозможность объяснить знакомую подпись. В его англосаксонском сознании, воспитанном в строгих правилах юга, тутойер был допустим только по отношению к собакам, нижестоящим, самым интимным отношениям и любовникам. Он был слишком неуравновешен, чтобы увидеть юмор, когда торжественно объявил, что, конечно же, цу Пфайфер не собака, не низший по социальному кодексу; он не родственник; поэтому.... Его ум зашатался и помчался в бессвязности.

Точка зрения, которая добавляла ложные предпосылки, так же как и его отношение к этим двум маленьким словам, заключалась в сознании, что многие сочтут, что он обращался с женой не так, как должен обращаться муж. Такая возможность никогда раньше не приходила ему в голову, и поэтому он придавал ей непропорционально большое значение.

В молодости он был слишком поглощен своей профессией, чтобы быть дамским угодником, и о любви мало задумывался, пока не встретил Люсиль Шарлтрейн, в которую был влюблен весь мир. И, несомненно, она, как и многие испорченные красавицы, была немного раздражена тем, что профессор не присоединился к толпе ее придворных. В сознании Бирнье с любовью всегда ассоциировался страх, что женщина потребует слишком многого, что ни одна женщина не сможет понять, что профессия мужчины должна стоять на первом месте [pg 88] всех вещей. Люсиль была первой женщиной, которую он встретил и которая, казалось, действительно понимала эту точку зрения, поскольку она тоже была предана своему искусству. Это стало самой большой связью и притяжением между ними. Большинство мужчин стремились превратить любовь в занудство, как однажды выразилась Люсиль. Так что симпатичный профессор покорила красавицу. Они поженились при взаимном понимании того, что каждый должен заниматься своей профессией. Вскоре после этого Бирнье предложили отправиться в Африку для изучения обычаев и суеверий туземцев. Люсиль то соглашалась, то запрещала, то уступала, то смеялась.

Так Люсиль пела с музыкальной высоты на высоту, а ее муж носился с глубины на глубину по морям человеческой судьбы. Всякий раз, когда он брал отпуск, он, конечно же, отправлялся к ней, где бы она ни находилась - в Берлине, Нью-Йорке или Париже. Для Бирнье ситуация была идеальной. Он никогда не мечтал ни о какой другой женщине. В самом деле, все его мысли были настолько заполнены статистикой антропологии и Люсиль, что для кого-то другого практически не оставалось места. Восторг и удовлетворение Бирнье были настолько искренними, что ему и в голову не приходило сомневаться в том, что точка зрения Люсиль осталась прежней. Но теперь?

Это "à toi" ужалило и подтолкнуло его к беспрецедентному осознанию того, что, в конце концов, женщинам свойственно менять свое мнение. Возможно, гордость не позволяла ей открыто требовать иного. Люсиль была молода и красива, за ней ухаживали и ей льстили со всех сторон. Возможно, он был неправ, оставив ее на долгие годы. В ее верности он [pg 89] не сомневался, но впервые в супружеской жизни глубокое знание профессором человеческой натуры, словно прожектор, озарило его собственные дела. Однако его эрудиция ничуть не освобождала его от законов эмоциональной реакции.

Возможно, в эмоциональный момент.... знание слабостей *genus homo* было слишком глубоким, чтобы утешиться подобной актуализацией.

"À toi, Lucille! À toi, Lucille!" звенело и отдавалось эхом, пока он ходил по комнате, стремясь к контролю.... И - почему еще цу Пфайфер должен был сойти с ума? Почему он воскликнул:

"Das ist der Schweinhünd"? Конечно, муж, которого он хотел убрать с дороги, и он немедленно воспользовался возможностью добиться этой цели, казалось бы, безразличной к последствиям - симптом состояния "влюбленности".

Вокруг и около, вокруг и около поля сорняков, которые проросли из того семени "à toi", всю ночь ходил профессор. Когда сквозь высокое зарешеченное окно пробивалась зелень, сержант Шнайдер принес ему кофе и печенье. Бирнье с жадностью выпил кофе и, поскольку сержант не знал ни английского, ни французского, попытался на ломаном немецком выведать хоть какую-то информацию. Но сержант лишь хмыкнул и удалился. В семь он снова вернулся и проводил Бирнье до здания суда. Он вернулся с этого шуточного суда немного более одаренным реальностью и более впечатленным злобой цу Пфайффера. Однако беспричинные оскорбления, искусный фарс с регистрацией мнимого швейцарского торговца Бирнье воспринял насквозь и почувствовал облегчение, ибо это доказывало, что намерение цу Пфайффера состояло в том, чтобы сделать Люсиль вдовой. Никакие [pg 90] другие причины не могли объяснить проявленные убийственные намерения.

На рассвете следующего дня его разбудил здоровенный капрал, который приказал ему выйти. Тон его голоса, естественно, вызвал бурную реакцию. Но Бирнье понимал, что его единственный шанс - сдержаться и стоически принять любое предложенное обращение; ведь он сразу же понял, что любой протест или возмущение будут истолкованы как неподчинение и, возможно, станут поводом для расстрела.

Снаружи в сером свете он увидел под охраной шести туземных солдат пятерых других членов своей партии. Мунгонго, его личный "мальчик", закричал при виде его и спросил, что означают эти странные события. Прежде чем Бирнье успел ответить, здоровенный капрал жестоко ударил его кибoko, приказав молчать. Несмотря на свое решение, реакция заставила Бирнье гневно повернуться к солдату, который намеренно повторил приказ и ударил белого человека по лицу. Когда Бирнье поднял кулак, тот опустил штык и усмехнулся, добавив, видимо, для пользы своих людей, что теперь белый узнает, что такое быть рабом.

Бирнье в ярости огляделся в поисках сержанта Шнайдера, но белых не было в поле зрения..... Он повернулся к Мунгонго и быстро сказал: "Не обращай внимания. Делай то, что они тебе говорят".

"Молчи!" - крикнул капрал, но, когда он поднял кибoko, Бирнье спокойно посмотрел ему прямо в глаза. Черная рука опустилась, и человек отвернулся, приказав всему отряду маршировать.

Растрепанный и без всякого походного снаряжения, Бирнье начал маршировать, пока кровь на небе бледнела [pg 91] до оранжевого. У подножия большой парадной площадки он обернулся и увидел, как за зданием суда выстраивается гвардия. На мгновение он засомневался, стоит ли подвергать все испытаниям, отказываясь идти; но многозначительный жест капрала с винтовкой наизготовку дал понять, что ему не дадут и шанса. Униженный, он подчинился. Но сразу за последней хижинкой у тропинки стояла группа женщин, нагруженных солдатским снаряжением, а рядом с ними несколько носильщиков несли его зеленую палатку и, по-видимому, все его снаряжение. Это зрелище немного взбодрило его. Он попытался найти утешение в мысли, что дикость капрала может ослабнуть, когда они окажутся вдали от подстрекателя, которым, как он был уверен, был цу Пфайфер.

Во главе каравана шел солдат; за ним - Бирнье, позади него - еще один солдат, за ним - Мунгонго и четверо других пленников, между ними - по солдату; затем - капрал,

величественно вышагивающий на расстоянии легкого выстрела от белого человека. Носильщики и женщины шли позади.

Несколько миль путь пролегал по унылому болоту, следуя руслу небольшого залива, пересекая и переправляясь через мелкие ручьи, разбухшие от дождей, через которые белый человек был вынужден пробираться по самым бедрам. Первую милю Бирнье был так зол и унижен, что не осмеливался поймать встревоженный взгляд Мунгонго. Но усилием воли он достиг разумного уровня философской покорности, по крайней мере временной, и улыбнулся мальчику, который ухмыльнулся в ответ, как защекотанный ребенок. Во всяком случае, подумал [pg 92] Бирнье, у него есть хотя бы один человек, на которого он может положиться.

У истоков байю они вышли на возвышенность, и тропа пошла зигзагами через густые джунгли, поросшие веерными пальмами. Чем дальше Бирнье размышлял над ситуацией, тем ближе он подходил к выводу, что ему лучше как можно скорее совершить побег, иначе у него никогда не будет такой возможности. Только по тревожным взглядам Мунгонго, который не решался заговорить, он догадался, что они сошли с обычной тропы на побережье. Куда они направились, он не мог предположить. Наверное, мрачно подумал он, чтобы покончить со всей партией и вернуться в лагерь. Но зачем так далеко ехать? И еще одна веская причина поспешить с побегом заключалась в том, что, хотя в данный момент он был в добром здравии, несколько дней пребывания на открытом воздухе могли бы вызвать у него лихорадку и, как следствие, слабость.

То и дело тема "à toi" возвращалась к нему, как припев песни, под которую он шел в ногу; но иногда слова теряли смысл, ибо, как милосердно устроена природа, импульс самосохранения настолько занимал его разум, что ему было недосуг беспокоиться о супружеских проблемах.

По истечении примерно двух часов, когда солнечный зной уже начинал сильно ощущаться, капрал объявил привал в тени большого баобаба. Бирнье сел, прислонившись спиной к стволу. Рядом с ним присел на корточки капрал и позвал женщин за тыквой джувалы. У местного пива есть какой-то кислый запах, который особенно раздражает сухое небо. Капрал глубоко выпил, удовлетворенно вздохнул и поставил тыкву рядом с собой, почти касаясь ног белых. Невольно [pg 93] Бирнье сглотнул. Капрал увидел и усмехнулся. Бирнье понял и повернулся к нему спиной. Капрал тут же поднялся и, опустив штык так, что он уколол рукав пальто Бирнье, приказал ему встать. Зная, что при попытке сопротивления его тут же пристрелят остальные, он вынужден был подчиниться.

В тени большого дерева, под яркими лучами солнца, белый был вынужден сидеть, пока чернокожий капрал с винтовкой наготове через колено пил и передавал тыкву своим товарищам. Бирнье снова повернулся к нему спиной. Но он начал смутно осознавать, как с ним поступят, прежде чем наступит конец, и от глубокого знания туземной смекалки ему стало физически плохо.

Через полчаса они снова двинулись в путь. Путь стал неровным и трудным, он пролегал через колючую землю и шел вдоль бурлящих водотоков, сложенных из грубых камней. Чтобы сделать путь еще более трудным, Бирнье надел вместо высоких полевых сапог легкие мокасины, предназначенные для лагеря. Однажды, когда длинный шип вонзился в ботинок, он остановился, чтобы вытащить его. Капрал закричал на него; солдат, стоявший позади, обозвал его нецензурными словами на диалекте и толкнул ногой. Оскорбление и солнечный жар взбесили его. Он вскочил на ноги. Капрал быстро поднял пистолет и закричал. Какое-то

мгновение Бирнье стоял, дрожа от страсти, потом закрыл глаза, чтобы не видеть и не слышать, и захромал вперед, борясь с собой.

С туземцами Бирнье всегда умел договариваться, жить и ссориться, когда это было необходимо, на дружеских условиях; но эта черная "свинья", как он называл [pg 94] его в гневе, вырядилась в маскарадную одежду белого человека.... Он жестоко ударил каблуком по шипу, чтобы отвлечь южный пыл. В конце концов, виноват был не человек, а Зу Пфайффер. Надень на белого человека форму, и он станет зверем; надень на негра форму, и он станет дьяволом, - заставил себя задуматься Бирнье.

Солнце накалилось добела. Жара и мухи усиливали жажду. Он шел вперед, спотыкаясь о камни и сильно проседая на песчаных участках. Они покинули сравнительное укрытие джунглей и пересекали плоскую равнину, приближающуюся, по его мнению, к руслу реки. Носильщики, как он заметил, отстали. Скоро они должны остановиться. Даже злобный капрал не стал бы слишком изнурять себя ради того, чтобы помучить белого человека.

Затем к чуме добавилась новая мысль. Он не пробовал ничего, кроме кофе, консервированной говядины и туземного хлеба, которые были даны ему на ужин предыдущим вечером. Капрал проявил свое чувство юмора, отказав ему в пиве и воде на марше; неужели он собирается мучить его не только жаждой, но и голодом? И если этот ухмыляющийся черный зверь уготовил ему пытку, то он знал, какой конец его ожидает.

Через час они подошли к реке шириной около сорока ярдов, бурлящей стремительным потоком. Деревни, как он и ожидал, не было. Капрал остановился. Бирнье сполз на берег и сунул морду в поток. Это была пытка - не пить слишком много. Он вскарабкался по склону и увидел, что капрал ухмыляется ему вслед. Он повернулся на спину и лег. Тени не было, только короткий [pg 95] кустарник и трава. Мелкие песчаные мухи жужжали и жалили. Он услышал бульканье военной бутылки с водой капрала. Но на этот раз жало было извлечено; живот был влажным.

Бирнье вытянулся, прикрывая руками то небольшое, что мог, от слепящего света. Слабые отголоски "à toi" пронеслись по его сознанию. Он заметил стоическое безразличие Мунгонго, сидевшего на корточках в нескольких футах от него, и солдата, растянувшегося между ними; он выругался, потому что опыт научил его, что это "стоическое" обычно следует читать как "быдловатость", как он это назвал; и он мрачно улыбнулся древней истории, которая так хорошо иллюстрировала этот момент, о крестьянине, который выразил свое занятие в долгие зимние часы как "иногда мы сидим и думаем, но в основном мы просто сидим".

Мунгонго "просто сидит", - повторил он и позавидовал ему. И все же в этой жаре и голоде, ожидая, пока его дикарь-похититель выкинет какую-нибудь новую причуду, Бирнье настолько проникся философским интересом к жизни, что погрузился в размышления о механической фатальности человеческого поведения, иллюстрируя свои размышления собственными действиями, когда его обуревали эмоции. "Заряженное ружье может быть столь же мудрым, как и Соломон, - заметил он себе под нос, - но все равно, когда кто-то нажимает на курок, эта чертова штука взрывается", - и сел так, чтобы оказаться лицом к лицу с дулом винтовки капрала, который приказывал ему встать. Бирнье поднялся. Но, к изумлению дикаря, он улыбнулся.

Кaprал отступил назад.

"Ах, друг мой, - пронзительно заметил Бирнье на [pg 96] английском. "Ты потерял, а я нашел то, что потерял!"

Капрал нахмурился и велел ему следовать за собой. Бирнье повиновался, но чувствовал, что обязывает человека. Прибыли носильщики, и зеленая палатка была разбита, маняще прохладная на фоне серого потока реки. Он с радостью последовал за капралом, но в десяти футах от палатки, возле колючего куста высотой в четыре фута, раскинувшегося веером, ему было велено присесть. В этот момент, только что вынырнув из своих философских грез, он ничего не понял.

"Но это же моя палатка!" - сказал он на суахили.

"Садись!" - приказал капрал, ухмыляясь. "Белый продавец рабов сидит на месте раба, а его хозяин обитает на месте благословенного".

"О Боже!" - заметил Бирнье, ударившись головой о черную реальность.

[pg 97]

Глава 8

Бакума сидела в тени тростниковой изгороди и готовила вечернее блюдо из вареных бананов. На ее стройной шее раскачивался драгоценный амулет, который она, словно желая уверить себя в его сохранности, время от времени сжимала. Ее сводная сестра, еще не прошедшая инициацию на зрелость, раскинулась на животе в лучах угасающего солнца, почесывая шерстяную голову. За ее спиной двое рабов разводили огонь под двумя большими калабашами, готовясь к варке бананового пива, которую, разумеется, должна была проводить главная вдова, мать сводной сестры Бакумы.

Мысли Бакумы были заняты воспоминаниями о чарах Залу Зако, особенно в тот день у реки, когда начало действовать любовное очарование. Эти воспоминания, как бы ни были они приятны любой служанке, окрасились в яркие цвета словами волшебника; ведь он заверил ее, что с ногтями на ногах и волосами, над которыми можно колдовать, Залу Зако будет околдован ее чарами навеки. И она их получила! Она могла бы достать козу, но не тощую, как было описано под влиянием дикой надежды на то, что волшебник смиростивится. У ее кузины, обиженной упреками мужа, была такая коза, жирная, как козы в Вонголо, и она была готова обменять ее или что угодно на безошибочный [pg 98] амулет от бесплодия. Бакума боялась расстаться с амулетом, но дело не терпело отлагательств: как только она станет женой Залу Зако, она сможет купить все амулеты в деревне.

Но как ни трудно было их достать, ведь, как всем известно, ни один человек не оставляет при себе части себя, которые могут попасть в руки врага для колдовства, тем более богатый человек, "наполовину божественный", она добыла несколько ногтей и один волос. С помощью этого амулета против бесплодия, единственной ценной вещи, которой обладала Бакума, она подкупила наложницу из дома Залу Зако, чтобы та украла необходимые ингредиенты из соломы хижины, где они были спрятаны после официального бритья и стрижки после церемонии его отца в ожидании их переноса в священные пределы храма.

Над страстью к Залу Зако возвышалась ее природная женская оценка хорошей пары. Сын Змея с точки зрения женщины был гораздо лучше, чем союз с успешным магом. В случае

смерти царя-бога Кава Кенди жены его сына и преемника, хотя и лишались особых привилегий, а после его кончины эти царственные жены сохраняли свой дом на холме, который стал его гробницей. Более того, как хорошо знал Бакума, теперь, когда Залу Зако стал наследником, он должен был выбрать главную жену, которая на всю жизнь останется главной в семье, избегая страха каждой стареющей женщины, что ее муж возьмет себе другую жену, более молодую и податливую.

Единственным комаром в раю был страх, что, как только ее дядя, брат отца, которому она принадлежала по наследству, узнает, что ее желает августейшая особа [pg 99], он поднимет цену до запредельной цифры; ведь он был подл, глуп и ленив, поэтому у него было мало товаров, и хотя Залу-Зако был богатым человеком, она знала, что любой человек, кроме дурака, любит вести выгодную сделку, хотя бы для того, чтобы доказать свою проницательность. Поэтому ей было крайне необходимо раздобыть все средства магии и очарования, чтобы разжечь пламя желаний своего возлюбленного.

И все же она всегда вспыхивала яркой ящерицей под солнцем своей радости, когда представляла себя главной женой в доме Залу-Зако - положение неприступное, пока у нее есть хоть один ребенок мужского пола; практической хозяйкой двух его первых жен, а также свиты рабов.

Базила, младшая жена, была хорошо знакома Бакуме; любимая и надменная, обвешанная самыми дорогими амулетами от всех болезней и черной магии, она любила насмехаться над молодыми девушками, чьи чары еще не привели к жертве.

"Эх!" - вздохнула Бакума и оскалила зубы, разворачивая теплые листья вокруг липкой кашицы, - "тогда запах моего тела будет более горьким, чем запах цветка рыбообразного кактуса!"

И так всю ночь Бакума питала предвкушение радости, лежа на своей тростниковой циновке на слегка приподнятом помосте пола, служившем ей постелью, наблюдая, как дым костра в центре хижины теряется в тени крыши, и прислушиваясь в надежде услышать голос духов, которых Маруфа должна была вызвать от ее имени. Но ночь была тихой, лишь изредка слышалось блеяние козы да однажды раздался резкий крик птицы Барото, от которого у нее сжалось сердце, ибо это дурное предзнаменование. [pg 100] Однако в час обезьяны Бакума поднялся, чтобы пополнить запасы огня. Когда западная звезда растаяла в теплой зелени, она покинула стойбище. На окраине деревни из тени плантации показалась высокая фигура Мьялу.

"Приветствую тебя, дочь Бакалы, - сказал он, его глаза жадно пожирали ее.

"Приветствую тебя, о вождь!" - ответила Бакума, вежливо отступая в сторону, чтобы не натолкнуться на смутную тень вождя.

"Олененок рано ищет пастбища", - заметил Мьялу.

"Перед дыханием солнца трава слаще", - возразил Бакума, отступая в сторону.

"Ага, - заметил Мьялу с голодным блеском в глазах, - ты жаждешь утолить жажду? Но в долине в этот день не будет ходить ни один бакс!"

"Эх!" - вздохнул Бакума, мгновенно вспомнив о предзнаменовании птицы Барото, услышанном этой ночью. "Что ты имеешь в виду?"

"Может быть, душа его блуждает и попала в ловушку, а может быть... - он сделал паузу, внимательно наблюдая за ней, - может быть, враг наложил магию на его части".

"Эх!" нервно начал Бакума.

Мьялу улыбнулся и тронул ее за плечо.

"Твоя плоть прохладнее росы".

"Нет, нет, о вождь, ты не завязал мне пояс", - запротестовала она, отступая от него, и глаза ее расширились, как у испуганного оленя.

"Нет, но я скоро его развяжу", - ответил он.

Но когда он шагнул к ней, она повернулась и убежала. Проследив за ее стремительным бегом, как пуку [pg 101] на плантацию, Миалу усмехнулся и воскликнул: "Даже сейчас в дыхании Непостижимого парит прохладный сквозняк! Но в кубке для меня будет более сладкий напиток!"

"Айе! Айе-е!" - завопила Бакума, сердце ее бешено колотилось, - "какой дьявол околдовал меня! О, этот отец многих козлов предал меня! Айе! Айе! О, крик птицы Барото! Айе! Айе!"

И когда Бакума, сбита с толку угрозой, что она лишь раздобыла острие ногтей и волосы, чтобы отдать своего возлюбленного в руки лжеволшебника, которого, конечно же, купил Мьялу, пришла на "пастбища" у реки, как и предсказывал Мьялу, там не было ни одного бакса.

Солнце проливало синие тени на деревню со священного холма, где разыгрывалась другая сцена, и она была не такой, как представлял себе влюбленный Мьялу.

В доме совета, который находился внутри внешней ограды и перед священной оградой, шло собрание врачей. В дверях ограды сидел на корточках Кава Кенди, а при нем Кингата Мата, поддерживающий королевские костры. Перед ним, впереди своих товарищей, сидели Бакахензи и Маруфа в полном облачении из зеленых перьев и алого плюмажа. Левая сторона идола, установленного так, что тень никогда не падала на вход в комплекс, была позолочена солнцем; рот усмехался в одном углу, один глаз был закрыт тенью, казалось, что он подмигивает.

Под звуки священного оркестра Бакахензи раскачивался на месте, бормоча заклинания. Кава Кенди сидел на корточках неподвижно, а остальные раскачивались и тихонько похрюкивали в ритм. И вдруг [pg 102] Бакахензи поднял голову и закричал великим голосом. Барабаны затихли, и тело колдунов осталось неподвижным, ожидая. Бакахензи опустил голову и начал скандировать:

"Вот! Я слышал голос деревьев.

тихо плачущих по ночам!

Вот! Душа растения рождает!

Как роженица!

Вот! Не собирается ли она родить?

Ибо она взывает о помощи.

Если ее не услышат, младенец пропадет!

Плода не будет!

Растения не прорастут!

Молоко будет кислым!

Пиво будет зеленым!

Женщины не будут рожать!

Наши копья будут тупыми!

Наша магия ослабеет!

И Он будет разгневан!"

"Эх! Ах! ... Эх! Ах! ... Эх! Ах! ... Эх! Ах! ... Эх! Ах! ..."
ворчал хор врачей. Затем Маруфа запела:

"Вот я спала и была тем, чем должна!

Ночью я проворно охотился!

Вот! Я впился своими клыками в горло

Могучего быка-эланда!

Кровь оросила землю и подняла растение!

Которое жаждало крови!

Сок растения - душа дерева!

[pg 103]

Внимайте жажде

Того, кто был первым!

Кто вожделеет девицу!

Полногрудая, с мягкими бедрами!

Гибкая, с дугой!

Чистокровную и сильную!

Чье имя запретно!

Чье имя - грех!"

"Кто украл это имя?" - закричал Бакахензи, вскакивая на ноги. "Кто та, что украла имя?"

"Eh! A-a-a! ... Эх! A-a-a! ... Eh! Эх! ... Эх! Ааа! ... Эх! Ах! ..."

Когда барабаны загрохотали сильнее, Бакахензи начал шаркать в согнутой позе, словно выбивая след. Под непрерывное хрюканье он продолжал этот танец в течение четверти часа. Затем, резко остановившись перед королем, он закричал:

"Пусть ей будет приказано
Прийти на пир!
Пусть ее намажут маслом!
Пусть ее побреют!
Пусть она придет танцевать!
Пусть будет радостной!
Пусть она будет нарядной!
Пусть она будет счастлива!
Губы жениха
Жаждают ее уст!
Пусть она будет пьяна
Чтоб нести его сладкий груз!
[pg 104]
Чтобы урожай был полным!
Чтоб скот откормился
Жены будут бросать мужчин!
Копья будут рубить врагов!"

Он внезапно опустился на корточки. Барабаны затихли. Появился раб, несущий чистого белого ребенка. Кингата Мата взял животное и держал его перед Кава Кенди, который пробормотал над ним длинное заклинание и перерезал горло наконечником копья. Затем истекающую кровью тушу отнесли Маруфе, и он, еще будучи живым, вспорол живот, обмазал жидкостью грудь и правую руку и вырвал кишки. Труп был убран. Маруфа, работая только зачарованной рукой, переворачивал внутренности, внимательно разглядывая их.

Наступила тишина. Тени становились все глубже. Из деревни изредка доносилось блеяние и голос далекой девушки-певуньи.

После долгих и тщательных поисков Маруфа настиг его и обмотал вокруг шеи кишку. Когда он поднялся, группа знахарей разразилась мощным стоном. Маруфа быстро пересек небольшую поляну и опустился на колени перед Кава Кенди. Сквозь окровавленный шейный платок он прошептал два слога: "кума".

Стон прекратился так же внезапно, как и начался. Кава Кенди громко воскликнул:

"Невеста найдена!"

Мгновенно барабаны начали неистово биться. Все собравшиеся подняли мощный крик и упали на грудь и живот, ворча: "Эх! А-а-а! ... Эх! А-а-а! ...", когда Бакахензи и Маруфа начали танцевать танец благодарения.

[стр. 105]

Бакума была обречена стать жертвой на празднике урожая, быть принесенной в жертву во время оргии как невеста Духа Банана, потому что Маруфа с помощью гадания обнаружила, что два слога ее имени были слогами тайного имени, которое знал только Царь-Бог, имени Непонятного, Усакумы.

[стр. 106]

Глава 9

Перед зеленым шатром вышагивал часовой с такой же помпезностью, как если бы он дежурил перед бунгало коменданта. Внутри, раскинувшись в походном кресле, сидел капрал в синей полосатой пижаме и курил сигарету. На полу сидела одна из его женщин с бритвой, воткнутой в шерстяной платок, и открывала банку говядины. На походном столе стояли бутылка бренди с отбитым горлышком, зеркало для бритья и открытая жестянка сигарет. На кровати сидела на корточках другая женщина в полевых сапогах и вычищала одним пальцем банку лосося. Остальная часть палатки представляла собой кучу разбитых ящиков, бутылок, банок и бумаг.

В десяти ярдах от них под кустом терновника лежал Бирнье, а рядом с ним - Мунгонго и остальные. Взгляд Мунгонго метался между этой сценой в палатке и белым человеком со смешанным выражением ужаса и изумления: ужас от безрассудства капрала, так обращающегося с белым, и недоверчивое недоумение от того, что белый сразу же не забил их всех насмерть. Остальные же, более искушенные в нравах белых, были заняты исключительно тем, что завидовали дебошу капрала.

Сиреневые тени по мере удлинения превращались в голубые. Тучи мелких мух поредели, и их ряды стали пополняться комарами. Бирнье лежал спиной к палатке, накрывшись мухобойкой из травы, [pg 107] но исподтишка наблюдал за действиями капрала. Капрал и его женщины уже изрядно выпили бренди, и теперь он щедро угощал своих людей. Однажды он вышел пошутить. Бирнье не обратил на это никакого внимания, как и на удар, нанесенный одним из его собственных полевых сапог по ноге женщины. В желтых глазах капрала уже появился кровавый блеск, а в движениях - явная неуверенность. Были ли у этого человека какие-то особые указания относительно способа его смерти, Бирнье не знал, пока тот не стал болтать и выкрикивать оскорбления в адрес своего белого пленника. Великий белый вождь отдал ему белого человека в рабство, кричал он, а теперь собирается забрать его к себе домой. Эта идея, похоже, очень развеселила его самого, а также его женщин, которые хихикали и аплодировали, когда капрал начал описывать, какие непристойные действия они будут заставлять своего белого пса совершать каждый день, что они будут давать ему есть, как его нужно заставлять танцевать.

Стало шумнее, и женщины начали петь непристойные песни. Солдаты тоже обнаружили следы своих частых возлияний. Бирнье знал, что скоро вся толпа сойдет с ума и рано или поздно рухнет, что даст ему шанс сбежать, если только его не закуют в цепи или, что было гораздо вероятнее, не решат запытать его до смерти во время оргии. То, что они, вероятно, сделают с ним, было немыслимо. Каким-то образом он должен найти выход путем самоуничтожения. Даже если ему удастся сбежать, он будет безоружен и без еды, и есть все шансы, что утром они выследят и догонят его. Он хромал и болел ногами; кроме того, он был слаб от недостатка [pg 108] пищи. Однажды, разгребая его ящики, капрал презрительно бросил ему недоеденную банку сардин и сигарету. Он оставил сигарету лежать. Но питаться

надо, и после внутренней борьбы он съел ее, выковыривая рыбу когтями, как обезьяна, в то время как большой негр и его женщины расползались и смеялись.

Солдаты, за исключением часового, который все еще вышагивал несколько неуверенно, сгрудились вокруг костра перед палаткой, на пороге которой капрал восседал с такой помпезностью, словно был великим Моголом, - все пили, курили и ели. То и дело женщины выкрикивали через голову оскорбления в адрес белого, а однажды капрал бросил в него пустую бутылку, вызвав бурные аплодисменты. Женщины начали танец живота, напевая, а мужчины сопровождали ритмичным хрюканьем, которое всегда приводит к истерической экзальтации.

Солнце клонилось к закату. Они могли прийти за ним в любой момент. Он наблюдал за часовым и подумывал о том, чтобы поспешить, рискуя воспользоваться его плохим прицелом и нетвердой рукой. В темноте за ним далеко не пойдут, опасаясь духов, которые ходят по ночам. Единственной альтернативой самоубийству была река, полноводная и кишущая крокодилами, - ничтожный шанс. Он решил попробовать. Он уже подумывал о том, чтобы сделать эту попытку. Но чем темнее, тем лучше; им будет легче промахнуться. Во что бы то ни стало он не должен позволить им схватить себя. Он собрался с силами, разминая конечности для прыжка и рывка, с тревогой наблюдая за скандирующей толпой вокруг костра в отблесках заката.

[pg 109]

Поводья дисциплины рвались. Часовой по-прежнему ходил взад-вперед, но не сводил глаз со своих товарищей. Работа его ума проявилась, когда он обошел вокруг, завязывая узлы в длинной траве, что, как известно каждому муньямвези, является верным способом предотвратить побег заключенного; затем он остановился перед Бирнье, усмехнулся и указал на огонь; очевидно, он знал или слышал, что скоро будет оргия. Мужчина стоял и наблюдал за ним. Опасаясь, что тот сейчас потащит его за собой или предложит схватить жертву, хотя бы для того, чтобы освободить его от неприятной обязанности, Бирнье выхватил лежавшую в траве сигарету и попросил прикурить, чтобы отвлечь внимание человека. Часовой покачал головой и указал на огонь. Бирнье торопливо пошарил по карманам в поисках спичек, вспомнил, что использовал последнюю, и достал маленькую жестяную коробочку с восковыми весточками, завернутыми в промасленный шелк, которые он хранил в качестве резерва в специальном чехле на поясе. В тот самый момент, когда он чиркнул спичкой, Бирнье воскликнул: "Боже!"

"Нини?" - спросил часовый.

"Я обжегся", - ответил Бирнье.

"Ничего, что ты скоро сгоришь!" - ответил негр, ухмыльнулся, сделал непристойное предложение и поплелся к костру.

Быстро соображая, Бирнье проклял собственную глупость. Если Мунгонго и остальные побегут одновременно, их количество еще больше запутает солдат. Он заговорил с Мунгонго на диалекте вонголо, надеясь, что муньямвези не поймут.

"Пусть твое сердце будет подобно пуле моего большого ружья и подчиняется мне! Когда я подброшу в воздух эту [pg 110] сигарету, ты побежишь и окунешься в реку, но не в глубину; спрячься в камышах на берегу, пока не услышишь, как лягушка квакнет трижды, а потом один раз. Выходи и иди к лягушке, и не бойся, ибо ты увидишь меня в облике духа. Ты понял?"

"Истинно так, мой господин!"

"Скажи вашим, чтобы они тоже повиновались, иначе мой дух сожрет их, как и этих детей навоза!"

"Истинно, господин!"

Бирнье взглянул на горизонт. Тени растаяли в фиолетовых сумерках, которые в экваториальной Африке почти так же коротки, как затухание свечи. Высыпали звезды. Сумрачные формы кружились вокруг желтого огня, который бледным мерцанием освещал фигуру капрала Иньиры, обнаруживая начало истерического блеска в желтизне его глаз, когда он, по привычке, сидел на корточках в кресле. В любой момент они могут броситься на жертв. Часовой, волнение которого превозмогло дисциплину, с винтовкой в руках кружил по окраинам толпы.

Бирнье бросил сигарету в сторону Мунгонго. Нырнув за куст терновника, он услышал шорох движения и задыхающееся восклицание "мальчика", обращенное к остальным. До берега реки оставалось не более пятнадцати ярдов. Бирнье присел на краю и прислушался. Чуть правее послышался всплеск - это Мунгонго или кто-то из других буквально повиновался его указаниям.

Комары жужжали и жалили тучами. Над хором лягушек [pg 111], пульсацией ручных барабанов и песнопениями настойчиво трещал сверчок. Часовой еще не обнаружил бегства; вероятно, он был пьянее, чем предполагал Бирнье. Приподнявшись на руках, он смог разглядеть сквозь кустарник отблеск костра и перевернутое V палатки. Он колебался, начинать ли действовать немедленно или подождать, пока они обнаружат полет и еще больше опьянеют. Все же волнение, вызванное потерей пленника, может немного отрезвить их, размышлял Бирнье. Нет, даже если бы они были совершенно трезвы, это не имело бы значения. Тогда духи ночи были бы для них более реальными, чем в состоянии алкогольного опьянения. И все же он будет ждать. Они могли дойти до реки с фонарями, и если бы он был вынужден пойти к воде, то рисковал бы тем, что его схватили бы крокодилы. Он уже начал проклинать аскари за то, что они так медлят, когда над его головой раздался треск винтовки и гул пули.

Он поспешно спустился с берега, на мгновение подумав, что его заметили. Но, видимо, это был случайный выстрел. Скандирование прекратилось. На хриплый крик часового отозвались остальные.

Бирнье осторожно подполз к берегу и всмотрелся. Он плохо видел, так как один глаз был почти закрыт комариными укусами, но в отблесках костра он различал смутные очертания проходящих и проезжающих людей. Мелькали огни. Под крики и вопли фигуры стали продвигаться к реке. Глубока она или мелка, он не знал; только в блеске звезд различил на несколько ярдов темные заросли тростника или кустов. Он скользнул [pg 112] вниз по склону как можно бесшумнее, хотя преследователи шумели так, что напугали бы всех духов в Африке. Он опустился на камни по грудь. Отплыв немного, он спрятал голову и плечи за полузатопленным кустом и затих.

Некоторое время он слышал только крики и вопли. Он держал воду до подбородка и постоянно брызгал на лицо, пытаясь ослабить усилия комаров. Крики приближались. Он увидел людей на фоне звезд, а затем отблески фонарей. Что-то задумчиво шевелилось рядом с ним. Возможно, это крокодил, но он не смел пошевелиться. Фигуры, казалось,

часами стояли на вершине берега. Он застыл на месте, ожидая увидеть водоворот воды и зубы.

Вдруг над ним вспыхнула вспышка пламени, за которой последовала целая серия выстрелов в направлении вверх по реке. Заметили ли они Мунгонго, или просто пустили пулю по кустам или по духам в целом? Последнее было наиболее вероятным. Вода завихрилась рядом с ним. Ему потребовалась вся сила воли, чтобы не броситься к берегу. Все-таки крокодил был бы куда милосерднее этих черных дьяволов. Снова вихрь, и что-то пронеслось на большой скорости рядом с ним. Возможно, выдра, напуганная стрельбой; во всяком случае, это был не крокодил. Огни и фигуры на берегу исчезли.

Снова раздались выстрелы, за которыми последовал дикий крик. Бирнье начал пробираться к берегу, непрерывно брызгая водой на комаров, которых было так много, что они напоминали ему залив Лафурш в далекой Луизиане. Присев, [pg 113] он ждал на краю берега, прислушиваясь. Возможно, у капрала хватило ума разместить людей в траве. Но, возможно, он слишком глуп, чтобы додуматься до этого, и ни один туземец не захочет оставаться там в темноте, если только не под контролем белых. Голоса все еще бормотали, но звучали они как будто из лагеря. Неужели они оставили его на ночь, полагаясь на то, что если его не схватил крокодил, то утром они смогут его выследить? Возможно.

Бирнье сидел на корточках в воде, готовый нырнуть обратно, пока не убедился, что они в лагере. Затем он так же осторожно пополз к берегу. Сквозь заросли кустарника своим неповрежденным глазом он смог различить фигуры вокруг желтого костра, который заметно потух. Что же они теперь будут делать? Он слышал бормотание голоса капрала. Смогут ли они достаточно протрезветь, чтобы утром быть готовыми к погоне? Бирнье так не думал, учитывая ящик бренди; капрал, во всяком случае, не думал. Раздался крик боли и женские голоса.

Наказывал ли капрал часового за то, что тот позволил заключенным сбежать, или они начали драться между собой? Последнее было маловероятно, поскольку унтер-офицеры обычно выбираются из мелких вождей, а подчиненные им люди, насколько это возможно, из их собственной деревни. Захватили ли они Мунгонго или кого-то из других? Бирнье снова прислушался. Очередной крик перешел в стон.

"Дьяволы!" - пробормотал Бирнье. Лежа плашмя и разглядывая траву и верхушки кустарников на фоне звезд, он издавал лягушачьи кваканья с интервалом в десять секунд. Примерно через пять минут он увидел, как несколько верхушек травы задрожали [pg 114] неестественно. Он снова квакнул. Раздался шепот:

"Это ты, Инфуняна?" (имя, данное в связи с золотыми пломбами Бирнье).

"Да". Темная фигура скользнула к нему. "Где остальные?"

"Не знаю. Я сказал им то, что ты велел мне сделать. Когда ты подал знак, я убежал и бросился в реку".

"Ты не испугался крокодилов?"

"Нет, потому что у меня есть могущественный амулет против всех речных зверей, зачарованный Бакахензи, величайшим из магов".

"Эх!" - прокомментировал Бирнье, кривя в темноте свои распухшие губы, - "если бы у меня был такой! Думаешь, люди сделали то, что им было велено?"

Его девичьи крики о пощаде донесутся до голодных ушей --!

Сын Баньяла!

Ух! ... Ух!

Е-е-е-е-е-е-е-h !

Велик был дар великого Пожирателя людей!

Белая рабыня, так ловко танцующая танец муравьев!

Эх! Мы разрежем ему ноздри и выдернем волосы!

Белый раб и четверо черных, которые будут ждать одного великого вождя!

Сына Баньяла!

Ух! ... Ух!

И-и-и-и-и-и-и-и!

[pg 116]

"Эти дети глупости не послушались", - прошептал Бирнир. "Время пришло.... Жди меня здесь, о Мунгонго. Я уйду, чтобы принять облик духа. Когда я вернусь, не бойся!"

"Истинно так", - ответил Мунгонго, а Бирнир пополз прочь по берегу. У кромки воды он быстро разделся до мокасин и, достав восковые весталки, смочил каждую из них и тщательно провел по лицу и телу, стараясь добиться наиболее отчетливого фосфоресцирующего эффекта вокруг глаз. Оставив одежду, он пополз обратно к Мунгонго.

"Эх!" - приглушенно вскрикнул Мунгонго, увидев светящуюся фигуру. Бирнье услышал шелест травы. Когда мальчик поднялся, чтобы бежать, он вскочил на ноги и грубо потянул его вниз.

"Молчи, дурак!" - прошипел он. "Это я. Молчи!"

"Эх! Эх!" - задыхался Мунгонго, которого била крупная дрожь.

"Если ты не замолчишь, я свяжу тебе сердце", - пригрозил Бирнье.

Мунгонго продолжал дрожать, но оставался пассивным.

"Эх! Эх!" - задыхался он, - "воистину ты более могущественный маг, чем Бакахензи".

"Замолчи!"

Барабаны и песня не стихали, а скандирование становилось все более непристойным.

"За мной!" - прошептал Бирнье, когда Мунгонго успокоился.

Они пошли в обход. Приблизившись, они услышали приглушенные крики и стоны под завывания [pg 117] хора и песни. Могучий сын Баньяла и его весельчаки были так увлечены оргией, что Бирнир мог бы подойти к костру, и никто бы его не заметил. Но он не стал рисковать. Оставив Мунгонго снаружи, он пролез под задним клапаном палатки. Присев там, он остановился. Палатка была пуста, так как все были заняты танцем. Два ружья и две легкие винтовки были сложены в углу, а большой экспресс, который капрал присвоил себе, прислонен к двери палатки за стулом. Он торопливо огляделся в поисках боеприпасов, но не увидел ни одного открытого, а пояс с патронами он оставил вместе с одеждой. Снаружи

мужчины и женщины кружили в разные стороны, каждый с копьем, ножом или огнивом в руках, вокруг костра, возле которого, обвязанные, как вязанки хвороста, стояли четверо слуг, их ноги обжигала горячая зола.

На секунду Бирнье замешкался. Он не мог знать, заряжено ли хоть одно из ружей. Костер состоял из тлеющих углей, которые не давали в палатку много света. Быстро поднявшись, Бирнье опустил на свой стул в глубокой тени палатки. Затем, собрав все свои нервы, он издал вопль и начал выкрикивать первую песню, которую смог вспомнить:

"Ура! Ура-а-а-а! Это Юбилей!

Ура! Ура! Флаг, который освободил вас!"

Туземный менестрель остановился на середине своего пения; вся шаркающая, хрюкающая толпа окаменела в разных позах. Бирнье вскочил на ноги, дико размахивая руками и крича:

[pg 118]

"Так мы пели хор-усс от Атланты до моря-а-а!

As we ... "

Но не успел он дойти до "Джорджии", как только распростертые фигуры вокруг костра не скрылись.

[pg 119]

Глава 10

Утром в день отъезда Бирнье на станции Ингони было оживленно. Все признаки подготовки к экспедиции тщательно скрывались, пока поблизости находился чужак. Важно трубили трубы. На большом парадном плацу были сформированы роты, длинные шеренги жестких, эбеновых фигур, по которым прохаживался цу Пфайффер, лично осматривая комплекты и винтовки. Затем они выстроились перед флагштоком. В своем обращении цу Пфайффер сообщил им, что они служат под началом более великого бваны, чем он, самого великого бваны в странах белых или черных, который является сыном Нгаи (неопределенный термин, означающий "сын Бога" или "сын никого"); что флаг, который они несут, брат большого флага на шесте, настолько силен в магии, что никто не может противостоять ему, это тотем бваны Мкубва Куба. Ни черным, ни белым не разрешалось иметь жен, и он сам подавал им пример, ибо они отправлялись в военный поход, чтобы захватить страну, которая, как они знали, была полна слоновой кости, скота и женщин.

Ряд за рядом глаза на черных лицах выпучились, когда из массы раздалось протяжное мычание в знак согласия и верности. Три белых сержанта рявкнули на свои роты, которые выстроились в колонну и прошли мимо цу Пфайффера под флагом в строевом порядке, их выверенность и точность - заслуга [pg 120] их мастеров строевой подготовки. Внизу под фортом в устье байю сержант Людвиг руководил ремонтом парового катера, а туземный сержант с группой людей следил за вереницей носильщиков с провизией для белых, основную часть которой составляли личные вещи цу Пфайффера. Вокруг шлюпки стояла

флотилия туземных каноэ под управлением небольшой толпы обнаженных гребцов-кавирандо, болтавших о перспективах военной экспедиции.

Большую часть дня цу Пфайфер провел в санитарной комнате, просматривая документы и давая подробные инструкции брюзгливому сержанту Шнайдеру, который должен был принять станцию с пятьюдесятью наименее компетентными людьми до прибытия офицера, что опять же зависело от успеха экспедиции. В манерах цу Пфайфера было заметно сдерживаемое волнение мальчика накануне домашнего матча, и действительно, для него это была игра, ради которой он был воспитан и жил, "das Kriegspiel". Его длинные пальцы постоянно поглаживали часовые усы, в голубых глазах был необычный блеск.

Личность Бирнье была, по-видимому, стерта из его памяти, как песок дождем; к тому же, помимо состязательного возбуждения экспедиции, алкогольный и сентиментальный дебош предыдущей ночи истощил эмоции, вызванные ревностью. В его эмоциональной жизни появилось препятствие в виде мужа женщины, которую он обожал; поэтому, в соответствии со своей природой и воспитанием, он постарался устранить это препятствие как можно быстрее и эффективнее. Превосходная уверенность в себе, выражавшаяся в гордости за семью и национальность, [pg 121] апофеозом которой был кайзер, позволила ему посвятить все свои силы делу, никогда не сомневаясь, что его интерпретация родной психологии обеспечит уничтожение его противника.

Помимо простого удовольствия от игры в войну, в нем присутствовал фундаментальный импульс к тому, чтобы заслужить одобрение Всевышнего, завоевав еще одно место под солнцем, а также полузадушенная уверенность в том, что такое отличие естественным образом будет способствовать его любовной карьере. На орбите этих двух полюсов вращались жизненные действия цу Пфайфера.

В тот вечер цу Пфайфер ужинал так же неторопливо и роскошно, как обычно; пил портвейн и курил сигару, пока слуги собирали последнюю кухонную батарею. Затем при первых лунных лучах он отдал приказ к выступлению.

Три роты аскари, спустившись к байю, без суеты и неразберихи высадились на берег, каждая группа под командованием унтер-офицера в назначенное каноэ.

Шлюпка деловито вышла из байю мимо туманных тростниковых островов в спокойные воды Великого озера, увлекая за собой флотилию из сорока каноэ. Сигара под тентом крошечной будки напоминала большой светлячок в синих тенях, где сидел цу Пфайфер со своим любимым бренди и сельтерской под локтем.

Похожая на огромную водоплавающую птицу, ведущую за собой странный черный выводок, шлюпка буксировала флотилию сквозь ночь. Военный напев пульсировал, как лихорадочное сердце, когда луна на ее спине лениво гнала звезды к рассвету, направляясь к своему дому в Горах Луны, чтобы в свою очередь быть погашенной яростным солнцем. [pg 122] И весь тот день, пока раскаленная жара пыталась вскипятить бездонные воды, странная птица ковыляла со своим вредным выводком. Забившись в тесные каноэ, солдаты спали, сморкались и пели, а цу Пфайфер с удовольствием слушал их под тентом. Трижды серые стены падающей воды накрывали их, посылая неистовые черные руки на выручку. И снова луна заставила небо смеяться. Когда солнце сыграло свою роль пылающей Немезиды, на горизонте выросла бахрома, как щетина на подбородке белого человека.

Зу Пфайфер рассчитал, что прибудет в деревню Тимбалла, расположенную за рекой, на закате. Староста спустился на берег, чтобы встретить их. Его тут же схватили, и солдаты, радостные и озорные, как дети, выпущенные из школы, окружили деревню.

Сидя в полной форме на крыше шлюпки вместе с двумя сержантами, цу Пфайффер держал шаури и требовал достаточное количество гребцов, чтобы укомплектовать сорок каноэ. Староста, для которого все белые люди были одинаковы, решил, что это англичане, и поспешил предложить свои услуги, пообещав, что бвана получит людей в течение двух дней. Зу Пфайфер отрывисто приказал ему доставить их до того, как солнце зайдет за горизонт на следующий день, а чтобы убедиться, что его послушались, взял его в заложники и запретил кому бы то ни было проходить через линию пикетов вокруг деревни. Старик протестовал, что в деревне не хватает людей, но шпионы цу Пфайффера предоставили ему практически верную информацию. Он дал старосте право послать несколько гонцов, каждого из которых сопровождал солдат, в соседние деревни [pg 123] и пообещал ему пятьдесят ударов плетью и разгромить его деревню, если гребцы не придут.

Только потому, что он хотел дать своим людям время оправиться от скованности, он не стал настаивать на том, чтобы той же ночью отправиться в путь по реке. Как хороший командир, он рассматривал своих людей со всех точек зрения эффективности. Они любили его. Он был вождем воинов, как они понимали; он заботливо воспитывал в них воинскую гордость; никогда не приказывал им работать по хозяйству, таскать и носить, только учить и сражаться; его наказания были свирепыми, но он давал им свободу в грабежах и изнасилованиях. Эх! Но Пожиратель людей был могучим вождем, и его именем они хвастались перед всеми.

Он предусмотрительно затребовал вдвое больше людей, чем требовалось, зная, что охваченный паникой вождь соберет немощных, слепых и больных. Через час после назначенного времени они собрались в деревне, представляя собой разношерстную команду. Самых крепких он выбрал для управления солдатскими каноэ, а тех, кто был посильнее, - для багажных каноэ.

Они немедленно отправились в путь. Они проходили около двух с половиной миль в час, потому что, хотя река и вздулась, она была вялой и медленно текла, извилистой. За каждое каноэ с солдатами отвечали гребцы, а скорость задавал цу Пфайффер в большом каноэ с Сакаматой в качестве проводника. Никогда еще эти гребцы не управляли каноэ так быстро и настойчиво. На закате они остановились в удобной излучине, где поблизости не было ни одной деревни; на берегу были выставлены пикеты, и ни одному человеку не разрешалось высаживаться на берег, не зажигали огней и не разговаривали. Им было приказано отдыхать.

[pg 124]

С первыми проблесками луны они снова пустились в путь. С помощью солдат перетащили каноэ через небольшие пороги, которые в сухой сезон разделяли реку на бассейны. Всю ночь туманный лес и болото проносились мимо под непрекращающийся ритм весел. Около часа обезьяны на флотилию напал бегемот и расстроил две лодки. Зу Пфайфер запретил стрелять, но и не позволил экспедиции задержаться на минуту, чтобы подобрать обитателей. Как раз в тот момент, когда они услышали отдаленное кричание петухов из деревни, в которую они направлялись, четверо гребцов упали. Солдаты, действуя по собственной инициативе, выбросили их за борт, чтобы они доплыли, если смогут, а сами взяли весла. После этого их выпороли за неподчинение приказу, за то, что они дали возможность одному из мужчин сбежать, чтобы предупредить Вонголо. Через час после восхода солнца они прибыли в деревню. Большинство гребцов были настолько измотаны, что упали в каноэ, и их

пришлось выбросить на берег, где они лежали без движения, а их спины, окровавленные от срочных штыковых уколов, запеклись на солнце.

Дальше этого места река была не судоходна, но деревня находилась на границе Вонголо и в двух днях или пятнадцати часах непрерывного марша от Мфунья-Мпопо (как знал цу Пфайффер). Цу Пфайффер применил ту же тактику, чтобы нанять носильщиков. Но вождю, на случай, если ему снова понадобятся его услуги, он сделал экстравагантный подарок и оставил тюки ткани для носильщиков после их возвращения. Зу Пфайффер и сержант Людвиг ехали в гамаках (machilas), каждый с командой из шести человек; солдаты не несли ничего, кроме своих винтовок, двойных патронных поясов и дневного пайка; кирка [pg 125] носильщиков несла боеприпасы и два Норденфельдта и два помпона, нанизанные на шесты, и ящики для рубил; мужские одеяла и тяжелые вещи должны были идти медленнее под началом сержанта Шульца и пятидесяти человек. Местность между этой деревней и деревней Мфунья-Мпопо была в основном лесной и очень малонаселенной, что давало некоторую тень и укрытие и уменьшало риск предупреждения.

Экспедиция отправилась в путь в полдень. Носильщики держались за счет внимания аскари. Две злополучные деревушки, лежавшие на пути следования, были окружены, а их жители перебиты. Двадцать носильщиков погибли; их закололи штыками, чтобы исключить возможность удачной уловки при бегстве для подачи сигнала тревоги, а их груз передали эстафетчикам, которых привели для этой цели. Колонна остановилась на закате. Люди съели свои пайки, но носильщики были слишком измучены, чтобы есть; они пили воду и лежали без сил. По словам Сакаматы, они находились на расстоянии двух ладоней от луны Кава Кенди.

В полном белом обмундировании, с мечом и револьвером, цу Пфайффер ел, пил и курил сигары, пока крыша леса не окрасилась в холодный бледный цвет луны. Затем, дав последние указания сержанту Людвигу и различным туземным унтер-офицерам, он приказал болтающим людям маршировать, причем носильщики шагали под острием штыка.

[стр. 126]

Глава 11

Приговор, вынесенный Советом колдунов, был для Бакумы и всех заинтересованных лиц как булла об отлучении от церкви в средневековой Европе. Больше всех переживал Миалу. Разве не заплатил он семь бивней из хорошей слоновой кости за то, чтобы предмет его страсти оказался под самым страшным табу? Его гнев был направлен против Маруфы, которая, казалось, предала его. Но ярость Миалу была сдержана страхом. Человек должен был не просто убить врага, но и успокоить его справедливо разгневанный призрак, а кто знал, на что способен развоплощенный дух самого могущественного мага в стране, кроме Бакахензи! Более того, ни один другой волшебник не дал бы ему отпущения грехов в виде магии очищения. Как бы ни был он вождем, он не посмел убить мага. Он разыскал Маруфу и нашел его, как обычно, сидящим на корточках у порога и созерцающим бесконечность в глинобитной стене. Он вежливо поприветствовал Маруфу, подавляя в себе слова горького упрека, ведь если бы он даже обидел его, волшебник мог бы мгновенно наложить на него заклятие. Маруфа ответил на приветствие так же вежливо, как и прежде. Когда же Миалу с упреком напомнил ему о семи бивнях, которые он заплатил, видимо, за то, чтобы обеспечить ужасную судьбу своей любви, Маруфа ответил безразлично:

"Я сделал то, за что ты заплатил".

"Какой мужчина покупает невесту для другого?" - возразил Мьялу.

[pg 127]

"Когда я творил магию над "вещами", я отдал их владельца во власть духов. И вот, не прокляты ли владелец "вещей"?"

"Эх!" - вздохнул Миалу. "Но как это может быть? Разве не ты сам взял пробор и волосы?"

"Я велел Тому, кто табу, принести их, чтобы он заколдовал ее пояс. Она думала обмануть меня, принесла то, что принадлежало ей самой".

"Э-э-э!" - пробормотал Мьялу, пораженный ужасным эффектом обмана волшебницы. Маруфа продолжала смотреть. Мьялу мрачно размышлял.

"Но бивни, - пробормотал Мьялу в конце концов угрюмо.

"Не у меня два языка", - равнодушно ответил Маруфа.

И на этом Мьялу пришлось успокоиться. Маруфу действительно совершенно не интересовали страсти Залу-Зако, Мьялу и Бакумы. Просто пришло время знахарям выбирать жертву для праздника урожая: Бакума была молода и хороша собой, лакомство должно было прийти по вкусу лекарям, а ее хозяин и дядя был человеком неважным, поэтому он и сообщил грех ее имени с помощью гадания.

В уединении своей хижины на холме Залу-Зако сидел и угрюмо размышлял. Его молодой и яростный нрав был возбужден, и семя восстания против господства священства разгорелось благодаря судьбе его новой любви; Хотя масонские тайны ремесла были ему недоступны, он, как сын королевского дома, с подозрением относился к власти [pg 128] Известного и священства, как и многие до него; но, несмотря на это, приговор был абсолютным, ибо он был слишком подавлен ужасом перед последствиями, чтобы позволить себе какую-либо надежду на его отмену.

Постановление не только обрекало Бакуму на ужасную смерть в третьем цветении луны, но с этого же момента вступало в силу табу, ибо, будучи проклятой за обладание двумя звуками священного имени, она считалась нечестивой. Ее сводные сестры и их мать, с которыми Бакума делила хижину, убежали в другую и были изгнаны волшебником, что, как всем известно, является дорогостоящей церемонией; тыквы и горшки, ложки и всевозможная утварь были оставлены в исключительном пользовании нечистой и должны были быть сожжены после ее кончины. Вокруг хижины проводилась магическая линия, за которую душа девушки, когда она спала, не могла выйти, чтобы околдовать кого-либо. Ни ее имя, ни то, что принадлежало ей, больше никогда не упоминалось; любое слово из домашней утвари, любая вещь или животное, в котором был хоть один слог из имени "Бакума", менялось, чтобы не проклясть и не околдовать того, кто его использует.

Целый день в этом уединении просидела девушка Бакума, сжимая в руке бесполезный любовный амулет Маруфы и недоумевая, как будто земля вдруг вывернулась наизнанку от этого поразительного и ошеломляющего факта. Она не плакала. Она сидела на корточках в дверях, ее глаза смотрели с остекленевшим пытливым выражением умирающей газели - бронзовый вопрос к судьбе. Во время кормления мать бросала в круг бананы. Бакума смотрела на них, когда они плюхались рядом с ней, словно не понимая, что это такое. Она не сделала ни единого движения, чтобы приготовить их. Прохладные сумерки надвигались [pg

129] и уходили, как голубое дыхание. Над насекомообразным хором ночи под хрустальными звездами донесся слабый стук барабана с холма МКофо. Звуки музыки и танцев напомнили Бакуме о ее честолюбивых мечтах. Она не могла ни плакать, ни рыдать; она лишь издавала слабые задыхающиеся звуки. Но ее разум начал работать неровно, но более плавно. Во тьме сплелись и закружились видения облика Залу-Зако: его легкая походка, надменная осанка головы. Небо медленно зеленело, пока банановые листья не стали сепией на фоне набухшей луны. Унылое кваканье птицы Барото разорвало черный кокон сознания Бакумы.

"Ай-ee! Затем она поднялась и, словно зеленый призрак, метнулась к плантации и к тому месту у воды, где ее возлюбленный впервые произнес свои сладкие слова, не думая в своем отчаянии ни о духах ночи, ни о том, что магический круг разорван. Луна осыпала приземистую фигуру голубыми брызгами и превратила падающие слезы в дрожащие опалы. Бакума разразилась дикими рыданиями.

"Черная коза трижды кричала в моей хижине!

Моя душа блуждает и попала в ловушку!

Аииииииии!

Волшебник украл волос с моей головы!

Клюв Барото клюет мою желчь!

Аииииииии!

Соперница подстерегает мою любовь!

Она убила мою птицу в гнезде его груди!

Аииииииии!

[pg 130]

Дикобраз обитает в месте моего сердца!

Птица моей души трепещет в обмороке!

Аииииииии!

Огненный уголь вошел в мои уста!

Молоко моих грудей свернулось сегодня ночью!

Аииииииии!

Струны моего лона завязаны тонкими узлами!

Мой живот пуст! Мои соски мертвы!

Аииииииии!

Обезьяна укусила меня за язык!

Она украла мое дыхание, чтобы творить волшебство по ночам!

Ее глаза, что подобны лунам, скрытым дождем!

Ее глаза, как звездная река на рассвете!

Ух! Мое копье согнулось!

Аииииииииииииииии!

Мою любовь забрала великая, чем я!

Ее аромат будет пить ноздрями шире моих!

Ее аромат, резкий и сладкий, как дым!

Ее аромат утоляет жажду лучше, чем самое сухое пиво!

Ух! Мое копье согнулось!

Аииииииииииииииии!

Моя любовь досталась тому, кто сильнее меня!

Ее дыхание будет глотать еще более жаждущее горло!

[pg 132]

Ее дыхание жарче, чем пламя костра!

Ее дыхание пьянит сильнее, чем кровь врагов!

Ух! Мое копье согнулось!

Аииииииииииииииии!

Мою любовь забрала более великая, чем я!

Ее голос услышат уши, более могучие, чем мои!

Ее голос, который подобен бурлящему пиву!

Ее голос нежнее, чем шелест веток!

Ух! Мое копье согнулось!

Аииииииииииииии!"

Легкий ветерок нежно шевелил деревья. Сверчки пронзительно закричали свой вечный хор. В реке плескался крокодил. Из деревни вниз по реке доносилось тявканье собак. Бакума снова возвысила голос:

"Могущественнее слонов был шаг моего человека!

Сильнее леопарда был его взгляд!

Сильнее дуба была сила его руки!

Быстрее молнии был удар его копья!

Враги погибли!

Выше винной пальмы был рост моего мужчины!

Шире, чем храм, был размах его груди!

Грациознее антилопы была его походка!

Стройнее саженой были его ноги!

Женщины сетовали!

Слаще теплого меда был запах моего мужчины!

Белее вспышки копья был блеск его зубов!

Яростнее скорпионов была хватка его рук!

Гладкая, как камень, была..."

[pg 133]

Шквал криков и выстрелов разрушил песню Бакумы, как нога сминает цветок.

Залу-Зако вскочил на ноги и на мгновение замер, напряженно вслушиваясь. За рекой какой-то странный зверь плевался копьями красного пламени. Чуть ниже еще один зверь яростно кашлял, как бегемот. Казалось, небо падает. Таких громких звуков он еще никогда не слышал.

Мчась со скоростью куду по плантации, он увидел впереди отблески огня и услышал рядом с собой стон какого-то ужасного чудовища. Он подпрыгнул на пять футов в воздух, и ему показалось, что мир раскололся пополам. В плечо ему вонзился укус, похожий на огненное клеймо, но он побежал к деревне, откуда со всех сторон бежали тусклые фигуры, сопровождаемые криками, воплями и стенаниями.

Несколько хижин уже пылали. Левиафан снова кашлянул и застонал, и снова земля, казалось, разлетелась на куски рядом с ним. В ужасе и недоумении, задыхаясь от ярости, он добрался до внешнего загона, где его товарищи по оружию кричали и вопили, что белые боги нападают. Бакахензи с оружием в руках приказывал им атаковать неизвестно что. Затем из беспорядка деревни вынырнули строй за строем кричащие фигуры, одетые в форму. Выкрикивая боевой клич, воины бросились в атаку, возглавляемые Залу Зако, Бакахензи и Кава Кенди, который в волнении выбежал из загона. Вопли и крики утонули в злобном треске и кашле. Воинов косили, как сорняки под серпом. Едва ли сотня вбежала в загон по призыву Бакахензи.

Снова пронесся короткий бросок этих фигур в форме; [pg 134] снова алые копья пронзили зеленый лунный свет, как град; маленькие красные язычки пламени полыхали, как лесной пожар, когда воины пробирались через палисад. Бой шел рука об руку, копья и мечи против штыков и ружей вокруг идола, аскари одолевали воинов. Храм был охвачен огнем. В свете пламени они увидели высокую фигуру в белом, с огненной пастью и магическими глазами на руках, которые вспыхивали алыми и голубыми лучами, когда он рубил и рубил основание идола.....

"Тарум пришел!" - закричал кто-то, и, подхватив этот клич, Непонятный покачнулся и рухнул на землю.

Они бежали, Залу Зако, Бакахензи и те, кто остался.

Глава 12

Деревня Ягоньяна, сына Захилазаана, находилась примерно в пяти днях пути к северо-западу от Кава Кенди, на открытой скотоводческой территории у опушки леса. Здесь собрались почти все знахари и воины племени. Большинство женщин, детей и рабов были отправлены еще дальше на запад, перегоняя скот.

Бакахенzie, Залу-Зако, Маруфа и все те воины, которые спаслись от резни, устроенной зу Пфайфером, отличались от своих собратьев кругами желтой земли вокруг каждого левого глаза, а правая грудь и рука были вымазаны красным, что является частью церемонии магического очищения тех, кто убил, чтобы, как известно, призрак мертвых не обрушил свой гнев на убийц.

Дела племени находились в плачевном состоянии. Сети табу запутались после смерти царя-бога Кава Кенди и беспрецедентного акта свержения идола. Тело Кава Кенди, которое так и не было извлечено, чтобы врачи могли освободить его несчастную душу, могло быть использовано для новых магических действий против племени.

В течение трех недель врачи, вожди и народ вели бурные дискуссии. Мнения расходились; никто из людей не мог прийти к согласию. [Младшие чародеи, которые и раньше довольствовались привилегиями мелких должностей, теперь были опьянены ненадежностью положения Бакахензи. Каждый из врачей, видя возможность доказать свои заслуги и получить пост главного врача Бакахензи, деловито творил магию, чтобы уничтожить узурпатора, и каждый приводил свою причину неудачи. Каждый день приходили новости о деяниях белого бога с глазами на руках, о расстрелах и порках, о сожжении деревни, включая идола, храм и священные гробницы Мфуны МПопо, МКоффо, Мзракомбиньяна и других королей до них.

Совет ремесленников даже не мог решить, должен ли Залу Зако быть королем-богом или нет. Бакахенzie, чьи интересы заключались в поддержке династии нынешней королевской семьи, утверждал, что он должен быть помазан немедленно. Но после падения идола и его собственного бессилия совершить успешное волшебство престиж Бакахензи сильно пошатнулся; он больше не смел самовластно издавать диктовки. Как всегда, политические амбиции разорвали патриотизм в клочья.

Маруфа, бывший близким союзником Бакахенzie, но лишенный его активной принципиальности, продолжал бормотать заклинания в одиночку, настороженно ожидая, по какую сторону реки упадет стрела. Бакахенzie был серьезно встревожен ростом группировки Яболо и безразличием Маруфы. Он прекрасно понимал, что подчинение повлечет за собой потерю должности, а также мирских благ; он знал, что все люди знают, что его самая сильная и упорная магия потерпела такую же неудачу, как и магия самого молодого новичка [pg 137] в этом ремесле. Единственным шансом вернуть утраченную репутацию было придумать более правдоподобное оправдание неудаче, чем это сделал любой другой врач. Он так и сделал.

Хотя он не знал, что Бакума разорвала магический круг по собственной воле, у него хватило проникательного воображения предположить, что она либо сбежала вместе с другими женщинами во время нападения, либо, даже если бы она осталась, аскари забрали бы ее из хижины. Поэтому он потребовал собрать собрание ремесленников и вождей. Одной из

причин, если не причиной, успеха Бакахензи, как и других колдунов, таких как Савонарола, была способность, навеянная истерической эпилепсией или происходящая от нее, по желанию впадать в состояние конвульсий без фактической потери сознания и эффектной демонстрации пены, которую ни один другой колдун не мог имитировать так успешно. Поэтому Бакахензи призвал великого Тарума (апофеоз духов предков), который через конвульсии тела возвестил, что катастрофа произошла из-за нарушения магического круга тем, чье имя проклято, и что магию Бакахензи можно сделать действенной и обеспечить последующее свержение Глаза-в-руках, только принеся жертву своей судьбе в качестве Невесты Банана.

Маруфа, оценив прозорливость этого шага, тут же бросил свои заклинания и вновь стал верен делу Бакахензи. Пророчество было воспринято почти всеми как своевременное оправдание неудач магии в целом. Чудесный отзыв Непонятого теперь казался настолько легко осуществимым благодаря [pg 138] личности Бакумы, что многие из тех, кто был на стороне Яболо, покинули его, предвидя новое восхождение Бакахензи и опасаясь его гнева.

Яболо, однако, попытался вернуть потерянных сторонников, заявив, что луна праздника урожая еще не наступила, а значит, победа может быть одержана только после того, как сойдут две луны. Но Мьялу увидел, что, подчинившись новому богу, он мог бы снять табу с Бакумы - все возможно для того, кто сверг Непонятого, - и таким образом получить ее ценой покорности; кроме того, он мог бы вернуть свои богатства из слоновой кости, брошенные после резни. Поэтому он вместе со своими людьми перешел на сторону Яболо.

Возникли суматоха и замешательство. Бакахензи вышел из транса с небывалой быстротой, и ему даже не потребовалось объяснять, что именно сказал дух Тарума его устами. Племя разделилось на более ожесточенные фракции, чем когда-либо. Они спорили, кричали и проклинали друг друга. Бакахензи утратил власть над ними, ибо, поскольку бог, покровителем которого он был, умер, его заслуги тоже исчезли. Он больше не осмеливался устранять беспокойного брата или вождя с помощью магии. Его единственной надеждой было вернуть бога: для этого он объявил, что Залу Зако должен быть помазан на царство Богом. Снова поднялся шум. Но цель Бакахензи была достигнута: он отвлек их внимание от темы покорности.

Время от времени приходили перепуганные бегуны с ужасными рассказами о сожжении деревень, о резне [pg 139] и насилии. Бакахензи, решив не сдаваться, тайно отправил раба в Глаза-в-руках со стрелой, что является знаком войны; Яболо, чей разум находился в тех же чертогах, послал банан, что является знаком мира. Тем временем группировки росли и множились. Один вождь советовал своим последователям взять свой скот и женщин и отправиться покорять другое племя на юго-запад; другой хотел идти на запад. Но каждый из последователей начал торговаться со своим вождем о несоразмерном вознаграждении за службу. Два вождя и пятьсот человек отправились на юго-запад, но вернулись, потому что встретили на своем пути скелет убитого слона, а это, как всем известно, верный признак беды.

Бакахензи отправил гонцов на поиски Бакумы. Не найдя ее, он решил, что ее убили или увели в рабство, и призвал воинов к бою. Залу Зако немедленно потребовал отложить помазание, чтобы не лишать его возможности сражаться. Бакахензи, не слишком уверенный в своей власти, был вынужден согласиться. Маруфа, заметив, что стрела все еще находится в воздухе, снова принялся за свои нечленораздельные заклинания. Бакахензи старался занять воинов и вождей разногласиями, пока не созреет результат его вызова на бой. Яболо, не менее обеспокоенный его влиянием, делал то же самое, имея в виду банан.

Яболо и Мьялу намеревались отправиться в покорность, но первый пожелал вести переговоры через Сакамату, чтобы получить лучшие условия, хотя и пытался уговорить Мьялу отправиться; но Мьялу был подозрителен и не стал бы делать этого без Яболо. Но в час [pg 140] обезьяны однажды утром пришел испуганный козопас с вестью, которая разрубила запутанные нити их интриг, как меч перерезает горло козлу. Белый бог, Глаз-в-руках, находился на расстоянии полета стрелы от деревни Ягоньяна.

Наступило смятение. Деревня и временный лагерь из травяных хижин гудели и шумели. Залу Зако выскочил на улицу с мечом и копьем в руках и в отблесках пробудившихся костров стал томить воинов, призывая их быстро обойти лес и напасть на белого человека, когда он войдет в деревню. Бакахензи поддержал этот план кампании. Мьялу, уязвленный воспоминаниями о потере многих бивней захватчика, нетерпеливо бросил Яболо и настаивал на лобовой атаке. Яболо требовали прислать посланника для заключения соглашения, но не очень настойчиво. Несмотря на заверения Сакаматы, он с подозрением относился к мягким путям нового бога. Мудрый Маруфа собрал оставшихся с ним домочадцев и тихо удалился в лес.

Но воинственный дух Залу-Зако был побежден криками тех, кто хотел бежать, пока не случилось худшее: одни кричали, что белый бог, Глаза-в-руках, сожрет их всех вместе с ужасными чудовищами, изрыгающими пламя и смерть; другие кричали, что дьяволы в форме - духи ночи и потому непобедимы, ибо всегда приходят в темноте. Так они колебались, кричали и спорили. Потом пришел разведчик, кричавший, что враг настигает их, что было подтверждено злобным кашлем.

Снаряд с помпоном упал посреди многолюдной деревни. Залу Зако, Бакахензи и их небольшое [pg 141] сопровождение были почти сметены в бегстве пятью тысячами воинов. Из леса они с изумлением наблюдали за тем, как горит деревня.

[pg 142]

Глава 13

В то утро, когда цу Пфайффер сжег деревню Ягоньяна, Бирнье расположился лагерем на южной границе Вонголо. Своим "переворотом суеверия" он вернул все свое снаряжение, кроме нескольких бутылок бренди, нескольких консервов и двух с половиной пар пижам, а также полевых сапог. Благородный Иньира, сын Баньяла, и его веселые люди не пытались вернуть своих пленников; никто, кроме самого Пожирателя людей, не смог бы убедить их вернуться в лагерь, даже если бы у них были ружья.

После того как Бирнье перевязал свою ногу и обугленные ноги своих людей, хорошо выпил и еще лучше поел, он попытался восстановить душевное равновесие с помощью средства, предназначенного для лечения меланхолии, но эффективного и для многих других болезней, - "Анатомии меланхолии". Он открыл большой том, который был его спутником во всех путешествиях, на странице, отмеченной бессистемным ножом из слоновой кости с американским флагом на плоской рукояти, ранним подарком Люсиль, и начал читать замечания Роберта Бертон из причудливо-славной памяти об источнике его недавнего приключения.

"Те, кто ревнует, в большинстве своем, если их не успокаивают другие, переходят от подозрений к ненависти, от ненависти к безумию, безумию, увечьям, убийствам [pg 143] и отчаянию... Аместрис, жена Ксеркса, найдя в доме Масиста плащ своего мужа, отрезала у жены Масиста лапы и отдала их собакам, кроме того, истлела, отрезала уши, губы, язык и перерезала нос Артайнту, своей дочери."

"Веселая дама! Ей следовало бы стать женой зу Пфайфера", - прокомментировал Бирнье и отправился спать.

Проснувшись, Бирнье почувствовал себя достаточно разумным, чтобы пересмотреть свою позицию. Воспоминание о подписи на фотографии уже не вызывало в нем прежней эмоциональной реакции. Опыт, через который он прошел, оказал благотворное влияние, разорвав или отключив шлейф наводящих образов. Сначала в глубине его сознания затаилось желание все бросить, помчаться к Люсиль и потребовать объяснений. Теперь же восходящее солнце разума бросало на инцидент совсем другие тени. В первую очередь он понимал, что, поступив так, он пожертвует своей миссией ради того, что может оказаться смешным. Когда он размышлял над этим вопросом, эхо "*à toi, Lucille*", как правило, звучало на высокой ноте, но он выпустил его из себя, написав длинное письмо Люсиль с изложением фактов и откровенным признанием, что был достаточно безумен от ревности, чтобы "подняться в воздух". Раз или два он прекращал писать и с тревогой вглядывался в блики, когда его воображение представляло долгий период ожидания ответа, гадая, не станет ли эхо этого проклятого "*à toi*" невыносимо пронзительным. К концу письма он стал немного сентиментальнее, заметив, что, возможно, был не прав, покидая ее так долго, и подчеркнув [pg 144] довольно нелепое замечание о том, что он сознает себя не молодым человеком. Однако он оставил все как есть и при первой же возможности отправил письмо на ближайшую станцию в Уганде вместе с распоряжением отправить определенные товары в деревню на границе с Вонголо.

Хотя Бирнье все еще был склонен переживать из-за фотографии, он не стал тратить силы на мстительные мысли в адрес цу Пфайфера, которого философски считал безответственным за свои поступки, поскольку тот был создан таким, как и любой дикарь. Он вырвался из навязанных ему испытаний, так зачем же ему тратить время и силы на месть, которая сводится к тому, чтобы сообщить о случившемся через британскую станцию в Вашингтон, который начнет бесконечную вежливую переписку с германским посольством, которое снова будет писать грозные письма колониальному министру в Берлин, который... Бред! Нет, он не позволит цу Пфайферу помешать его планам. Вместо того чтобы исследовать страну Киву, где цу Пфайферу, возможно, представится возможность причинить еще больше неприятностей, он отправится прямо в Вонголо. Поэтому он договорился с ближайшей деревней о перевозчиках и отправился в путь, держа курс на запад, приближаясь к южной границе территории Вонголо.

Народ к югу от страны Вонголо был низшей расой, на которую Вонголо периодически совершали набеги для пополнения своих рабов. Эти вомонго были разделены на несколько мелких вожеств, обычно враждующих друг с другом. У них не было определенной теологии. Ибо они не продвинулись дальше стадии магии [pg 145] до понятия религии, то есть молитв о заступничестве перед какой-либо силой, большей, чем они сами; в то время как ментальное состояние вонголо находилось на полпути между магией и религией, смешивая и путая эти два понятия, примером чему служит церемония создания дождя, когда они используют

магию и попеременно призывают бога и угрожают ему страшными наказаниями, если он не будет себя вести. Похоже, что у вамонго не было королевской семьи или клана; вожди постоянно менялись, когда появлялся более могущественный на данный момент; волшебники, похоже, не обладали никакой политической властью, выступая в роли общих лекарей и ограничивая свои усилия, по-видимому, простой магией для выращивания кукурузы, лечения сглаза и ран. Они до ужаса боялись Вонголо, к гордости Мунгонго, который никогда не упускал возможности похвастаться и раздуть за границей славу своего хозяина как величайшего из магов, которых когда-либо видел мир. Он не устал рассказывать хрюкающей публике о страшном зрелище и эффекте превращения его хозяина в духа. Пряжа ничего не потеряла в процессе рассказа.

Прогресс шел медленно. Каждый полдень, как только заходило солнце, с запада надвигались тучи цвета сепии, чтобы облить мир серым потоком падающей воды. К счастью, они ехали по водоразделу, так что больших рек пересекать не пришлось. Когда они приблизились к границе с Вонголо, поползли слухи о белом боге с глазами на руках и живым огнем во рту, который, по словам обрадованных вамонго, полностью поглотил ненавистных Вонголо. Они, казалось, были готовы принять Бирнье, когда тот предложил им сотворить волшебство, чтобы покорить Вонголо, как еще одного ужасного белого бога, и были, соответственно, [pg 146] вежливы. Но Мунгонго, сильно возмущенный, отрицал эту историю; по его словам, никакая сила на земле не могла покорить его расу, кроме, возможно, могущественного Лунного духа (имя, которое он дал Бирнье).

Но когда Бирнир прибыл в первую деревню Вонголо, отсутствие воинов подтвердило услышанные ими дикие истории. Жители - старики, мальчики и женщины - окружили лагерь, чтобы с изумленным любопытством посмотреть на белого, которого они считали братом Глаза-в-руках. Мунгонго упорно отрекся от этой клеветы и снова рассказывал о чудесных магических подвигах Лунного Духа, который, как он уверял своих соотечественников, мог съесть Глаза-в-руках так же легко, как крокодил проглотит козу. И все же, несмотря на свой ужас, они настаивали на том, что Бирнье должен пройти обряд очищения, полагающийся всем чужеземцам, чтобы изгнать злое влияние из их глаз и душ; кроме того, нужно послать королю подарок и дожидаться его августейшего разрешения на въезд, хотя никто не знал, где он находится, поскольку столица была сожжена. Мунгонго пришел в ярость. Он сообщил им, что Лунный Дух - друг Сына Змеи и, кроме того, уже бывал в этой стране; что если они рассердят Лунного Духа, то он заколдует всю деревню так, что никто не сможет пошевелить ни рукой, ни ногой. Неважно, сказали они, таково правило, и его надо выполнять. Они были впечатлены, но упрямылись.

По описанию этого бога-разрушителя, который был цвета очищенного банана и высок, как пальма, имел огонь во рту и глаза на руках - прошло некоторое время, прежде чем он смог распознать "глаза" - и [pg 147], чьими спутниками были дьяволы в странных одеждах, таскающие ужасных монстров, которые изрыгали землетрясения, Бирнье без труда узнал цу Пфайффера и вспомнил многозначительный разговор за ужином о стране Вонголо. Однако он отказался от мысли о мести, но открытие друга цу Пфайффера в образе страшного бога позабавило его: возникло желание сорвать планы господина. Он улыбнулся, слегка ожесточив линию рта, и стал обдумывать, что можно предпринять.

Насколько он мог прикинуть, вспомнив размеры казарм туземцев в форте Ингонья, он полагал, что у цу Пфайффера не может быть более трехсот человек, если только он не получил подкрепление с востока. По его грубым подсчетам, Вонголо должны были выставить в поле около десяти тысяч воинов. Такое количество под любым руководством, даже если они будут вооружены только копьями и мечами, должно уничтожить три сотни, несмотря на

дисциплину и два-три пулемета, просто силой численности. Но, судя по тому, что он уже слышал, цу Пфайффер, очевидно, застал их врасплох, уничтожил массу людей и добился сверхъестественного эффекта, разрушив идола. Он вспомнил свою беседу на тему das Volkliche и свое замечание о том, что цу Пфайффер был необычайно хорошо осведомлен о психологии туземного разума.

За два дня споров в туземной манере пришли новости о новых **массовых убийствах**, что усилило общий ужас. Он послал за старостой и провел с ним долгий шаури. В результате у старика возникла замечательная идея, уже предложенная его младшими братьями, - привлечь к своей защите этого белого [pg 148] человека, слывущего чудесным магом.

И тут, поднаторев в остроумии благодаря собственной оригинальности и ножу в ножнах, староста быстро обнаружил, что обряд экзорцизма не может быть проведен, потому что местный волшебник отбыл на фронт со всеми унциями магии. Однако нашлись упрямые и боязливые люди, пожелавшие, чтобы Бирнье отправил послание королю и дождался разрешения. Прошло еще два дня, пока это возражение не было преодолено путем передачи в деревню некоторых подарков "бафта", предназначенных для короля.

Во время недельного похода через Вонголо Мунгонго триумфально выступал перед жителями каждой деревни, через которую они проходили. Когда они приблизились к Городу Змеи, где, как они слышали, расположился цу Пфайффер, им встретились безлюдные деревни. Когда они наткнулись на тлеющие угли одной из них, Бирнье согласился свернуть с обычной тропы, чтобы пройти к западу от Кава Кенди, где, по словам туземцев, находились Залу Зако и Бакахензи.

За полосой леса была открытая холмистая местность. Они пришли в деревню из пяти хижин, где жили несколько пастухов, хотя большая часть скота была отогнана на запад. Мунгонго, разыскав по совету Бирнье кого-нибудь, кто действительно был в деревне во время нападения цу Пфайффера, обнаружил сбежавшую девушку. Он привел дочь Бакалы к Лунному Духу, все еще жалко сжимавшему амулет, который продала ей Маруфа. Но от Бакумы, который при первом нападении бежал в лес [pg 149], а затем в эту пастушью деревню, куда еще не проникли сведения о табу, Бирнье не смог узнать ничего ценного. О местонахождении Залу-Зако она знала не больше, чем крестьяне. Она помнила Инфуньяна, как его называли во время предыдущего визита в Город Змеи, и ей казалось, что с голубого неба спустился бог, чтобы лично помочь ей. Нападение показалось ей настолько непостижимым и страшным, что она подсознательно поколебалась в неизбежности своей гибели; если такое может случиться, - скорее почувствовала, чем подумала она, - то кто может сказать, что еще возможно? Она попросила разрешения отправиться в путь с Лунным Духом. Бирнир, зная по ее платью или его отсутствию, что она не замужем, улыбнулся, подумав, не ищет ли она возлюбленного.

За все время пути они не встретили ни одного воина, но по мере приближения к месту, где жил король, им стали встречаться группы воинов. При виде первого головного убора Бакума бросилась в траву и не появлялась до тех пор, пока они не ушли. Позже она пришла к Бирнье и попросила разрешения спрятаться в его шатре, когда появятся воины, а на его вопрос стала объяснять судьбу, на которую ее обрекли. Естественно, этот рассказ о свадьбе невесты Банана на празднике урожая был ценен и интересен для Бирнье, от которого его скрыли, когда он был в стране раньше. Он расспрашивал ее и делал заметки, но Бакума практически ничего не мог рассказать о том, что произошло на самом деле, - этот секрет хорошо охранялся ремеслом.

Они выглядели угрюмыми, эти воины, и сомневались, что делать при встрече с другим белым. [Многие из них никогда прежде не видели белого человека и были склонны наделить Лунного духа всеми теми же качествами, которыми они наделили Глаза-в-руках. Эх! говорили они, Глаза-в-Руках - более могущественный бог, чем Непонятный, ибо разве он не сожрал его? Глазастый заключил гром и молнию в мешок, который он раскрывает по своему желанию. Кто может противостоять ему? Не лучше ли им покориться, пока его гнев не сожрал их всех? Человек не может бороться с богом, это знает любой дурак.

Они возвращались в свои дома, чтобы совершить паломничество к новому богу, умиловить его быками и слоновой костью, дабы не случилось худшего. Однако они знали, где спрятан Залу Зако, а также волшебники, чья магия была как капля воды в огне. Мунгонго не преминул рассказать о чудесах Лунного Духа, которые он видел собственными глазами, сам и те, кто был с ним. Воины слушали, не испытывая ни малейшего впечатления. Это, говорили они, всего лишь женская магия по сравнению с тем, что может сделать Глаза-в-Руках! Разве не падали они замертво массой от кашля одного из его чудовищных духов! Разве не сжигал его взгляд Непонятного, как соломинку в огне! Разве не был он больше бога? Разве не сжигал он их деревни по своему желанию! Айее, братья, они должны поспешить, чтобы утихомирить гнев столь ужасного бога!

Бирнье видел, что бесполезно пытаться спорить с ними. Зу Пфайфер, пронзительно ударив по ядру их веры в символе идола, создал некое подобие божества и своими свирепыми расправами окончательно подавил их. Однако [pg 151] Бирнье нашел одного человека, чтобы тот провел его туда, где скрывались Залу-Зако, знахари и те, кто остался с ним.

На опушке густого леса они разбили лагерь. Воин-проводник отправился сообщить Залу Зако об их приближении, иначе вид белых мог спровоцировать попытку резни или бегства. На третий день мужчина вернулся с приветствиями от Залу Зако, который хорошо помнил Инфуньяну, единственного белого человека, которого он когда-либо встречал.

Два дня по слабой тропе, в душном зное, пульсирующем цветными птицами и ящерицами, они шли через лес, окраину обширной Итури, в глубине которой обитают пигмеи. Однажды рано утром воин остановил их в непроходимых джунглях и велел разбить лагерь. Мунгонго возмутился, но протестовать было бесполезно, так как мужчина отказался вести их дальше, сказав, что Залу Зако сам придет к ним. Тогда носильщики вырезали круг и построили дзаребу, а посланца поглотила зеленая стена с подарками в виде двух винтовок.

[стр. 152]

Глава 14

Примерно в миле от лагеря Бирнье, через лес, настолько густой, что даже продвижение туземца, перебирающегося от ствола к стволу и через подлесок глубиной в десять футов, было медленным и извилистым, находилась временная деревня Залу-Зако; около шести или семисот хижин из веток и ползучих растений, разбросанных по широкому участку земли, который был грубо расчищен от подлеска несколькими рабами и женщинами.

Хижина Залу Зако, как и хижины большинства крупных вождей и волшебников, была устлана тростником, чтобы не сидеть на корточках в зеленой слизи, и имела частокол, перекинутый с

деревя на дерево и огораживающий хижины двух его жен, женщин и рабов. Каждое утро предводитель длинной вереницы рабов, привозивших припасы из деревень под открытым небом, негромко напевая походную песню, входил в деревню через заросли ползучих растений, которые свисали, как занавес из влажной зелени. Многие сотни воинов со своими вождями покинули своего короля после бегства из деревни Ягоньяна.

В голове Залу Зако, как и у всего его народа, царили сомнения и недоумение. Все общепринятые "законы" и "факты" его мира были сведены на нет, как будто в реках жили баксы, а по лесам с ревом носилась рыба. Страх, любопытство и негодование переполняли его. Иногда ему казалось, что Глаза-в-Руках [pg 153] действительно оказался более могущественным богом, чем Непонятный, верховным жрецом и царем которого он был или должен был быть; что он, как говорили, сожрал его; так что, возможно, лучше было бы покориться этому непобедимому существу. Однако именно эта анархия его убеждений вновь высвободила страсть к Бакуме, от которой он отрекся и желание которой было подавлено ощущением неизбежности мандата знахарей. Наследственный обычай, заставлявший его чувствовать, что он обязан быть королем-богом, - примитивное чувство долга - боролся с этой тоской по Бакуме. То, что он еще не был связан узами безбрачия, усиливало семя восстания против господства волшебников. Если ему удавалось вырваться из-под власти богов, Бакума снова обретал жизнь. Ибо, по его мнению, запрет на личное эго был гораздо сильнее любого запрета на второго человека.

Пережевывая эту сладкую траву надежды, Залу Зако однажды утром в достойном одиночестве сидел на пороге своей хижины. Напротив него сидел брат-заговорщик Бакахензи, Маруфа, коричневая тень по сравнению с сиянием королевских знаков отличия на браслетах из слоновой кости. Они сидели молча, неподвижно, если не считать редких движений, связанных с раскуриванием табака. В душном зное непрерывно раздавалось бормотание и шорохи, сменяемые резким криком зеленого попугая или кваканьем отряда обезьян. В слабом солнечном свете, проникающем через крышу, яркие ящерицы соперничали по цвету с редкими пальцами орхидеи, примостившейся на большом дереве рядом с хижинкой. Сквозь влажный воздух доносилось слабое пение перевозчиков в конце пути; оно разрасталось [pg 154] громче и прекращалось. На приветственное бормотание неподалеку Маруфа хмыкнул.

"Побитая собака возвращается, чтобы порыться в мусоре", - пробормотал он.

"Может быть, у него есть новости о происходящем, - прокомментировал Залу-Зако после паузы.

"Молодой пес заводит баксы в каждый пень", - ответил Маруфа.

Бормотание голосов в хижине Яболо рядом с Залу Зако продолжалось. Ни Залу Зако, ни Маруфа не знали ничего, кроме того, что после своего падения Сакамата удалился в свою родную деревню на южной границе, где люди, будучи обывателями, поверили оправданию его отсутствия, данному Сакаматой, что он удалился в лес на одну луну в облике своего тотема, бородавчатого борова, который, соответственно, стал запретным для их убийства животным на этот период. Вскоре из Яболо пришел молодой раб, который, отсалютовав, передал послание от Яболо с просьбой к Залу Зако принять его и его родственника, Сакамату, у которого есть для него важные новости.

Вскоре вошел рецидивист, на чреслах которого красовался цветочный узор, на поясе висела древняя патронная сумка, а на шее, похожей на черепаху, болтался огромный револьвер модели pin-fire. Перед Залу-Зако он присел на корточки, и после того как они обменялись

обычными заложниками вражды, Сакамата очень вежливо поинтересовался здоровьем Сына Змеи, его скотом и состоянием, а в последнюю очередь - его женщинами. Сакамата, осознавая потерю престижа, которую понес его старый враг Бакахензие, подарил [pg 155] Залу Зако дубликат револьвера, стреляющего патронами. Затем последовало столь же обширное приветствие Маруфе. Только после того как все эти церемонии были пунктуально выполнены, они приступили к обсуждению новостей.

Сначала Сакамата повторил народную поговорку о делах Глаза-в-руках. Разные вожди посещали форт белого человека с подарками в руках, страшась того, что может произойти, но, по словам Сакаматы, их страхи сразу же развеялись, потому что мудрый новый бог принял их как братьев и сделал им подношения, как это было принято у чужаков. Правда, признал он в ходе перекрестного допроса, целые деревни были преданы мечу и сожжены; но, спросил он, разве не так поступает могучий воин с теми, кто ему сопротивляется?

Более того, продолжал Сакамата, сразиться с ним - значит умереть. Его магия была такова, что ни один человек не мог одержать над ним верх. Удавалось ли еще какому-нибудь врачу успешно колдовать против Непобедимого? Его магия была ужасна на вид. Духи, заключенные в дома из деревьев (коробки), говорили и пели в соответствии со своим племенем.

"Клк!" - недоверчиво прокомментировал Залу Зако.

"Эти слова - как ночной ветер в деревьях, говорящий с девушками", - медленно прокомментировал Маруфа. "Какой человек видел это своими глазами?"

Сакамата с наслаждением набил трубку, вдохнул ее со вкусом, тщательно, чтобы ни одна крупинка не [pg 156] потерялась на его белых гусеничных усах, и равнодушно сказал:

"Даже тот, кто сидит перед вами".

"Эх!"

Еще одно очко было набрано. Но и Залу-Зако, и Маруфа смотрели на него как на человека, который, имея дело с дьяволом и выйдя из него невредимым, должен был подозреваться в каком-то жутком договоре. После рассчитанной паузы Сакамата невозмутимо продолжил:

"Нет волшебства, подобного Глазастому, Могучему. На холме твоего деда (МФунья МПопо), о Залу Зако, он построил великую крепость, опоясанную огромным частоколом, вокруг которого постоянно ходят красные дьяволы в форме, у каждого из которых есть ружье с семью голосами. А сквозь этот частокол, как страшный черный леопард из своего логова, выглядывают чудовищные кашляющие дьяволы. Эх! Кто они, кто может противостоять им?"

"Эх!" - вторили ему слушатели с живыми воспоминаниями о "кашляющих дьяволах".

"И есть у него могучая хижина, сшитая из ткани белого человека, цвета леса, полная вещей для волшебства. Сидит он на своем стуле, как человек, срывающий бананы, и глаза на его руках и в голове сверкают так яростно, что вода делается внутри человека. Тот, кто осмелится взглянуть, увидит не только Глаза-в-руках, но и две его души, так же как ты видишь две свои собственные души, смотрящие на тебя испуганными глазами, которые принадлежат тебе!"

"Эх!"

На этот раз раздалось настоящее брюшное ворчание, и даже Маруфа беспокойно зашевелилась.

"Тебя околдовали", - добавил он, чтобы скрыть свое [pg 157] изумление. "Ведь человек может увидеть свою душу в любом водоеме, но никогда - две души!"

"Все так, как я рассказал тебе, о сын Мтунго", - утверждал Сакамата.

Сакамата снова обнаружил необходимость в использовании нюхательного табака. Он исподтишка наблюдал за подавляемым волнением в глазах Залу-Зако.

"И что же сказал тебе великий маг?" спросил Маруфа, чтобы скрыть свой дискомфорт.

"Он произнес белые слова, как и положено воину", - ответил Сакамата. "Он произнес слова, которые сказали мне, что он всего лишь маленький волшебник. Он заставил мои глаза увидеть душу более великого бога, чем он, который был там и в то же время не был там; ибо от прикосновения его волшебной руки со многими глазами, вот! появились еще две души бога, которые вернулись, пока я смотрел."

"Эх! Более великий бог, чем он?" - спросил Залу-Зако, сверкнув белыми глазами.

"Как я уже сказал, более великий бог, который является царем всех стран белого человека в море, который пожирает тех, кого пожелает. И хотя он околдовывает одним из своих глаз, он тихо говорил Ягомби, сыну Багазана, и Залаяну, сыну Килманьяна, которые были со мной, велел нам сказать нашим братьям, что если они не признают истинного царя, то он съест нас, как съел Непонятого. Но тех, кто покорится и будет платить дань, он защитит в мире от белых людей, которые, спасаясь от гнева великого бога, скоро придут и съедят нашу страну, как саранча."

"Эх! Эх! Белые люди как саранча!"

[pg 158]

"Так он говорил и велел нам идти и рассказать нашим братьям".

Это была совершенно новая идея, и, если она была правдой, она была очень серьезной. Но Маруфа, оправившись от первого шока, укутался в свой профессиональный плащ всезнающего безразличия, вспомнив, что Сакамата - неподтвержденный жрец ремесла. Группа сурово принимала табак, пока Сакамата, выполнив свою миссию, не счел нужным удалиться, чтобы дать возможность прорасти наводящим идеям. Так что он серьезно встал, вышел из хижины Залу Зако и под покровительством Яболо отправился в другой комплекс, где перед группой самых недовольных вождей, включая Мьялу, он повторил почти слово в слово ту же самую речь.

В сознании [Залу Зако](#) и Маруфы сообщение о Сакамате вызвало сильное беспокойство. Маруфа начал подумывать, не лучше ли ему договориться с новым богом, пока не пришло худшее в виде белых людей, похожих на саранчу, - угроза, чреватая страшными последствиями, основанная на слухах, которые каждый туземец слышал о путях белых людей в большом количестве: для Вонголо это были лишь смутные рассказы с севера о завоевании Судана британцами. Амбиции Маруфы в области ремесла были почти погружены в страх, что, хотя он и волшебник, у него будет мало шансов отличиться и обрести власть среди расы чародеев. Залу Зако, хотя перспектива надвигающихся на них неограниченных белых людей была ужасающей, в полубессознательном состоянии был занят скорее Бакумой, чем государственными делами, которые, казалось, существовали лишь для того, чтобы мучить влюбленных. Однако и он был достаточно впечатлен, чтобы всерьез задуматься о [pg 159] целесообразности подчинения, пока не поздно; движущим принципом плана была идея,

предполагавшая, что каким-то неопределенным образом такое действие может привести к избежанию запрета на божественность и, таким образом, к восстановлению Бакумы в царстве возможностей.

Для Бакахензи это сообщение было более тревожным, чем для остальных, поскольку, казалось, предвещало безвозвратную потерю его власти. Он видел, как это подействует на их умы, как они склонятся к тому, чтобы уступить новому завоевателю, что, конечно, означало бы, что последние из его последователей будут сметены толпой, как сухие листья на ветру. Но больше других он подозревал мотивы Сакаматы, человека, которого он не одобрял. Рассуждая с точки зрения своих собственных умственных процессов, он достаточно верно видел, что Сакамата, несомненно, играет для себя, и столь же верно догадывался, что Сакамата получит или воображал, что получит множество наград, как политических, так и натуральных, за свои услуги в качестве шакала для белого человека. Но он слушал и не говорил ни слова ни за, ни против. Он был достаточно проницателен, чтобы никогда не делать ход, пока не продумает или не решит, что продумал все ходы игры. Маруфа был так же хитер; он рассказал новости, сообщенные Сакаматой, голосом, который ни тоном, ни словом не намекнул на то, что он может быть какого-то мнения. И вот, когда они сидели, словно высеченные из дерева, совершенно равнодушные к поступкам Сакаматы или к чему-либо еще, вошел воин, передавая привет от Бирнье Залу Зако.

Тут же Залу Зако, чей не слишком искушенный в интригах ум был обескуражен этой чередой потрясающих мир событий, испугался, что уже началась чума [pg 160] белых людей, как саранча. Но когда он узнал, что белый человек один и это Инфуньяна, единственный белый человек, которого он когда-либо встречал, он смутно почувствовал какую-то отдаленную перспективу осуществления своих желаний. Почти нетерпеливо, как для туземца, он приказал гонцу позвать белого человека к себе.

Для Бакахензи неожиданное появление еще одного белого было непредвиденным потенциалом силы, который можно было использовать в своих интересах; так думал и Маруфа, что, по сути, было точно такой же реакцией, как и у Залу Зако. Поэтому Бакахензи немедленно запротестовал, заявив, что ни к Сыну Змеи, ни даже к деревне нельзя подпускать чужаков, не очищенных в соответствии с обычаем. Когда Залу-Зако возразил, он ответил:

"Разве хоть один белый человек, которому было позволено войти в нашу страну без изгнания демона, не натворил бед? Неужели ты хочешь уничтожить нас окончательно?"

Залу Зако молчал. Как бы ему ни хотелось попрекнуть Бакахензи, как бы ни ослабла его уверенность в силах главного знахаря, все же оставалось достаточно сил, чтобы одолеть его, когда дело дойдет до решающего испытания. Бакахензи, по его словам, должен был сам отправиться к новому белому человеку, тем самым бескорыстно взяв на себя весь риск длительной магии неочищенного чужака. Но Маруфа не собирался позволить Бакахензи получить монополию на этого возможного нового союзника. В отличие от Залу-Зако он не был обременен благоговейным страхом и был уверен в том, что его собственная магия преодолеет [pg 161] любое зло, которое Бакахензи может попытаться направить против него. Поэтому, когда он объявил, что будет сопровождать Бакахензи, этот огорченный волшебник слишком хорошо понимал, что его престиж падает, чтобы возражать.

Глава 15

Сразу после восхода солнца на следующее утро, когда Бирнье сидел у дверей своей палатки, читая "Меланхолию" и попивая кофе, его заставил оглянуться испуганный "клак". Он увидел, как Бакума внезапно поднялся от костра и исчез. В следующее мгновение из утреннего миазмы материализовались фигуры Бакахензи и Маруфы, за которыми следовала целая толпа воинов.

Бакахензи с опаской подошел к костру и присел на корточки, не обращая внимания на Мунгонго, занятого завтраком. Бакахензи прекрасно помнил Инфуньяну, но тем не менее намеренно проигнорировал Бирнье в ответ. Так они и сидели: двое волшебников с серьезной озабоченностью принимали табак почти у ног белого, который продолжал курить и читать.

Этот знак предвещал недоброе, ибо настойчивое следование пунктуальному этикету говорило о том, что Бакахензи настроен подозрительно, если не прямо враждебно. И действительно, описание воинами магии Лунного духа, жителя Мунгонго, заставило Бакахензи насторожиться.

Через полчаса Бакахензи, словно побежденный в этой торжественной игре, повернулся и отсалютовал белым. Бирнье опустил глаза со своего стула с таким видом, будто только что заметил присутствие постороннего. После паузы он ответил на приветствие, и это было небольшое замечание, которое [pg 163] Бакахензи оценил по достоинству. Бирнье узнал, что, по словам Мунгонго и воина, Залу Зако еще не был помазан в короли-боги, поэтому Бакахензи, очевидно, намеревался держать молодого человека на заднем плане.

После предварительных переговоров Бирнье поинтересовался судьбой Залу Зако и сообщил Бакахензи, что прибыл специально для встречи с ним. Бакахензи проигнорировал вопрос и заговорил о Глазастом, требуя сообщить, является ли Бирнье его братом.

"Нет, - ответил Бирнье, - Глаза-в-руках не из того же племени, что и Лунный Дух, - он старательно следил за тем, как Мунгонго называл его. "Глаза-в-руках родом из страны, удаленной от моей на двенадцать лун".

Маруфа, сидевший на корточках рядом с ним, хрюкнул; Бакахензи невозмутимо, словно не веря ни единому слову, взял нюхательный табак.

"Глаза-в-руках - могущественный маг в своей стране", - сказал Бакахензи в форме утверждения.

"Магия Глаза-в-руках по отношению к магии Лунного духа, - заявил Бирнье, - это как вода по отношению к пиву из банана".

"Глаза-в-руках", - равнодушно заметил Бакахензи, - "обладает магией, позволяющей видеть души людей".

"Это только души живота и тела, но Лунный дух может зачаровать так, что дух головы человека будет виден ночью", - похвастался Бирнье, гадая, какой трюк цу Пфайфера привел к такому эффекту.

"Глаза в руках", - настаивал Бакахензи, - "у него [pg 164] дух в куске дерева, который плачет или смеется, поет или разговаривает со своей магией".

"Лунный дух, - возразил Бирнье (думая "Граммфон, но я могу и лучше, друг мой"), - тоже имеет дух в куске дерева, который будет говорить тебе слова мудрости на твоём собственном языке, который будет повторять то, что сказано ему на твоём или на моём языке, который будет говорить слова мудрости даже тебе".

Бакахензи, казалось, был вне конкуренции в турнире хвастовства. Он деревянно постукивал табаком. Маруфа задумчиво почесал свои тощие ребра. Затем Бакахензи заметил:

"Тот, кто не очистился, не может смотреть на Сына Змея".

"Тот, кто не был помазан, не должен бояться сглаза".

"Разве не вошел тот, кто не был очищен, и не навел зло на племя?" - спрашивал Бакахензи.

"Если ограда не крепка, барс войдет".

"Если леопард не будет сильным и быстрым, разве его нельзя убить в хижине?" - спросил Бакахензи.

"Если леопард и дикая кошка ворвутся в хижину, разве ты не убьешь сначала леопарда?"

"Даже если так, - ответил Бакахензи, - то неужели вода сильнее пива, даже если пиво раскрывается?"

Бирнье чуть не улыбнулся, поняв, что попал в точку.

"Нет, разве пиво не заставляет дурака говорить глупости? Так не отбросить ли тебе банан? Разве не говорит глупости и тот, кто болен, но отказывается от хорошего лекарства, боясь отравить свое брюхо?"

"Даже если так, - упрямо сказал Бакахензи, - больной изгоняет доброе лекарство, чтобы враг не колдовал над ним?"

"Тогда, - сказал Бирнье, чье единственное возражение против этой церемонии заключалось в задержке и беспорядке, - пусть доброе лекарство будет очищено".

Бакахензи хмыкнул и незаметно осмотрел палатку и оборудование. На груде ящиков, сложенных прямо внутри палатки, его взгляд ненадолго задержался, но он не стал ничего выяснять. Маруфа тоже был занят тем же самым. Бакахензи вспоминал предыдущую встречу с Бирнье в деревне Мфуныя [МРоро](#) - тот день, когда Бирнье не сделал ни одной попытки поразить туземцев "магией", кроме обычных "чудес" в рутине жизни белого человека.

"Когда Сын Змеи, - спросил Бирнье, который узнал о житии столько же, сколько знал Мунгонго, - возьмет на себя бремя, изгонишь ли ты тогда Глаза-в-руках из страны?"

Бакахензи медленно оторвал взгляд от увлекательного дела, пока не уперся в ногу Бирнье.

"Есть ли у тебя, белый человек, волшебная веточка, из которой добывают огонь?" - спросил он.

"Даже так".

Бирнье достал из кармана коробок спичек и чиркнул одной. Бакахензи и Маруфа торжественно наблюдали за ним. Затем протянулась худая бронзовая рука. Бирнье протянул ему коробок. Медленно и серьезно Бакахензи, [pg 166] главный знахарь, извлек спичку, повертел ее в руках, понюхал, попробовал на вкус, рассмотрел и ударил ею по

верхней части коробка. Это была безопасная спичка, поэтому ничего не произошло. Бирнье, без тени улыбки, велел ему ударить только по черной части сбоку. Это произвело впечатление на Бакахензи и Маруфу. Первый попробовал еще раз, как было велено, и добился успеха. Держа спичку слишком близко к головке, он обжег быстрый ноготь, но ни один мускул не дрогнул. Он даже не признался, что его укусила дьявольская палка белого человека. Но он был поражен еще больше.

По знаку Бирнье Мунгонго принес из палатки никелированный револьвер и патроны, которые он без комментариев положил к ногам Бакахензи. По-видимому, Бакахензи не обратил внимания ни на этот поступок, ни на подарок. Он протянул спички, чтобы вернуть их белому человеку. Бирнье попросил его оставить их себе. Он завернул коробку в набедренную повязку и погрузился в дальнейшее размышление о делах. Он размышлял. Ценность этого белого внезапно возросла. Очевидно, он мог творить малую магию. Возможно, он мог творить и большую магию, как Глазастик. Кто бы мог подумать? Но если это так, то он мог творить и большую магию, чем он, Бакахензи, мог. Бакахензи понимал, что если бы Лунный Дух был таким великим магом, его было бы трудно или невозможно контролировать. Естественно, Бакахензи мог понимать в других только свои собственные мотивы. Теперь его проблема заключалась в том, чтобы найти средство, с помощью которого он мог бы контролировать Лунный Дух, сделать из него человека, с которым можно работать в своих целях. Почему он так настаивал на встрече с Залу-Зако? Бакахензи становился все более подозрительным. Он видел [pg 167] еще одну причину, по которой белый человек должен держаться подальше от Залу-Зако. Отказ очистить его дал бы веское оправдание тому, что он не может смотреть на Сына Змеи. Но он не хотел вызывать его недовольство; к тому же Маруфа мог провести очищение.

Бирнье снова повторил вопрос о свержении Глаза-в-руках. Бакахензи закурил, безучастно посмотрел на револьвер, лежавший у его ног, и соизволил ответить.

"Когда свершится то, что должно свершиться, тогда дети Змея съедят своих врагов, как ящерица съедает мух".

"И что же это за то, что должно произойти?"

Бакахензи некоторое время сидел молча, слегка шокированный прямотой вопроса; затем, словно желая подшутить над белым человеком, он ответил:

"Когда Жених возьмет Невесту".

Церемония очищения могла состояться только на следующий день, потому что в таких делах нельзя торопиться; кроме того, нужно было послать в родную деревню за различными сильнодействующими чарами. Тем временем Бакахензи сидел на корточках у огня, размышляя о никелированном револьвере и политических делах, а напротив него сидела задумчивая Маруфа.

С момента появления обезьяны Бакахензи, не замечая маленького личика и тревожных глаз, наблюдавших за лагерем из зеленого клубка, был занят бормотанием заклинаний над калабашем, содержащим волшебное снадобье из внутренностей белого козла, некоторых трав и глаз черной дикой кошки. Когда крыша леса превратилась в узорчатый потолок на фоне накалившегося света, Бирнье разделся до пояса и отдался в руки чародея, который, [pg 168] рассыпав перья алого попугая в калабаш, намазал левую грудь, лоб и правую руку белого человека под аккомпанемент заклинания. Эти знаки отличия он не должен был снимать в течение трех солнц; ему не разрешалось смотреть на полубожественного Залу

Зако, пока все дурное влияние, которое могло оказывать его инородное тело, не будет изгнано этим мощным лекарством.

Сидеть полуобнаженным на такой жаре было нелегко, но уснуть, не смыв с себя снадобье, - совсем другое дело; к тому же его запах был неприятен для ноздрей белого человека. Но Бирнье справился с этой задачей, много куря и помечая карандашом различные снадобья, рекомендованные любезным Бертоном, многие из которых были едва ли менее неприятны, чем рецепт доктора Бакахензи.

Рабы этого достойного человека соорудили для него хижину неподалеку от палатки, в дверях которой он сидел на корточках, обычно с Маруфой рядом, в течение всего дня, не сводя задумчивых глаз со своей жертвы, глаз, который, как был уверен Бирнье, жадно искал какого-нибудь оправдания, чтобы сказать, что он по неосторожности сделал магию бессильной и, соответственно, должен повторить церемонию.

Позабавленный нелепым зрелищем, которое он представлял собой, покрытый этой грязью, Бирнье заставил Мунгонго, которого он научил обращаться с фотоаппаратом, сфотографировать его, что должно было развлечь Люсиль, а также представлять научный интерес. Бакахензи и Маруфа с изумлением наблюдали за этим представлением от костра, так как вообразили, что камера - это что-то вроде [pg 169] пистолета. Услышав щелчок, они хрюкнули, словно ожидая, что белый человек упадет замертво. Бирнье, конечно, знал о всеобщей туземной вере в то, что фотография - это душа или одна из душ. Он позвал Бакахензи и Маруфу и показал им фотографию, в которой после некоторых затруднений они узнали Мунгонго.

"Эх, - ворчал один из воинов, - неужели Мунгонго - раб белого человека, ведь не он ли заключил его душу в тюрьму?"

Мунгонго рассмеялся, но он верил в это суеверие так же безоговорочно, как и все его соотечественники, ибо сказал:

"Мудр тот, кто всегда держит под рукой то, что принадлежит ему, подобно тому как Лунный Дух всегда держит при себе душу своей любимой жены, чтобы она не была ему неверна".

"Эх, да он мудрее Бананопожирателя!" - восхищенно хмыкнул воин.

Бирнье, тренировавшийся контролировать свои черты, напрягся, стараясь не выдать удивления. Он не мог понять, откуда Мунгонго взял это удивительное заявление, пока не вспомнил, что мальчик видел фотографию Люсиль среди его бумаг.

После этой успешной демонстрации своей изощренности Мунгонго очень хотел, чтобы Лунный Дух продемонстрировал свою магию, чтобы ошарашить главного знахаря, и очень хотел, чтобы заработал граммофон, управлять которым он тоже научился. Но, поразмыслив, Бирнье решил, что не в его правилах [делать](#) свой гром слишком дешевым.

Каждый вечер, когда последняя тонкая фиалка трепетала на деревьях [pg 170], Бакума выскальзывала из подлеска под заслон палатки Бирнье, где лежала до рассвета в листве леса. Бирнир хотел, чтобы она ушла в какую-нибудь деревню, пока Бакахензи не покинет лагерь, но Бакума неистово умоляла остаться, зная, что ремесло ищет ее по всей стране после последней беседы Бакахензи с могущественным Тарумом.

Но на третий день, когда Бирнье сидел и философски читал у дверей своей палатки, случилось неизбежное. Раздался громкий крик, и из путаницы ползучих растений появилась

легкая фигура Бакумы, который пронесся мимо него в палатку. На мгновение воцарилась тишина. Но Бирнье догадался, в чем дело. Из зеленой стены вынырнул Бакахензи и громко закричал. Воины вокруг мгновенно вскочили на ноги и подняли шум.

Мунгонго, возившийся с котелками, бросился к Бирнье, бурно жестикулируя. Внутри палатки скорчился Бакума. Навстречу Бирнье двинулись Бакахензи и воины, чьи расширенные глаза и копья в руках свидетельствовали о том, что Бакахензи возбудил в них самые глубокие чувства ужаса и убийства. Бирнье спокойно курил, не шевелясь и не давая даже намека на их присутствие.

Мунгонго, потрясенный своей уверенностью в Лунном Духе, взволнованно велел Бакуме идти вперед, а Бакахензи, остановившись перед белым человеком, разразился проповедью, требуя выдать Бакуму, чье святотатство, нарушив магический круг, как он сказал, навлекло на них ужасные Глаза-в-руках; что благополучие племени зависит от [pg 171] ее жертвоприношения разгневанному Непонятному, как она и была обречена; и угрожал, что они возьмут наглого белого человека, чья магия была как вода, и принесут его в жертву, как того желал дух Тарума.

Чем дольше он говорил, тем больше возбуждался. Движимый внезапным убеждением, что жертвоприношение Бакумы, чьи действия он так удачно предсказал, и расправа с белым действительно вернут ему репутацию и одновременно снимут проблему контроля над превосходящим магом, грозившим стать его соперником, Бакахензи начал доводить себя до необходимого состояния пророческой истерии. Прижавшись к походной кровати, Бакума хныкал от ужаса; Мунгонго бессвязно умолял Лунного Духа отдать девушку.

Ни один мускул не дрогнул на лице Бирнье, ни один глаз не повернулся в сторону грозной толпы, которая с поднятыми копьями бегала друг за другом вокруг Бакахензи. Бирнье понимал, что это высшее испытание для нервов; знал, что любая попытка выхватить винтовку или сделать какое-либо движение приведет к тому, что они начнут действовать. Он не собирался отдавать девушку на произвол судьбы и, кроме того, понимал, что если Бакахензи сейчас одержит над ним победу, то не только его престиж среди туземцев исчезнет навсегда, но и его судьба будет предreshена. Медленно, преувеличенно медленно, как будто он был один, он убил москита на голой правой груди и заново раскурил свою трубку.

Бакахензи сделал шаг вперед, за ним последовали воины. Его голос достиг фальцетного тембра. Мунгонго совсем потерял голову и, схватив Бакуму, начал [pg 172] тащить ее из палатки. Бирнье неторопливо повернул голову в его сторону. Он сказал очень громко:

"Не подобает насиловать женщину в моем присутствии, о Мунгонго. Оставь ее, ибо я куплю тебе другую".

Мунгонго перестал тянуть руки Бакумы и уставился на него, словно парализованный. Бирнье увидел, как его глаза в ужасе переключились на воинов позади него, и услышал крик Бакахензи, призывающий к убийству.

На мгновение ему показалось, что конец действительно наступил. Не успел он дотянуться до винтовки, как дюжина копий впились бы ему в спину. Он сидел неподвижно, не выпуская из рук "Анатомию меланхолии", и следил за тем, как меняется разрез глаз Мунгонго. Голос Бакахензи поднялся до визга. Внезапно Бирнье крутанулся на своем стуле, выхватил карандаш и, пристально глядя на них, начал рисовать лица на открытой странице книги.

При виде этого воины прекратили свой шаркающий танец, застыли с копьями в руках в разных позах. Крик Бакахензи был заглушен, словно ему зажали рот рукой. В тишине их

тяжелое дыхание соперничало с щебетом и гулом леса. Бирнье яростно делал наброски, переводя взгляд с группы на бумагу. Бакахензи сделал шаг вперед, нервный шаг, и крикнул: "Убить!", но его голос перекрыл голос воинов. В один громкий крик они воскликнули:

"Он околдовал нас! Он околдовал нас!"

Когда Бирнье наклонил голову, чтобы сделать еще одну магическую отметку на волшебной книге, он услышал топот ног.

"Они убежали!" - завопил Мунгонго, все еще сжимая Бакуму.

[pg 173]

Бирнье вздохнул и уронил карандаш, глядя вверх. Бакахензи и воины исчезли, но у костра сидел Маруфа, беззаботно почесывая тощие ребра.

[стр. 174]

Глава 16

Сменился Город Змеи, место королей. На том месте, где раньше находился улей хижин, укутанный в зеленые объятия банановой плантации, под палящим солнцем банды заключенных под вооруженной охраной трудились над строительством больших хижин, выстроенных в улицы, широкие и геометричные, с правильными канавами для стока воды. Вокруг окраины то тут, то там оставались обугленные столбы.

На холме МКоффо возвышался частокол, ограждавший казармы двух рот аскари и двух орудий. На холмах гробниц царей не было коричневых конусов, выглядывающих, как огарки свечей, над морем зеленых листьев, но со священного холма Кава Кенди, командовавшего подходом к долине, поднимался, чернея на фоне неба, треугольник каркаса крыши большого бунгало; Вокруг вершины холма возвышался крепкий частокол, сквозь который на солнце сверкали дула норденфельдтов и помпонов, а снаружи, на дамбе, денно и ночью несли службу четверо часовых - вечное напоминание прохожим об эффективной бдительности.

Внутри располагался методичный строй круглых домиков, над которым возвышался квадратный; в дальнем конце, в одиночестве и величии под императорским флагом на грубо сколоченном флагштоке, стояла зеленая палатка-шатер - временное жилище коменданта.

[pg 175]

Под верандой шатра, где находились его личные покои, сидел цу Пфайфер с полотенцем, накинутым на шею, по которому были разбросаны волосы длиной в дюйм. Сержант Шульц ловко орудовал ножницами, как жнец на кукурузном поле. Завершив окончательную стрижку за ушами, он отошел в сторону с видом художника, рассматривающего свою работу.

"Это радует ваше совершенство?"

Зу Пфайфер провел рукой по своему черепу.

"Да, это лучше и круче, сержант".

С профессиональным видом Шульц провел легкой кистью по шее коменданта, вывернул полотенце и причесал его. Когда цу Пфайфер поднялся, появился Бакунджала с веником из

мелких веток и сковородой и принялся подметать земляной пол. Шульц аккуратно сложил полотенце, положил его на стул и встал по стойке смирно.

"Это все, Превосходство?"

"Да, сержант. Возьмите сигару".

"Спасибо, Превосходство!"

Сержант выбрал одну, отдал честь и удалился. Зу Пфайффер откинулся в кресле-корзине. Обычный пакет с водой и сифон висели у его локтя над бутылками со спиртным и бренди, а также коробкой сигар. Вокруг него на полу валялась куча бумаг, конвертов и документов. На его запястье сверкал драгоценный браслет, а между пальцами, на одном из которых красовался крупный бриллиант, принесший ему родное имя, лежал официальный документ с императорскими орлами.

Читая, он улыбался и одобрительно похлопывал себя по левому уссу. Официально власти не [pg 176] удовлетворить его просьбу, высказанную перед отъездом из Ингонии, о предоставлении еще двух рот аскари с белыми унтер-офицерами и еще двух орудий; но неофициально ему сообщили, что они будут предоставлены позже и что власти довольны. Он взял в руки частное письмо и перечитал его. Затем он снова улыбнулся, но в уголках рта осталась ехидная усмешка. Сочувствующие друзья и агентство постоянно информировали его о местонахождении и делах Люсиль. Первого августа она должна была приехать в Висбаден.

Он раздраженно бросил письмо на стол и нахмурился, потягивая напиток. Приход почты всегда вызывал в нем яркие сожаления о славе и комфорте, которых он лишился, будучи обреченным на войну с "грязными свиньями и черномазыми". Это было частью наказания, которое ему пришлось заплатить за то, что он был джентльменом в стране долларовых корыстолюбцев, и все же это было делом, которое следовало записать на счет Люсиль, энцукенд Люсиль. Должно быть, он был в ужасе, подумал он. Нежные губы смягчились в смешном контрасте с грубыми очертаниями обрезанного черепа. Времена его задумчивости нарушил звук трубы - задумчивости, которая не давала покоя до тех пор, пока среди его спутников не распространилась весть о том, что Пожиратель людей снова одержим демоном.

Изящно допив маленькую чашечку коньяка из кафе и закулив сигарету, сержант Шульц выпрямился, отдал честь и по кивку цу Пфайфера передал коменданту документ - список вождей, подавших заявки, с указанием примерного числа их последователей. Официально новых правителей номинально признали пять вождей с шестью тысячами человек [pg 177], каждый из которых для верности должен был оставить в качестве заложника сына, который жил под охраной в деревне под пушками.

Дополнительные роты и белые люди понадобились Зу Пфайферу для создания станций в различных пунктах с целью постепенного расширения сферы военной оккупации. Зу Пфайффер не оставлял ничего, насколько он мог предвидеть, на волю случая; его максимой было максимальное сбережение сил, достижение цели с наименьшими затратами людей и материалов. Политика терроризации основывалась на том, что в конечном счете schrecklichkeit избавляет и завоевателя, и побежденных от кровопролития и проблем; ведь если бы враг не был настолько впечатлен тем, что любое сопротивление совершенно бесполезно, он прибег бы к спорадическим восстаниям, которые повлекли бы за собой еще большую резню с обеих сторон. Цу Пфайффер, следуя учению немецких мастеров,

стремился вести войну как психологически, так и военным путем, как экономически, так и географически. Отсюда и его драматический шаг по свержению идола лично, и тщательность, с которой он планировал внушить каждому вождю и туземцу свое всемогущество и магию. Эта система применения политической и военной науки, конечно, была здоровой, если бы не ошибка темперамента: отсутствие достаточного воображения для осознания неизвестной величины случайности, неизбежная ошибка военных ученых, которые не любят допускать художника к своим советам, примером чему служат такие гениальные люди, как Наполеон и Леонардо да Винчи, которые были одновременно математиками и художниками.

В случае с цу Пфайфером, как и с другими людьми его типа, движущим принципом была не буржуазная жадность к материальной [pg 178] выгоде для себя; выгода, которую он мог позволить себе презирать в своем богатстве; это противоречило бы кодексу джентльмена. Хотя он без колебаний уничтожил своего соперника Бирнье, он и пальцем не прикоснулся бы к его имуществу; поэтому он разрешил капралу забрать снаряжение Бирнье, чтобы даже не запятнать себя владением им - ошибка темперамента, которая снова привела к побегу Бирнье.

Движущей силой в его касте и племени была любовь к власти, доведенная до крайности, замаскированная с напускной торжественностью под маской блага для этого народа и народов мира, заставляющая их иметь широкие улицы и санитарные условия, принуждающая их смеяться, петь и быть счастливыми, хотя бы они этого или нет: стремление, которое является проклятием мира, стремление вмешиваться в дела других людей, учить их, заставлять их познать истинного Бога, правильный образ жизни, правильный образ действий во всем, начиная с восхода первого солнца сознания и заканчивая тем счастливым треском, когда наша планета пытается навязать свою орбиту какой-нибудь другой планете.

Зу Пфайффер отщипнул кончик сигары, тщательно раскурил ее и стал рассматривать список.

"Сержант, у этого человека - как зовут животное? Каломато - его сын сдался?"

"Нет, Превосходство. Он говорит, что бежал из страны".

"Откуда он родом?"

"Из этого района, Ваше Превосходительство".

"Это значит, что его сын с мятежниками?"

[pg 179]

"Скорее всего, нет, Превосходство. Говорят, он очень молод".

"Это не имеет значения. Наложите арест на все имущество вождя. Если он не захочет отдать ее, пусть с ним разбираются аскари. Если это не поможет, пусть его пристрелят".

"Превосходно!"

Для таких упрямых случаев зу Пфайффер взял за правило служить двум целям, отдавая жертву на милость аскари, что разжигало их садистские аппетиты и обычно приводило к желаемому раскрытию местонахождения спрятанной слоновой кости или другого имущества под пытками горящих ног и разными другими хитроумными методами. В последнее время эта

практика оказалась настолько удовлетворительной, что обычно было достаточно одной лишь угрозы.

"Этот человек, - продолжал цу Пфайффер, постукивая по реестру своим длинным ногтем, - его сын здесь?"

"Да, Превосходство".

"Он заплатил причитающуюся десятину?"

"Нет, ваше превосходительство. Он отказывается".

"Прикажите застрелить сына".

"Превосходство!"

"Есть утренний отчет?"

"Да, Превосходство. Шпион из Вамунго принес известие, что с юга в страну вошел белый человек".

"Описание?"

"Они говорят, что это торговец, Превосходство, пришедший со стороны Киву, но дикарь не может дать удовлетворительного описания. По его словам, это первый белый, которого он видит".

"И не последний!" - огрызнулся цу Пфайффер, подергивая левым усом часового. "Возможно, Сандерс, [pg 180] . Если это так, то он скоро будет здесь, чтобы доложить. Ну?"

"Король и немногие оставшиеся с ним люди скрываются, Превосходство, в густом лесу. Они деморализованы и ссорятся между собой. Многие приходят сдаваться, ибо говорят, что вы, Превосходство, съели их бога".

"Ах!" - удовлетворенно сказал цу Пфайффер. "Что я вам говорил, сержант?"

"Ваше превосходительство было верно во всех отношениях".

"Гм! Жаль, что я не могу выделить роту. Это уложило бы их еще до того, как они успели бы реорганизоваться. Но у них не хватит ума, животные, чтобы сделать это.... Парад, сержант".

Шульц отдал честь.

"Готовность, Превосходство".

Зу Пфайффер поднялся, взял свой сямбок, украшенный золотом, и они вдвоем обошли большой шатер и направились туда, где между стройными рядами хижин стояли для осмотра те аскари, которые не были на службе. Сержант рявкнул. Штыки сверкнули, когда они подали оружие. Еще один лай, и они подали оружие. Зу Пфайффер прошел вдоль шеренги, осматривая пуговицы, затворы и винтовки с той же тщательностью, с какой он раскуривал сигару. Пятнадцатый ствол он раздраженно отбросил в сторону и провел по лицу аскари своим сямбоком. Мускулы на лице мужчины дернулись от удара, глаза выпучились, но он не вздрогнул.

"Двадцать пять, сержант!"

"Отлично!"

Зу Пфайффер прошел дальше. Когда осмотр был закончен, он стоял, не отрываясь, и холодно смотрел, как [pg 181] Шульц распускает бойцов. Затем он спустился с холма с Шульцем чуть сзади, за которым следовал большой черный сержант-майор Муньямвези, и направился к противоположному холму, к МКоффо. Но у подножия, где стояло несколько полуразвалившихся хижин, он остановился.

"Женщины, сержант?"

"В большой хижине, Превосходство. Двести, как и было приказано".

"Женщин вождей нет?"

"Нет, Превосходство. Те, кто занимается заложниками, размещены отдельно".

Зу Пфайффер направился к указанной хижине, которая стояла у края обсаженной бананами плантации. Двое часовых, стоявших без ограждения, неподвижно сложили руки. Внутри находилось около шестидесяти или более молодых девушек, в основном со смуглым цветом лица, характерным для рабынь. Болтовня и хихиканье прекратились, когда в воротах появился высокий грозный Глаз-в-руках. На его губах заиграла легкая улыбка.

Из глубокого фиолетового полумрака хижины на солнечный свет вынырнула молодая девушка. При виде белых людей она встала на носочки, выставив вперед одну ногу и вытянув руки, словно собираясь закружиться в танце, и уставилась на них с любопытством олененка.

Высокая для туземной служанки, светло-бронзовая грудь выдавала ее принадлежность к правящей касте Вонголо. Вокруг ее стройной шеи висел циркуль из ярко-голубых бусин. Когда цу Пфайффер застыл и уставился на нее, она повернулась и скрылась в хижине.

"Гот им Химмель!" - пробормотал он. "Тело Люсиль в Кармен!"

"Кто эта женщина?" - спросил он у Шульца.

[pg 182]

"Я не знаю, Превосходство", - ответил сержант и обратился к чернокожему сержант-майору. "Она дочь вождя Баманы, Превосходство, которая посещает этих других женщин. Я прикажу убрать ее".

"Я не позволю оскорблять мое кастовое чувство", - сказал цу Пфайффер, заглядывая в хижину. "Это не по правилам. Прикажете отправить ее в форт, сержант, и поставить под охрану".

"Превосходно!"

Цу Пфайффер, покачиваясь на пятках, вышел и зашагал вверх по холму МКоффо. В этот день осмотр проходил более спешно, чем обычно. Затем он вернулся на холм Кава Кенди, чтобы провести суд в большом шатре. После обеда и долгой сиесты в полуденном зное он прошелся по деревне, наблюдая за тем, как возводятся хижины и закладывается новая деревня, которая должна была вырасти на пепелище старой, - конкретный пример мудрости и силы нового владыки, Глаза-в-руках.

Под командованием аскари банды заключенных, уголовников и политических, связанных легкой цепью на шее, трудились над расчисткой обугленных пней и обломков, в то время как другие туземцы приносили саженцы и траву - каждая деревня, которая подчинилась, присылала свою положенную квоту.

Затрубили трубы. Хранители кашляющих чудовищ исполняли магические танцы с огненными палками на холме Кава Кенди. Черно-бело-красный тотем завоевателя вспорхнул на землю, как раненая птица. Ночь закрылась, словно черная крышка, надвинутая на дымящийся котел солнца.

После ужина цу Пфайфер сидел в своей личной палатке в [pg 183] задней части шатра и пил бренди. На походном столе, покрытом фиолетовой скатертью, стоял портрет в раме из слоновой кости, на который он смотрел, покуривая. Голубые глаза и женственные губы смягчились так же сентиментально, как у любой изголодавшейся по сексу пуританской девственницы; возможно, не вопреки, а благодаря средневековому кодексу, столь же бессмысленному, как и туземная система табу, ибо подавляемые естественные эмоции находят выход в той или иной форме.

Снаружи доносились щебет и гул леса, ритм лягушек, приглушенное блеяние козы и далекие предсмертные причитания женщин. Зу Пфайфер пил, курил и смотрел на портрет в раме из слоновой кости. Однажды он раздраженно прихлопнул комара, вырвавшегося из двойной сетки над дверью палатки. Казалось, в нем поднялась волна эмоций. Казалось, он вот-вот разрыдается, когда, склонившись над столом, он пристально взгляделся в изображенное на портрете лицо и прошептал:

"Nur einmal noch möchte ich dich sehen,

И опуститься перед тобой на колени.

И говорить с тобой":

"Мадам, я люблю вас!" ...

"Люсиль! ... Ach, Lucille!"

Он рывком отпрянул назад, одним глотком выпил свой бренди и сердито позвал:

"Бакунджала!"

Вслед за взмахом песка раздался вздох:

"Бвана!"

раздраженно приказал ему Зу Пфайфер. Прошло четыре [pg 184] минуты, в течение которых он неотрывно смотрел на портрет. Он обернулся на топот ног. Ярко-синие бусы блестели в свете фонаря, когда дочь Бамана опустила на пятки.

[pg 185]

Глава 17

На своем любимом месте у двери хижины сидел Залу Зако и терпеливо, как только может туземец, ждал встречи с белым человеком - символ подсознательной надежды. Тот факт, что Бакума не была найдена посланцами кровожадного Бакахензи, вызывал чувство удовольствия, которое выражалось лишь в ощущении благополучия. О ней лично он сознательно думал мало; его отношение было примерно как у белого любовника, который

может обнаружить, что его любимая - сестра, а значит, по кровосмешению, навсегда от него отлучена, ужасный факт судьбы; но, лишенный сентиментального сдерживания, Залу Зако не скрывал желания смерти, потому что она была ему отказана. Желания дикаря проще, но движущие мотивы те же, что и у "окультуренного" бывшего животного, на которые накладываются поколения запретов-табу, образующих сложные пласты, делающие правду все более трудной для распознавания. Из этого самого затуманивания мотивов и возникает цивилизация.

Затем из голубых глубин влажной зелени раздался громкий крик, на который ответили предупреждающие возгласы женщин.

"Глаза в руки!" - ворчал Залу Зако, выражая вечный страх лагеря, когда он бросился к своему ружью, которое прислал ему Лунный Дух.

Над мешаниной звуков раздался членораздельный крик:

[pg 186]

"Он околдовал наши души! Он околдовал наши души!"

Залу-Зако приостановился, прислушался, убрал пистолет и присел на корточки, приняв позу, исполненную достоинства перед первым вошедшим. Несколько мгновений продолжался женский визг и дикий говор. Затем вошел раб, за ним воин, который, взволнованно упав на колени, задышавшись, произнес:

"Он околдовал наши души! Он околдовал наши души! Наши копья были затуплены его магией! Наши мечи были обращены стеной его души! Он могущественный маг!"

"О ком ты говоришь, глупец?"

Как только Залу-Зако задал этот вопрос, во двор медленно вошла высокая фигура Бакахензи. По приказу Залу Зако воин поднялся и убежал. Бакахензи приветствовал его очень вежливо и тщательно выпил нюхательный табак, чтобы показать, насколько случайным было дело. Тщательно восстановив пробку из скрученных листьев, он медленно объявил:

"Как я и предсказывал, разрыв священного круга привел к тому, что мы попали в руки лжемага, Глазастого. Дочь Бакалы сейчас находится в лагере белого человека, которого они называют Лунным духом".

"Эх!" - прокомментировал Залу-Зако.

"Брат Глаза-в-руках взял ее в наложницы", - продолжал Бакахензи.

Залу-Зако ничего не ответил. Мрачный подошел к Маруфе и присел на корточки рядом с ними.

"Как я и предсказывал", - прокомментировал Маруфа, который никогда не упускал случая высказать свое предположение.

Я велел ему отдать Невесту Банана; [pg 187] но она укусила его душу во сне". Он заключил ее в свои объятия. Он дышал на нее, чтобы она не повиновалась. Волшебство этого брата Глаза-в-руках воистину прогнило в печенках наших людей, и они бежали, как молодые шакалы".

"Эх!"

Залу Зако настороженно уставился на ограду комплекса; Маруфа с интересом рассматривала левое колено Бакахензи. В течение пяти минут не было произнесено ни слова. Затем Бакахензи грозно произнес:

"Тарум требует брата Глаза-в-руках, этого лунного духа, ибо если один из них будет взят, то другой, Глаз-в-руках, увянет, и Непонятный будет явлен".

"Ты заговорил!" - согласилась Маруфа.

Но Залу-Зако продолжал безучастно смотреть на забор. Его мысли были заняты Бакумой. Бакахензи не подозревал о его страсти, но страх перед его враждой действовал как ушат воды, несмотря на то что неявная вера в доктора была ослаблена. Но неверие не было достаточно позитивным, чтобы побудить к действию. Однако известие о близости Бакумы дало ему силы усомниться в действенности жертвы Бакумы для восстановления царства, и эта сила побудила его сказать:

"Кто тот, кто сказал, что Лунный Дух - близнец Глаза-в-Руках? Враги есть даже среди белых. Если он враг Глаза-в-Руках и, как говорят, великий маг, то разве нельзя убить Глаза-в-Руках с помощью его магии?"

"У него только молодые слова", - твердо заявил Бакахензи.

[pg 188]

"Но Мунгонго, сын Марулы, говорит, что..."

"Ты просишь младенца научить тебя охотиться?" - возразил Бакахензи.

"Разве воин просит своих женщин зашивать его раны?" - добавил Маруфа, мягко напомнив, что Залу-Зако был всего лишь вождем, а не ремесленником.

"Он был изгнан, пусть его приведут и испытают передо мной", - упорствовал Залу-Зако.

"Этого не может быть, - возразил Бакахензи, - ведь ты еще не помазан".

"Но ведь то, что необходимо, еще не сделано", - упрямо возразил Залу Зако. "Если он не владеет магией и сердце его не бело, то пусть он будет обречен на праздник Луны". И, набравшись храбрости, добавил королевскую фразу: "Я сказал".

Все трое сидели неподвижно. Тишина подрагивала и гудела. Тени раздвинулись. Бакахензи медленно поднялся и зашагал прочь по территории. Залу Зако наблюдал за его уходом без всяких замечаний и выражений. Через некоторое время ушел и Маруфа.

Еще одним человеком, на которого новость о находке произвела аналогичную реакцию, была Миалу. Ее близость вызвала первобытное желание выйти вперед и схватить ее. Но его останавливал страх перед последствиями со стороны товарищей, для которых табу все еще оставалось реальностью, и белого человека, Лунного Духа. Мьялу никогда не смог бы преодолеть приговор знахарей, пока оставался с ними. Йондер - его решение идти с Яболо и Сакаматой было окончательным, но он хотел взять с собой Бакуму.

Прямо к хижине Бакахензи, который, казалось, ожидал его, шел Маруфа. Маруфа присел на корточки [pg 189] торжественно рядом с ним. Эти катастрофические события вызвали всеобщее волнение, ослабившее дисциплину суеверий.

Есть два типа фокусников: частично сознательные лицемеры и те, кого обманывают их собственные подделки; ведь тот, кто творит волшебство, должен быть всегда готов к объяснению неудачи и очень изобретателен в его создании. Глупец, верящий в свое лекарство, удивляется неудаче не меньше, чем жертва гневу. Бакахензи и Маруфа принадлежали к первому классу, но, будучи особенно развитыми в умственном отношении, они обладали убеждениями столь же глубокими, как и самый легковверный обыватель. В то, что волшебник лично, своей индивидуальной силой может убить врага заклинанием, они не верили; но в то, что это может сделать дух Банана или других неодушевленных предметов, они верили очень глубоко. Их вероучение представляло собой форму чистого анимизма; бури, ветры, молнии, деревья, камни, реки имели отдельные и сознательные души; другие неодушевленные предметы, не включенные в произвольный список, имели бессознательные души, каждая из которых могла творить зло или добро; отсюда вытекала суть религии в обращении к самым могущественным духам за благосклонностью или в минуты отчаяния в угрозе им страшными карами. Их лицемерие заключалось не в неверии, а в том, что они притворялись перед людьми, будто их заступничество перед богами непогрешимо; они слишком хорошо знали, что боги редко склоняют слух к магу.

Конечно, почти у каждого врача была своя догма, обычно основанная на неверном выводе из ложной предпосылки. Один доктор все свое [pg 190] доверие возлагал на духа банана - самого популярного духа; другой - на духа реки, потому что из дюжины раз, когда он обращался за помощью, было гарантировано не менее пяти "чудес", поэтому, утверждал он, дух реки - истинный и самый могущественный бог. Аргументы других были столь же несостоятельны, поскольку в них преобладало какое-то скрытое желание, подобно тому как авторитетные ученые, отвергая явления, принимаемые населением, фатально цепляются за веру в страшилищ, чтобы удовлетворить подсознательное стремление к бессмертию, страх перед смертью.

Отсюда и смятение в сердце Бакахензи. Ему казалось, что духи полностью покинули его; ему казалось, что, возможно, эти белые люди действительно владеют истинной "магией", искусством подчинять духов своей воле. Этот ужас подтолкнул его к уничтожению белого человека, Лунного духа. Теперь Залу Зако взбунтовался, и, не зная, от какого мощного импульса Залу Зако получил эту внезапную силу, Бакахензи приписал ее магическому влиянию Лунного Духа. Любой ценой, утверждал он, необходимо разлучить Залу-Зако и белого человека.

Но оставались и другие насущные вопросы: как расправиться с белым человеком и что теперь делать после того, как попытка убить его провалилась. Либо Лунный Дух сбежит, что станет для Бакахензи счастливым доказательством того, что он самозванец и никакой не маг, либо он немедленно начнет мстить. Никаких других действий Бакахензи не мог себе представить. Поэтому в подобном случае очевидным действием было нанести более быстрый удар. Он размышлял о своем коллеге, не глядя на него. Каково было его отношение? Бакахензи, исходя из общих [pg 191] принципов, относился к нему с подозрением. Если Маруфа думал, что, поддерживая белого человека, он сможет добиться свержения Бакахензи и получить должность главного знахаря, он бы так и поступил, как поступил бы на его месте он, Бакахензи. Поэтому на эти темы он очень осторожно разговаривал с Маруфой, которая была необычайно сдержанна. Однако, пообщавшись с самим собой в сфинксовой серьезности, Маруфа согласился с предложением немедленно изолировать Залу-Зако в божестве.

И вот медленный ритмичный стук, призывавший ремесленников собраться, зазвучал в липком воздухе. Не успели влажные тени удлиниться на расстояние вытянутой руки, как

около двадцати магов, больших и меньших, полностью облаченных в зеленые перья ордена, собрались в помещении Бакахензи. Молча и деревянно они сидели на корточках в полукруге перед главным знахарем, каждый из которых был взволнован чудесными историями, рассказанными воинами, вернувшимися из лагеря Лунного Духа, историями, которые в значительной степени подтверждали рассказы Мунгонго. Те, кто поддерживал партию Бакахензи, безоговорочно верили, потому что им так хотелось, что "причина" бессилия их объединенной магии заключается в разрыве магического круга Бакумой. Другие же, лелеявшие личные амбиции на пост главного колдуна, с подозрением относились друг к другу и к Бакахензи, каждый в соответствии со своим рангом и соответствующими знаниями в ремесле.

Когда барабан затих и все сидели в впечатляющей тишине, Бакахензи, неподвижно сидя на корточках у порога своей хижины, начал бормотать заклинания и раскачиваться из стороны в сторону. Каждый из членов внутреннего [pg 192] культа прекрасно понимал, что это представление - всего лишь церемония, предписанная традицией и целесообразностью; однако именно по этой причине и в первую очередь ради блага младших волшебников они торжественно приняли его, хором, как и остальные, ворча под напевы Бакахензи. Так же внезапно, как и резко, Бакахензи остановился, уставившись глазами в другой мир, и упал на спину, чтобы кричать и извиваться реалистично, как уверяла его практика. Затем, когда изо рта пошла пена, дух Тарума заговорил через неподвижное тело, которое лежало, как в каталепсии, с перевернутыми глазами:

"Эй! Айе! Я дух Кинту!

Айе! Айе! Я тот, кто был первым!

Айе! Айе! Я - банан, из которого я был сделан!

Айе! Эй! Время бракосочетания приближается!

Эй! Эй! Но где же невеста моего ложа?

Эй! Эй! Пусть ее найдут и приготовят!

Эйе! Эй! Ибо мои губы жаждут ее крови!

Эйе! Айе! Пусть сын Змея будет помазан!

Эйе! Эйе! Пусть он будет готов помочь на моем пиру!

Эйе! Айе! Я заговорил, я, отец людей!

Эйе! Айе! Я, Тарум, душа ваших предков!"

Из зала донеслось низкое брюшное ворчание согласия, ибо они, по внушению, были заражены наведенной истерией почти так же, как и сам великолепный актер; они поверили; даже члены внутреннего культа на мгновение убедились, что действительно говорит могучий дух их предков.

Медленно, со множеством сильных рывков и поворотов, [pg 193] душа Бакахензи вернулась в его тело. Он сел и после долгой паузы внушительно произнес:

"Что Он сказал тебе?"

И Маруфа, так же торжественно, рассказал все, что Он сказал.

"Эх! - беззвучно произнес Бакахензи, - все так, как я пророчествовал. Воистину, это слова мудрости. Не так ли, о братья мои?" Снова раздалось негромкое ворчание согласия. "Послушаемся, чтобы эти злые духи ушли и Непонятный вернулся к своим детям!"

Затем, согласно обычаю, все, кроме тех, кто принадлежал к внутреннему культу, встали и молча вышли. В сердце Яболо, сидевшего на корточках с таким же невыразительным лицом, как и остальные, было удовлетворение, ибо он видел, или думал, что видел, что Глаз-в-руках будет доволен уничтожением человека, который, возможно, станет его соперником; и исходя из этого он представлял себя своему родственнику Сакамате, Глазу-в-руках, как убийцу или инициатора убийства его соперника, Лунного духа. То, что Залу-Зако должен быть помазан в короли-боги, устраивало его не меньше, чем других волшебников, и по той же причине. Поэтому Яболо в который раз не стал возражать против повелений Бакахензи.

Из лагеря уже доносились возбужденные голоса воинов, которым сообщили о решении собрания волшебников. Но тени были длинными. Лес был еще более густо населен духами, чем их собственная страна, похожая на парк. Один из пяти членов внутренней секты предложил напасть на рассвете; но Бакахензи, которого все еще терзала неуверенность в реальности магии Лунного духа и возможном влиянии Залу-Зако, когда он [pg 194], по-видимому, обрел собственную волю, прежде чем они смогли закрыть его в божестве, был за немедленные действия и настаивал на том, чтобы собрать воинов и сотворить особую магию, чтобы защитить их от лесных демонов. Яболо, столь же встревоженный, как и Бакахензи, стал его союзником и настоял на том, чтобы это было сделано. Но Маруфа был настроен совсем не так. Хотя судьба Залу-Зако была совершенно неважна, его отношение к Лунному духу было таким же, как и у юноши, но продиктовано оно было иными мотивами: силой, которую можно было использовать в своих интересах. Но он не произнес ни слова, безучастно слушая, как пульсируют барабаны, созывая воинов. Когда круг распался, он торжественно проследовал к своей хижине, но, оказавшись внутри, достал из тыквы особый амулет, проскользнул через дыру в частоколе за хижинкой и исчез в лесу.

[стр. 195]

Глава 18

Тем временем объект политических недоумений Бакахензи тоже собирал военный совет. Мнения Мунгонго и Бакумы разделились. Первый вновь обрел полное доверие к Лунному духу. После поражения величайшего мага и его воинов он воспылил боевым пылом и решительно высказался за немедленное наступление на деревню. Бирнир улыбнулся и задумался. В сущности, план был не таким уж безумным, как казалось. Если бы он быстро последовал по пятам за охваченными ужасом воинами, то, скорее всего, весь лагерь заразился бы духом паники и разбежался. Однако он не видел никакой цели, которую можно было бы достичь, разгромив деревню. Мунгонго, всегда жаждавший чуда, попросил, чтобы Лунный Дух принял облик духа и спустился к ним ночью. К его отвращению, Лунный Дух отказался, и Мунгонго удалился к костру, утешая себя очередным ярким описанием способностей своего хозяина, растущих с каждым днем, Бакуме, который сидел и напряженно слушал, не сводя глаз и ушей с лесной тропы.

Бакума был одержим ужасом, вызванным тем, что Бакахензи обнаружил ее присутствие; врожденное благоговение перед знахарем, которое было временно ослаблено присутствием белых, возродилось, как и неизбежность ее гибели. Только [pg 196] строгие предписания

Лунного духа не позволили ей бежать через джунгли, чтобы укрыться в какой-нибудь далекой деревне козодоев. Она была уверена, что волшебник скоро узнает, куда она ушла; ведь она была убеждена, что Бакахензи обнаружил ее прежнее убежище с помощью магического прорицания, а в доказательство приводила тот факт, что, хотя она, как обычно, была полностью скрыта в подлеске, Бакахензи вышел прямо к ней.

Бирнье предвидел, что ситуация может стать серьезной. Бакахензи относился к ней с подозрением, основанным, как он правильно догадался, на профессиональной ревности. Находка Бакумы, вероятно, была скорее предлогом для того, чтобы напасть на возможного соперника и тем самым удовлетворить подсознательное желание смерти. Теперь же, полагал Бирнье, Бакахензи, вероятно, будет как никогда раздосадован триумфом магии соперника. Поэтому, зная силу религиозных убеждений, он попытается сыграть на эмоциях племени, рассказывая о том, как эффективно умиротворить их падшего бога жертвоприношением девушки, и таким образом довести их до состояния фанатизма, чтобы они напали силой; дополнительным стимулом к таким действиям с их стороны будет неосознанное удовлетворение от убийства "брата" того, кто вторгся в их страну, Глаза-в-руках.

Другой момент заключался в том, что чем больше человек напуган, тем менее легко он прощает, а значит, сильнее сопротивляется уговорам. За частично сформировавшейся идеей свергнуть мелкий суверенитет цу Пфайффера стояла сугубо профессиональная задача - изучить с самой интимной точки зрения систему первобытного богословия самого сложного и познавательного [pg 197] вида. Поэтому главная цель, которую необходимо было достичь, была решена наилучшим способом, рассчитанным на то, чтобы завоевать дружбу и доверие всех заинтересованных сторон, особенно Бакахензи. Для Бирнье, который еще не был знаком с системой, Бакахензи казался менее важным, чем Залу Зако, Царь-Бог или потенциальный Царь-Бог. Однако, очевидно, он не мог надеяться приблизиться к Залу-Зако, не преодолев сопротивление Бакахензи. Отдать маленькую Бакуму на жертвенную оргию было немыслимо; такой поступок показался бы ему равносильным принесению девочки в жертву ради достижения собственных целей.

Из предосторожности он выставил двух своих людей в качестве пикетов в джунглях, чтобы предупредить о любой неожиданности, хотя и не думал, что они могут возобновить нападение в этот день; затем, как обычно в трудных ситуациях, он удалился в свою палатку, чтобы покурить. Когда он просматривал книгу своего уважаемого друга Бертон, его глазам попался параграф о лечении любовной меланхолии, рекомендованный любезным доктором.

"Лемний, imstit. cap 58. восхищается рутой и считает, что она обладает прекрасными достоинствами, изгоняет тщетные фантазии, дьяволов и ... Другие вещи сильно превозносятся писателями, как старый петух, голова барана, волчье сердце, выносимое или съедаемое, что Mercurialis одобряет: Проспер Альтинус - воду Нила; Гомезий - всю морскую воду, а в сезон - быть больным... кость в сердце оленя, рог моноцерота..."

Подняв глаза, он увидел Бакуму, уныло сидящую на корточках у огня и слушающую сотый повтор [pg 198] своего чуда, работающего по Мунгонго. Очертания ее округлой спины и сгорбленных плеч, бронзовые руки, сцепленные под подбородком, и туманные карие глаза, с опаской смотрящие на тропу, были изваянием меланхолии. Он улыбнулся, подумав, что

дьяволы и ведьмы Хризостома и Парацельса были для них так же реальны, как лесные духи и магия Бакахензи для этой девушки. В конце концов, некоторые из этих рецептов звучали так, словно должны были понравиться Бакахензи и его собратьям по ремеслу. Он погрузился в задумчивость, размышляя о том, почему суеверия так трудно искоренить из человеческого разума. В Бирнье присутствовал юмористический оттенок меланхолии, который оценил комедию человеческих марионеток, вынужденных танцевать под легион чертей и букашек, придуманных самими, и как стимул к доминирующему научному поглощению было знание, что от него и его товарищей зависит их единственная надежда на освобождение - что было еще большей причиной, чтобы Бакахензи убил его, добавил он причудливо, если бы он только знал это!

Движимый неизменным любопытством узнать, что происходит в головах других людей, он позвал к себе Бакуму и Мунгонго, наблюдая за энергичными действиями мальчика, движимого верой в его благо, в отличие от вялых движений девочки, не доверявшей своему благу. И когда они подошли к нему и сели на землю у его ног, он сказал Бакуме:

"Откуда у тебя в груди черная птица, о Бакума?"

Она взирала на него с жалкой мольбой газели.

[pg 199]

"Разве птицы не ищут сломанные ветки для строительства гнезд, о Лунный Дух?"

"Истинно так, но почему ветви твоего дерева сгнили и сломались?"

"Когда топор крестьянина подкалывает корни дерева, думаешь ли ты, что сок течет быстрее, зная?"

"Это сказал тебе дьявол, о Бакума. Когда солнце было в рост человека, не вырвался ли из леса шакал, желая полакомиться, и все же курица не пострадала и не была похищена. Разве это не белые слова?"

"Истинно так, о Лунный дух", - неохотно признал Бакума.

"Разве тогда магия Лунного Духа не была сильнее магии твоих волшебников?"

"Твои слова - белые", - признала она.

"Почему же тогда во рту у тебя пепел?"

Бакума уныло созерцал ногу Бирнье, обутую в сапог.

"Эх! - ворчал искушенный Мунгонго, - для тех, кто живет на горе, крокодил - не крокодил!"

"Открой мне грудь свою, о Бакума", - сказал Бирнье.

"Клк!" - вздохнула она, сделав жест безнадежности. "Когда светит солнце, разве не раскрываются цветы? А когда наступает ночь, где цветы? Олени пасутся на сладких пастбищах, но когда тень льва падает на траву, разве не надвигается на мир великая туча?"

"Но твой лев убежал, о Бакума!"

Она смотрела на белого человека с любопытным удивлением [pg 200] тупости человека, неспособного понять простейшую проблему. Она вздохнула, а затем, словно испытывая терпение к чужим недостаткам, сказала:

"Ты обладаешь сильной магией, о белый человек, - сказала она, - магией, которая заставляет магию Бакахензи падать как вода. Разве дочь Бакалы не была найдена с помощью гадания? Разве не с помощью гадания дочь Бакалы стала невестой Банана? Должно быть сделано волшебство, чтобы голос одного был послушен. Эх! Айе! Айе!"

В карих глазах блестели опалы, которые рассыпались по бронзовой груди. Когда Бирнье наблюдал за ней, жалость вызвала желание облегчить этот символ самоистязания, и он вспомнил любимый отрывок из "Анатомии":

"Да, но мы несчастнее других, что же нам делать? Помимо личных страданий, мы живем в вечном страхе и опасности; вместо эпифаламий, приятной музыки, в наших ушах все еще звучит страшный шум орудий, барабанов и военных труб; вместо брачных факелов - стрельба по городам и весям; вместо триумфа - причитания, вместо радости - слезы".

"Ну что ж, Бакума, - сказал он по-английски, скрыто улыбаясь, - посмотрим, не удастся ли нам достать для тебя брачные факелы!"

Бакума недоуменно посмотрел на него большими глазами.

"Уже сейчас Лунный Дух начинает заклинание могущественной магии", - торжественно объяснил Мунгонго.

"Эх!" - ожидающе пробормотал Бакума.

Бирнир курил и размышлял. Стены леса становились все ближе в начинающихся сумерках. Душа страха, размышлял Бирнье, обитает в [pg 201] неизвестности. Откройте бога в машине, и тайна исчезнет. Бакуме он сказал:

"Слушай, о Бакума, я хочу сказать тебе тяжелые слова. Когда ты сажаешь семя тыквы в землю, то через полмесяца появляется растение тыквы; не так ли?"

"Истинно так", - бескорыстно ответил Бакума.

"Значит, это магия?"

"Эх!" - изумленно прокомментировал Бакума. "Нет, как это может быть? Разве душа растения не растет так же, как растет ребенок?"

"Хорошо. Обрати свой взор ко мне". Бакума безучастно наблюдал за тем, как он чиркает и зажигает спичку. "Значит, этот огонь, который я разжигаю, добывается с помощью магии?"

"Истинно так".

"А ты, Мунгонго, что скажешь?"

"Лунный дух щекочет души моих ног!"

"Хм..." Бирнье подавил улыбку. "Ты знаешь, что мои слова - белые?"

"Воистину".

"Тогда я скажу тебе, что это сделано не с помощью магии".

"Эх! Э-э-э!" - хором воскликнули оба.

"Эта штука на конце того, что вы называете волшебным огненным прутиком, сделана из... сделана из нескольких видов земли, найденных в земле, и когда - и когда..." Он судорожно искал родные слова, которых не было, "эти два соединяются вместе, как если бы человек ударил копьем..." Бирнье колебался, находясь в таком же недоумении, как психолог, пытающийся объяснить абстрактную работу сознания в конкретных словах. "Когда человек ударяет копьем о камень, в нем появляется огненный глаз, не так ли?"

[pg 202]

В глазах Мунгонго тускло отразился нарастающий ужас. Бакума уставился на него.

"Магия Бакахензи", - пробормотал Мунгонго.

"Его душа уже околдована", - пробормотал Бакума.

"Разве это не так?" - продолжал Бирнье.

"Да", - признал Мунгонго, неловко двигаясь и говоря так, словно подшучивал над опасным сумасшедшим. "Это глаз разгневанного духа скалы".

Бирнье понял, что ему грозит опасность, и сделал еще одно усилие.

"Даже так. А еще ты знаешь, что можешь добыть огонь, потеряв две палочки. Значит, это тоже магия?"

"Воистину, - продолжал Мунгонго тем же тоном. "Можно ли вызвать духов душ веток без заклинаний Хранителя Огня?"

"О боже!" - простонал Бирнье, оставив попытки объяснить горение. "Так вот как обстоит дело с теми, кого вы называете волшебными огненными веточками".

"Именно так, как мы сказали", - торжествующе заявил Мунгонго.

Бирнье погрузился в молчаливое поражение. Бакума стал отходить в сторону. Когда Мунгонго поднялся, Бакума издала придушенный крик и, вскочив на ноги, бросилась к палатке, а затем, словно вспомнив, что ее спаситель был околдован Бакахензи, скрылась во мраке. Мунгонго схватил копье, воткнутое в землю неподалеку от него. Когда показалась исхудавшая фигура Маруфы, который, присев на корточки, отдал честь, Бирнье вспомнил, что был с Бакахензи, и поинтересовался, чего тот хочет. Мунгонго заменил копье и подошел к палатке.

"Приветствую тебя, о сын Мтунго!"

[pg 203]

Маруфа пробормотал ортодоксальный ответ.

"Тебе нужен Лунный дух?" - спросил Мунгонго, к которому вернулась его официозная уверенность в Бирнье.

"Разве леопард ходит в козий загон искать орехи?" - ворчал старик. Он медленно откупорил трубку и хрюкнул.

Вскоре Маруфа сказала:

"Лунный дух - брат Глазастого?"

"Нет, - ответил Бирнье, удивляясь упорству этой идеи. "Глаза-в-руках - из другого племени, удаленного от Лунного Духа на десять лун".

Маруфа хмыкнул. Снова долгая пауза. Затем:

"Магия Лунного Духа затупила копы Бакахензи?"

"Даже так", - скромно ответил Бирнир.

"Сын Малико творит много магии, чтобы невеста Банана была отнята у белого чужеземца".

"У обезьяны много лиц и много шума, но съест ли она леопарда?"

"Укус копы более смертоносен, чем бляение козы", - ответил Маруфа.

"Съест ли мудрец сердце козла, чтобы набраться храбрости?"

"Чем громче рычит лев, тем меньше у него зубов!"

"Но только глупец открывает рот, чтобы посмотреть, сколько их у него!"

"Мудрый отец проверяет зерно бивней, прежде чем продать свою дочь".

"Но мудрец видит дочь, прежде чем предложить бивни!"

"Угм!"

Маруфа взял еще нюхательного табака и стал рассматривать [pg 204] интерьер палатки, где туземец зажигал лампу. Бирнье задумался. Очевидно, Маруфа пришел с каким-то предметом и предполагал, что ему есть о чем поторговаться. Что же это было? Кроме того, он хотел убедиться, что устанавливает ловушку у нужного бассейна. Бирнье решил, что тот, вероятно, действует по собственной инициативе и хочет устроить заговор против Бакахензи. Порыв провести над ним эксперимент, как над Мунгонго и Бакумой, был подавлен, поскольку из предыдущих попыток он вынес вывод, что объяснить рациональные явления неразумным умам невозможно; что, как всегда, авантюрного поборника разума сочтут либо безумцем, либо вдохновенным; что не поддается пониманию, то божественно или нелепо. Однако через Маруфу можно было бы предложить тактику кампании, чтобы заручиться благосклонностью Бакахензи или Залу Зако и достичь своей научной цели, а также передать Бакуме обещанные ей факелы. Так это или нет, размышлял он, улыбаясь в темноте, но я должен быть либо волшебником, либо дураком. Дураки ничего не добиваются, а колдуны - как здесь, так и в других местах. Он понимал, что для того, чтобы повлиять на эти или любые другие народы, ему придется работать с точки зрения их собственного понимания, как это делали ранние христианские миссионеры, обращая тевтонов, скандинавов и бриттов. Порывистое предложение Мунгонго заложило ядро плана. Он решил развить его. Но через Маруфу, которому прежде всего нужно было внушить, что Лунный Дух - величайший маг, какого когда-либо видел мир. Поэтому он воззвал к туземцу внутри себя: "О Бакомби, погаси свет". И к Маруфе: "О мудрый человек, [pg 205] гром не всегда бывает молнией. Вот! Я - часть того, что есть и чего нет!"

"Клк!"

У Маруфы вырвался возглас изумления от случайной мистической фразы, которую он истолковал как обращение к Непостижимому.

Затем Бирнье достал из своей металлической коробочки весталок и смочил одну. Потирая глаза, Маруфа, ожидавший чуда, со стоическим спокойствием наблюдал за нарастающим фосфоресцированием, а Мунгонго, обрадованный долгожданным подтверждением своих хвастовств, восхищенно хрюкал.

Но когда светящаяся рука скелета, которую Бирнье приготовил за его спиной, зависла над головой старого волшебника, тот хрюкнул и сделал легкое судорожное движение.

"Не бойся, о друг мой, - раздался голос Бирнье, - дух любит моих друзей и уничтожает моих врагов".

Это брюшное ворчание произвело на Бирнье то впечатление, которого он добивался. Он зажег лампу, велел взволнованному Мунгонго принести фонограф - аппарат, оснащенный как записывающими цилиндрами, так и воспроизводящими, - и после успешной демонстрации магии обсудил с Маруфой определенную схему, к которой старый волшебник, быстро разглядевший возможности, дал множество бесценных предложений.

[pg 206]

Глава 19

Когда Залу Зако сообщили о приговоре Совета и словах Тарума, к нему вернулось ощущение неизбежного, погасив искру бунта, зажженную страстью к Бакуме. Бакахензи, волшебникам по отдельности или всем вместе у него хватало сил высказать свои желания, но истинному голосу Тарума он не смел сопротивляться. По праву и прецеденту ему было поручено председательствовать на помазании воинов. Он не сделал и намека на отказ, ибо его воля была подавлена, как и несколькими неделями ранее, обреченностью на божественность и безбрачие.

О том, что Бакума скоро будет запрещена для него навсегда, он не думал; желание было задушено. Даже воспоминание о том, что Бакахензи заявил, будто ее забрал Лунный Дух, не вызвало у него никакой реакции. Для него, как и для его братьев, если в физической любви заложен контроль над вселенной, поскольку она смутно воспринимается как творческая сила, то для отдельного любовника это не имеет никакого значения, если только он не виновен в нарушении сексуального табу: если девушка не согласна на незаконный союз, то она свободна; если согласна, то это смерть для них обоих, ибо, как всем известно, такое преступное действие ставит под угрозу равновесие бремени мира на плечах Короля-Бога. Таким образом, слова Бакахензи не вызвали никакой реакции против Лунного духа в [pg 207] сознании Залу Зако; более того, если слова были правдой и он все же смог заполучить Бакуму, у нее мог родиться сын от белого, который, очевидно, передал бы чудесную силу белой магии своему преемнику, следующему Королю-Богу; И возможно, размышлял Залу-Зако, смутно напрягаясь от столь радикальной мысли, направленной против влияния священства, король станет более могущественным магом, чем сами знахари.

Но он подчинился приказу и занял свое место, как было велено. Бакахензи распорядился немедленно начать подготовку к церемонии зачарования против духов ночи. В кругу расчищенной площадки, где заседал временный Совет старейшин, зажгли большие костры,

так как темная стена леса надвигалась на них. Бакахензи сидел на корточках перед большим калабашем, специально припасенным и зачарованным для колдовства, в котором варились травы, чьи духи были яростными ненавистниками демонов всех деревьев, камней и ручьев, и которые должны были освободиться от растительных уз путем тушения, чтобы потом распределить их между воинами для ночного нападения. Эти воины, около пятидесяти человек, отобранных из последователей Бакахензи и Маруфы, сидели на своих окороках в кругу костров, беспокойно оглядываясь на углубляющуюся сепию, откуда доносились ночные песнопения духов леса. Чтобы не допустить вмешательства вредоносных животных, Бакахензи попросил принести чистого белого козла, которому перерезали горло и пустили кровь в котел; ведь, как известно, душа, которая белая, обязательно должна хорошо бороться с тем, что черное. Однако, несмотря на эту мощную магию, воины не успокоились; они скорее чувствовали, чем думали, [pg 208] что если магия их знахарей не сработала против одного белого, то почему она должна сработать против другого, подобного ему? И если их вера ослабла, то сомнения в действенности той же магии против духов леса расплодились, как комары после дождя.

Бакахензи заметил это беспокойство, но тем сильнее становилась его потребность восстановить слабеющую уверенность в своих силах, убрав белого; желание крови перешло от Бакумы к Лунному духу как наиболее эффективная демонстрация из всех возможных для него.

Костры тлели и мерцали желтыми языками на зеленых телах воинов и голубых головных уборах магов. Слабый голубой пар клубился вокруг алого пера над высеченным лицом Бакахензи, пока он бормотал заклинания и помешивал котел. Затем, когда барабаны загрохотали, а воины ритмично захрюкали в ответ на чарующую песню Бакахензи, раздался крик попугая. Песнопение прекратилось. Ветви зашуршали. Все головы автоматически повернулись в сторону звука. Раздалось низкое хрюканье от ужаса, словно невидимая рука ударила их в солнечное сплетение .

Как раз в линии тени, где отблески костров слабо оттеняли и зеленили изгибы его бронзового тела на фоне сепии его перьев, появилась фигура Маруфы, его копье было высоко поднято, когда он громким голосом крикнул:

"Приветствую вас, о люди Банана, я возвещаю вам о том, кто есть и кого нет, о том, кто был потерян, но пришел. Вот, я показываю вам знамение!"

На фоне мрака его левая рука и кисть засветились странным светом. Собравшиеся воины и волшебники единодушно воскликнули "Эх!".

[pg 209]

"Поднимите ваши уши!" - продолжал Маруфа, - "чтобы Голос мог говорить с вами!"

В тишине раздался приглушенный щелчок, и высокий голос на диалекте произнес:

"Айе! Айе! Я дух Кинту!

Айе! Айе! Я тот, кто был первым!

Айе! Айе! Я - Банан, из которого я был создан!"

Белки глаз мерцали, как бабочки в звездном свете. Ничего не было видно. Голос, казалось, раздавался со всех сторон. Новое чудо околдовало все конечности.

"Айе! Айе! Моя душа осквернена, а мои дети поработаны!"

Айе! Эй! Мое лицо поцарапано когтем пришельца!

Эй! Эй! Я посылаю тебе месть, которая бела!

Эй! Эй! Я посылаю тебе Того, кто запрещен!

Эйе! Айе! Да восстанет Тот, Кто есть Я!

Эйе! Айе! Могущественный, который сотрет проклятие!

Эйе! Айе! Я заговорил, я, Отец людей!

Эйе! Айе! Я, Тарум, душа твоих Предков!"

Слабое жужжание крыльев утонуло в автоматическом ворчании согласия, вырвавшемся у всех воинов и магов, кроме тех, кто входил во внутренний круг, под воздействием священного песнопения. В ужасе сидели воины перед страшной магией своих лекарей, в которой они когда-то сомневались. Но умы Бакахензи, Яболо и двух других мастеров были ошеломлены. Феномен светящейся руки они никогда не видели, но вспомнили камни Мунгонго. Даже Сакамата, искушенный в чудесах "Глаза-в-руках", был поражен и озадачен. В каждом из них пробудилось дремлющее благоговение перед Непостижимым. Залу Зако чувствовал, что его ждет гибель, что Непостижимый вот-вот призовет его к исполнению долга, и это вызывало страх за святотатство, которое он совершил, посещая столь радикальные мысли в недавнем прошлом. Но в Бакахензи зародилось подозрение: как случилось, что Маруфа был выбран в качестве божественного посланника? Но, возможно, говорил настоящий бог или боги! Сомнение заставило его замолчать.

"О братья мои, хотите ли вы, чтобы мы искали голос Непонятного?" - вскричал Маруфа.

"Уф! Ух!" - ворчали чародеи.

Маруфа медленно подошел к ближайшему костру, бормоча заклинание. Из своей набедренной повязки он достал три цифровые кости врага и приступил к определению его местонахождения с помощью геомантии. И вот! Пальцы указывали в одном направлении, которое все могли видеть. Не обращая внимания на напряженное безразличие Бакахензи, старик поднялся и, бормоча заклинания, направился к зарослям травы на опушке подлеска, держа в светящейся руке волшебные кости. Собравшиеся с тревогой наблюдали, как тощая фигура, полусогнувшись, скользит из сияния костров в голубые тени. Небольшое бревно рухнуло, бросив красный отблеск на фигуру, стоящую прямо перед пучком травы, когда Маруфа воскликнула:

"Пусть тот, кто не может быть упомянут, скажет, чтобы его дети услышали!"

[pg 211]

Тотчас же раздался высокий голос, скандирующий:

"Возьми, о Маруфа, мудрый, стручок моей души!"

Тогда на глазах у всех Маруфа, бормоча, склонился на колени и поднялся невредимым. Ни одна конечность, ни один мускул не шевельнулись, пока Маруфа в молчании нес на себе невиданное доселе зрелище: нечто, похожее на камень, с ухом почти такого же размера и с такой же выправкой, как у разъяренного слона, цвета льва, но без шерсти. "Капсулу души"

Маруфа поместил в круг костров, чтобы все видели. Еще больше заклинаний произнес Маруфа, сидя без страха; он ласкал его, как юноша ласкает девуцу, и снова раздался голос Тарума:

"Радуйтесь, о дети мои, ибо придет тот, кому велено!

Радуйтесь, о воины, ибо придет тот, кто поведет вас!

Радуйтесь, о чародеи, ибо придет тот, кто больше вас!

Радуйтесь, о женщины, ибо придет тот, кто оплодотворяет!

Он сожрет ваших врагов, как лев съедает ягненка.

Он заставит ваших мертвецов видеть, а ваши призраки - говорить!

Он даст вашим женщинам родить сыновей от вашего рода!

Он даст вам то, что было убито на холме!

Тот, кто ходит в пламени в ночи!

Тот, кто белее плоти баобаба!

Он явится с тем, что вы ищете!

Он придет, неся то, что принадлежит вам!

Слушайте меня, люди мои, и внимайте слову моему!"

[стр. 212]

"Ough! Ух!" - раздался хор согласных.

Ни одна конечность, ни одна рука не шевельнулась среди толпы воинов и чародеев, пока новый голос, глубокий, как у того, кто приказывает, не воскликнул:

"Пусть сын Кава Кенди, сын Мфунья МПопо, сын МКофо, не двигается; ни он, ни Маруфа, сын Мтунго! Остальным же мы говорим: отойдите, чтобы мы говорили в мире с этим нашим сыном и священником!"

И одновременно появились во мраке подлеска три пары глаз, светящихся, как светящийся червь, огромных, чем у любого человека; а рядом с душами мертвых царей-богов лежали страшные руки. Воины и чародеи, все, кроме Бакахензи и Залу-Зако, буквально понеслись к лесу и деревне, судорожно сжимая и разжимая руки. Залу Зако так и остался лежать на земле, позеленев от ужаса. Бакахензи стоял прямо, его алое перо флюоресцировало в отблесках огня. Гимн леса нарушался только шелестом ветвей и дыханием Залу Зако и Бакахензи. Суровый голос крикнул:

"Уйди, Бакахензи, сын собаки! Чтобы мы не забрали твою душу к себе!"

Глаза, казалось,плыли все ближе, руки угрожающе указывали. Бакахензи замешкался, заколебался, а затем достоинство его позы растаяло в грациозных движениях убегающего леопарда. Даже для профессионального манипулятора призраками такое явление духов, с которыми он, как предполагалось, был в хороших отношениях, было деморализующим. Но на полпути через заросли подлеска, где он уже не мог видеть ужасающих глаз, к нему вернулось мужество.

До его слуха донесся новый голос, скандирующий:

[pg 213]

"Слаще теплого меда запах моего мужчины!

Яростнее скорпионов - хватка его руки!

Белее вспышки копья - блеск его зубов!

Глаже речного камня на ощупь его грудь!

Бакума ликует!"

Сквозь прорехи Бакахензи видел отблеск огня на браслетах Сына Змеи и голубую вспышку на его копье, когда он растворился в стене леса.

[стр. 214]

Глава 20

Видеть наяву духов из страны призраков, о которых до сих пор только слышали, было слишком тяжело для нервов племени, и без того перегруженных свержением идола, магией и резней цу Пфайфера; воины, как испуганные домашние птицы, убежали в джунгли, на деревья, в подлесок и в свои хижины, где трусили среди своих женщин и рабов, читая ужасные знамения и предвестия в каждом звуке леса.

Явление было столь же поразительным и благоговейным для Бакахензи, как и для его самого невежественного дурня. Его вера в страну призраков была неявной, но теперь он увидел то, что, с профессиональной точки зрения, должен был видеть и с чем должен был разговаривать на привычных условиях. Когда Залу-Зако исчез, он продолжал внимательно слушать. Над легким шелестом кустов, когда Сын Змеи пробирался сквозь подлесок, раздался женский смех. От этой сардонической усмешки у Бакахензи сжалась печень, ибо, как известно, демоны-женщины гораздо более злобны, чем мужчины. В течение всего песнопения он оставался на месте: любопытство и страх раскрыть свой ужас перед товарищами подталкивали его к ногам, а страх перед демонами сжимал его за талию. Кроме лесного гимна, призраки больше не издавали ни звука.

[pg 215]

Бакахензи осторожно поднялся, вылез из своего гнезда и с достоинством, насколько это было возможно, направился к костру. Из деревни доносилось слабое хныканье. Бакахензи с удовлетворением отметил, что больше никого не видно. Еще некоторое время он сидел, не сводя глаз и ушей с леса. Затем, набравшись храбрости, он стал размышлять, как ему поступить.

Яболо вышел из-за хижины и, спокойно присев на корточки рядом с Бакахензи, невозмутимо достал нюхательный табак и предложил немного Бакахензи, который с еще большим безразличием принял и понюхал. Неподвижно они продолжали сидеть и молчать. Бакахензи

задавался вопросом, знает ли Яболо, что он тоже сбежал, а Яболо, который знал, ждал первого движения со стороны Бакахензи, чтобы ответить.

Яболо, охваченный такой же паникой, как и Бакахензи, был еще более подозрителен, учитывая услышанные им рассказы о магии Глаза-в-руках. Кто мог знать, не является ли это видение еще одним проявлением Глаза-в-руках? Постепенно Бакахензи стала приходить в голову похожая мысль, только он имел в виду случай с магией Лунного Духа перед лицом его самых храбрых воинов. Чем спокойнее он становился, тем больше склонялся к такому объяснению явлений; оно было для него бесконечно более утешительным, чем предположение, что это действительно были духи из страны призраков. По мере того как сомнения росли, становилась очевидной мудрость умиловитости этого могущественного Лунного духа; но при этом сохранялся страх потерять то, что еще оставалось от его самодержавной власти. Теперь предстояло привлечь на свою сторону белого [pg 216] и найти средства контроля над ним и его магией.

Но для обоих мужчин главным был вопрос: что стало с Залу Зако? Существовало два варианта: если видения были настоящими призраками, то Залу Зако, несомненно, мертв; если же они были вызваны магией белого человека, то, как утверждал Бакахензи, Залу Зако и Маруфа должны быть в союзе с Лунным духом, а Яболо полагал, что Залу Зако был захвачен Глазами-в-руках. Для последнего это означало укрепление решимости перейти на сторону Глаза-в-руках. Если первая версия была верна, то тем сильнее была необходимость в сильной магии, если настоящие призраки стали ходить за границей в явном виде, а второй случай лишь доказывал непобедимую магию Глаза-в-руках. Но реакция Бакахензи была несколько иной, ибо его элементарный разум повел его немного дальше Яболо, указав, что за весь его богатый опыт ни разу духи не принимали облик демонов, так что подозрение, что они были вызваны Лунным духом, стало более правдоподобным и подкреплялось воспоминанием о необъяснимом отсутствии Маруфы и ее внезапном появлении в знакомых духам условиях.

Чем дольше он размышлял над странными действиями Маруфы, тем больше убеждался, что этот хитрый коллега действует на основе достоверной информации, и запутанность его дел привела его в такое отчаяние, что он решил сыграть на этом предположении: маг Бакахензи начал понимать, что Маруфа каким-то образом заработал очко и теперь приближается к решающему моменту, который определит, вернет ли [pg 217] он или потеряет навсегда то, что было для него сутью жизни.

Тем временем оба озадаченных заговорщика сидели неподвижно и молча, словно договорившись, что лучше не задавать никаких вопросов относительно поздних перемещений друг друга.

Соответственно глубине своего суеверия вернулся каждый колдун-знахарь. Когда они пришли, Бакахензи без единого слова объяснения возвысил голос, приказав воинам-мирянам вернуться, чтобы услышать голос старейшин. Успокоенные этим приказом, который далеко разносился по неподвижному воздуху, они начали выходить из хижин и подлеска. Первым прибыл Мьялу, разгневанный тем, что все собрание волшебников сидело, как ни в чем не бывало, и занималось мистическими заклинаниями. Мьялу не убежал далеко и из своей норы видел бегство Бакахензи и уход Залу Зако, но он не посмел предать врачей. Он угрюмо сидел на корточках и ждал, пока остальные воины, многие из которых тоже были свидетелями общей давки, расходились по своим местам.

Когда все собрались, Бакахензи поднял глаза от своего заклинания и велел им выслушать, какое послание факультет - ради очевидной политики он включил в него всех призраков -

получил из страны призраков от трех духов, подчеркнув видение магов как доказательство ужасной силы ремесла. По причине греха, совершенного одним из тех, кто нарушил магический круг, как они все знали, сказал Бакахензи, на них обрушился гнев Непостижимого, позволив воплощению демона, Глаза-в-Руках, творить над ними свою волю и [pg 218] сделать их рабами, как их собак Вамунго; И вот в глубине их бедствий он, Бакахензи, чья магия стала бессильной из-за предательства Невесты Банана, вызвал духов трех, чему все они были свидетелями.

"Ух! Оуг!" - одобрительно ворчали воины, хотя многие из них с недоумением спрашивали, почему сбежали сами врачи. В голове Яболо стало беспокойно. Позволить Бакахензи перевести дух и низвести возможный источник политической власти до уровня злобного демона противоречило его политике, но он не подавал никаких признаков, кроме того, что погрузился в свою табакерку.

Затем Бакахензи продолжил длинную речь о необходимости завершения Брака Банана и объявил, что Залу Зако был взят духом его предков, чтобы подготовить магию к пожиранию ужасных Глаз-в-руках; что, как сказал голос Тарума, Залу Зако вернется с "Тем, что было убито на холме - тем, что вы ищете, тем, что ваше". Хотя Бакахензи не был уверен, к чему относились эти слова, он был достаточно проницателен, чтобы понять, что если Маруфа подстроил эту сцену, то за ней должен стоять какой-то план, и в любом случае знал, как и любой белый знахарь, что слова в мистических формулировках всегда приятны для доверчивых людей, которые толкуют их в терминах своих подсознательных желаний. Затем он с политическим благоразумием избежал любого упоминания неудобных тем, распустив собрание [pg 219] до того, как могли быть заданы какие-либо уместные вопросы.

Но когда Бакахензи удалился в свою хижину, предположительно на ночь, как это сделал до него Маруфа, он опоясался амулетом с желчью убитого в бою врага и коротким копьем и вышел через дыру в заборе, чтобы отвадить духов леса в своей нужде.

В деревне сон не вызвал энтузиазма ни у кого, кроме тех женщин и рабов, которые не знали о великих событиях. В хижине Яболо находились Мьялу и Сакамата. От стариков Мьялу получил много утешений и советов, но так и не узнал, почему волшебники так же быстро убежали от призраков, вызванных их собственной магией, как и миряне. Сакамата авторитетно подтвердил подозрения Яболо, что явления были вызваны магией Глаза-в-руках, и настоятельно посоветовал не терять времени и отправиться к нему с повинной. Яболо уже принял решение, но Мьялу отказался сообщить, когда именно он отправится. Он угрюмо сидел, не говоря ни слова, и в конце концов удалился в свою хижину, где отпустил своих жен и продолжил размышлять.

Страх и ярость, вызванные помазанием воинов для захвата Бакумы, были рассеяны общей паникой, вызванной призраками. После этого Мьялу неосознанно надеялся, потому что ему так хотелось, что погоня за невестой будет прекращена; поэтому возобновление погони Бакахензи вновь возмутило и напугало его. Как и все остальные, он гадал и размышлял над [pg 220] судьбой Залу-Зако и Маруфы. У Маруфы, как он хорошо знал, было черное сердце и два языка; поэтому он с подозрением относился к любым проявлениям, с которыми мог быть связан сын Мтунго. Залу-Зако был богат; возможно, он подкупил Маруфу, чтобы тот совершил волшебство и смог избежать гибели царя-богатыря и бежать в другую страну вместе с Бакумой под защиту Лунного духа. Ревность любовника - такая же мощная движущая сила, как и честолубие. В данном случае она заставила даже Мьялу бросить вызов духам ночи, и в час обезьяны он тоже скрылся во мраке.

И вот, когда узорчатые крыши леса окрасились в робкую зелень рассвета, Мьялу заглянул в ворота заречной избы Лунного духа и увидел там исхудавшего Бакахензи, сидящего на корточках у углей костра в заброшенном жилище. Быстрые глаза Бакахензи, бдительно следящие за призраками и любым движущимся предметом, заметили его, поэтому Мьялу холодно прошел вперед и сел рядом с ним, пробормотав формальное приветствие.

Мьялу обратил внимание на то, как состарилась одежда на территории лагеря, на недавно пробитые колышки для палаток. Теперь он был уверен, что Маруфа и Залу-Зако в сговоре с Лунным Духом. Гнев тлел в его широкой груди. В конце концов Бакахензи небрежно произнес:

"Невеста Банана унесена". Бакахензи сделал паузу, словно взвешивая свои слова, и добавил: "Но ноги духов тяжелы для земли". Миалу хмыкнул. У Бакахензи возникла идея, и примерно в тот же миг у Мьялу родилась другая. Бакахензи, пожелавший узнать о местонахождении Маруфы, Лунного духа и компании, сказал: "Если брак [pg 221] невесты не будет заключен, то сила Глаз-в-руках возобладает". И после долгой паузы: "Кто будет искать Невесту?"

Миалу молчал, прокручивая в голове свою собственную идею. В нем еще оставались следы благоговения и веры в силу и знания Бакахензи, и поэтому его слова, угрожающие триумфом Око-в-руках, уверили и укрепили его цель; ведь он думал, что если ему удастся осуществить свой план, то Око-в-руках непременно восторжествует, как предсказывал Бакахензи. Поэтому он сказал:

"О Владыка Мудрости, дай мне могущественный амулет против сглаза предателей, и я и те, кто последует за мной, разыщем Невесту и приведем ее, чтобы свершилось то, что предписано, и дети Банана восторжествовали".

Миалу поднялся. Вдвоем они отправились в обратный путь в деревню. По дороге Бакахензи попытался польстить Мьялу, притворившись, что вводит его в доверие, уверил его в секретности и сообщил, что сделает так, чтобы стало известно, что Мьялу, сын МБусы, привезет Невесту Банана. Мьялу серьезно согласился. Не доходя до деревни, его зоркие глаза заметили небольшое отклонение от обычной тропы. Сломанные, скрученные и раздавленные листья и натруженные ветки указывали на то, что через заросли недавно прошли два или три человека.

С трудом, так как Вонголо не лесные люди, он пошел по следу полукругом в сторону деревни, и отпечаток ноги в слизи показал след Залу Зако или Маруфы, идущего от костров. Залу [pg 222] хрюкнул, но ничего не сказал ни Бакахензи, ни кому-либо еще. В том, что видение было вызвано магией Лунного духа, он теперь не сомневался, и его оценка могущества Лунного духа возросла до ужаса; однако тлеющая ревность и желание к Бакуме гнали его вперед.

Не успело солнце подняться на два пролета, как Мьялу покинул деревню с двумя сотнями своих последователей, помазанных против магии и духов. Путь от лагеря Лунного духа был похож на слоновью тропу. По нему они шли весь день, пока не вышли к реке у деревни на границе леса. Староста деревни был в отъезде со своим вождем, но женщины, дети и рабы остались. Залу Зако в компании белого человека по имени Лунный Дух, Маруфа, волшебника, и девушки прибыли, взяли три каноэ и ушли вверх по течению на расстоянии вытянутой руки от тени. Мьялу взял все имеющиеся в наличии каноэ и пустился в погоню, оставив остальных своих людей следовать за ним, как только они раздобудут другие каноэ в ближайшей деревне.

Река была небольшой, но глубокой и быстро текла между огромными завесами нависающих деревьев. Когда в подземелье леса сгустилась ночь, они увидели отблески костра. Быстро и бесшумно они высадились, окружили лагерь и, издав боевой клич, бросились наутек.

Но ни Лунного духа, ни Залу-Зако, ни Маруфы они не нашли - только Бакуму с дюжиной носильщиков вамунго. Даже унылое карканье птицы Барото не смогло заглушить облегчения и радости Мьялу. На следующее утро он отправил тайного гонца в Яболо, [pg 223] назначил встречу в одной из деревень и с плачущим Бакумой в своем поезде отправился искать остатки своей судьбы в лагере Глаза-руки.

[pg 224]

Глава 21

В деревне Бакахензи царило недовольство.

Дезертирство Сакаматы, Яболо и трех вождей подтвердило его подозрения в отношении непокорного священника. О том, что Сакамата проповедовал открытую смуту, он знал, но Бакахензи находился в положении многих президентов или премьер-министров: он боялся поставить под угрозу собственное положение, если бы преступник был оперативно устранен. Это предательство, совпавшее по времени с тем, когда Миалу должен был либо вернуться, либо прислать гонца, означало еще одну серьезную ошибку. Все, что он смог собрать, это то, что Мьялу вернулся через деревню у реки с девушкой Бакумой, несколькими пленниками и частью снаряжения белого человека, направляясь на северо-восток; но никто, очевидно, не видел ни Залу Зако, ни Маруфу, ни белого человека.

Бакахензи не мог найти правдоподобную теорию, объясняющую, почему Мьялу похитил Бакуму, который не мог иметь для него никакого политического значения, отправляясь в Глаза-в-руках, а скорее нанес бы ему серьезный ущерб перед остальными членами племени за святотатство, связанное с похищением Невесты Банана. Каким бы проницательным судьей своих соплеменников он ни был, возможность любовного мотива никогда не приходила Бакахензи в голову. Доминирующая страсть к конкретной женщине была редкостью в туземном мире; привлекательных жен или наложниц выбирали и [pg 225] покупали, как покупают козу или быка. Бакума, в качестве жертвы, была для него просто красивой девушкой, выбранной Маруфой для оргии на празднике урожая.

Бакахензи был в смятении. Он боялся, что у него не хватит полномочий предотвратить дальнейшее дезертирство; он не знал, как далеко проникла пропаганда Сакаматы; он не мог предположить, что собираются предпринять Залу-Зако, Маруфа и белый человек. Как и многие мудрые государственные деятели до и после него, он принял политику "выждать и посмотреть". Чтобы отвлечь своих избирателей и не дать им слишком много думать, он позаимствовал другую политическую тактику, заключающуюся в том, чтобы энергично издеваться над кем-то. Он созвал собрание преподавателей и воинов. Там он торжественно осудил Миалу как предателя и обвинил его в похищении Невесты Банана, а значит, и в продолжении несчастий племени.

Ход оказался удачным, поскольку в течение целых двух дней велись дискуссии и утихал гнев. Различные вожди предлагали столько же планов. Но ни один из них не был принят. Все были недовольны и ссорились, боялись Глаза-в-руках не меньше, чем своего племенного бога;

многие были впечатлены пропагандой Сакаматы и Яболо и безнаказанностью, с которой Яболо, Сакамата и компания спокойно перешли на сторону врага. Тем временем Бакахензи сидел на корточках в оракульном молчании, торжественно и искренне бормоча заклинания, которые были молитвами к Непонятному, перемежающимися обещаниями того, что он совершит для этого божества, ибо он чувствовал, что результат интриги Маруфы [pg 226] с магом Лунным Духом созреет очень скоро. Что это будет, он не имел ни малейшего представления; он только напрягал все нервы, чтобы быть начеку, когда наступит критическая ситуация, и вырвать у Маруфы то преимущество, которое получил этот хитрый старик.

На третий день вслед за Яболо отправились еще два вождя. Бакахензи ничего не прокомментировал, но он понимал, что скоро, если не произойдет неизвестного, он не сможет удержать ни одного из своих последователей; понимал, что его единственный шанс заключается в промедлении. В отчаянии он начал подумывать о союзе с Маруфой, даже если ему придется занять подчиненную роль - это, во всяком случае, даст ему единственного союзника, время, чтобы помочь одолеть своего коллегу.

На следующий день в путь отправился еще один вождь со своими людьми. Бакахензи понимал, что они подобны стаду козлов и что для того, чтобы остановить бегство, он должен пойти на отчаянные меры. Чтобы подавить беспокойство, зловеще рокотавшее по всему лагерю, он созвал очередное собрание, как только пришло известие о последнем дезертире. Пока барабан отстукивал призыв, Бакахензи сидел в одиночестве и бормотал свои самые впечатляющие заклинания, пытаясь найти благовидный предлог для какого-нибудь волнения, чтобы отвлечь общественное мнение.

Медленно и угрюмо остальные братья по ремеслу и те светские вожди, что остались, собрались в кругу костров. Присев на корточки в установленном порядке, они с сомнением и неприязнью смотрели на фигуру Бакахензи в красных и зеленых перьях, бормочущего заклинания. Бакахензи казался им символом падшего бога и прошлого режима, бессильного и такого же ошибочного, как и они сами. В каждом из них, как сорняки под тропическим дождем, росли подозрения и опасения, что он совершил ошибку, не умиловившись вовремя нового бога, - импульс, которому потребовалось всего несколько часов, чтобы побудить их отправиться на северо-восток вслед за Сакаматой и остальными.

Пока они молча наблюдали за происходящим, Бакахензи понимал, как они настроены по отношению к нему, и все больше озадачивался поиском развлечения, достаточно стимулирующего, чтобы отсрочить последствия их недовольства. Постепенно он решил, что в нынешней атмосфере было бы неразумно получать еще какие-либо сообщения от Тарума. Мысль о том, чтобы с помощью предсказания назначить Бакуму невестой Банана и тем самым дать повод для пира, поскольку теперь не было ни одного Яболо, который мог бы возразить, была отброшена, поскольку такая оргия была уделом исключительно ремесла и могла привести в ярость светских вождей.

Находчивость подсказала ему способ. Внезапно он издал пронзительный вопль и повалился набок, как человек, собирающийся получить сообщение от Тарума; но вместо привычных судорог, криков и стонов он лежал неподвижно и молча. Это отклонение от обычного хода событий отвлекло внимание зрителей.

Костры мерцали и танцевали под гимн насекомых, пока он двадцать минут или больше лежал как мертвый. Но при первом же шорохе, вызванном невниманием врачей, он поднялся с закрытыми глазами и громким голосом воскликнул:

"То, что есть и должно быть, будет!"

Интуитивно он следовал завету знахарей всего мира - ничего не говорить так, чтобы можно было вывести столько толкований, сколько есть слушателей. Каждый врач и [pg 228] вождь, соответственно, видел в этих мистических словах, как Маруфа в случайной фразе Лунного Духа, то, к чему его больше всего призывали. Бакахензи выполнил свою временную задачу. Он снова воскликнул:

"Пусть дети Банана будут как дикая кошка в рыбном бассейне, чтобы сбылось то, что я предсказал!"

Зарядив воздух знакомым предчувствием магических действий, он захватил зрителей и заставил их выкрикнуть обычное согласие. Бакахензи снова начал бормотать заклинания. Он знал, что предотвратил непосредственную опасность по крайней мере еще на одно солнце, а может быть, и на два. Теперь оставалось только ждать и смотреть. Но у Бакахензи, как и у всех великих людей, была заметная жилка удачи, которая следует за смелыми. Даже когда они сидели на корточках, основательно настроившись на получение чуда, среди листвы слышался шорох. Все головы повернулись, чтобы еще раз увидеть во мраке мистический блеск глаз, когда голос Маруфы воскликнул:

"Да будет новый огонь!"

Из пещеры в подлеске появился белый человек, несущий на плечах ношу, которая, когда он, пошатываясь, вступил в сияние костров, показалась ему похожей по форме на сожженного идола. Тогда Бакахензи вскочил на ноги, одним махом вернул себе лидерство и сковал своего опаснейшего врага, громко провозгласив:

"Вот! Носитель Бремни Мира, как и предсказывал Бакахензи!"

И когда Бирнир поставил идола, от воина и чародея, с заявлением главного знахаря [pg 229] "То, что есть и должно быть, будет", раздался глубокий рокот принятия нового Царя-Бога потерянной Усакумы, Воплощения Непостижимого.

[стр. 230]

Глава 22

Во влажной жаре полдня небольшие холмы форта Эйтель, как цу Пфайффер переименовал Место Королей, в центре изрезанных банановых плантаций, напоминали чесоточные прыщи на бритом участке зеленой головы, кипящей от паразитической деятельности.

Через реку вброд перешел морщинистый Бакума в сопровождении носильщиков и рабов Мьялу, который вместе с Яболо шел поклониться Глазастому, находящемуся под защитой Сакаматы. Бакума не испытывала никакой радости от перспективы увидеть свой старый дом; горький вкус олеандра был у нее во рту, когда она шла, уныло опустив голову.

Но грудь Миалу наполнилась песней сверчка. Ужасы, преследовавшие его на протяжении всего пути, - быть схваченным магией Бакахензи или его посланцами за святотатство кражи Невесты Банана, - стали рассеиваться по мере приближения к деревне, где теперь обитал новый бог, более могущественный, чем все остальные, у которого он собирался получить защиту, почести и, кстати, слоновую кость, которую его встревоженные глаза все еще видели в хижине. Но когда они вырвались с внешней банановой плантации, из груди Яболо и Мьялу вырвался мощный вопль при виде полуразвалившейся улицы больших хижин посреди запустения.

"Эх!" - воскликнул Сакамата, - "разве путь [pg 231] могущественного человека не более прекрасен, чем путь того, кто ушел? Вот, он строит город, подобный городу своего народа, город богов!"

Но у Мьялу не было повода для восхищения, ибо для него мнимая красота этого города была затуманена тем, что его собственные хижины представляли собой почерневшие руины. В следующий миг Мьялу, несмотря на все свое достоинство, вздрогнул, когда один из тех, кто в униформе следил за кашляющими чудовищами, рявкнул на них магические слова.

Сакамата ответил. Яболо и Мьялу напряглись, заметив, как он передернул плечами, торопливо пошарил в набедренной повязке и достал кусок твердого вещества цвета голубой глины с магическими знаками на нем. Демон гаркнул, чтобы они продолжали, словно разговаривая с рабом. За ним последовали остальные члены каравана. Когда Бакума проходила мимо, демон в форме, стоявший с мечом и семиголосым оружием на плече, оскалился и, хрюкнув на незнакомом языке, шагнул вперед и крутанул ее за плечи. Бакума вскрикнула от ужаса, а носильщики испуганно задыхались. Мьялу и Яболо повернулись. Шрам на лице Мьялу подергивался от ярости, когда он поднимал копье. Но Сакамата вцепился в его руку, когда солдат, ухмыляясь, поднял винтовку в их сторону. Бакума побежал дальше. Мужчина рассмеялся и, повернувшись к ним спиной, прокричал что-то, чего Вонголо не смог понять.

"Эх! - возмущенно прокомментировал Сакамата, - собака наелась ядовитой травы! Мы передадим его слова Глазастому, и его будут бить, пока он не захмелеет".

Мьялу, слегка успокоенный этим обещанием отомстить, молча шел дальше, недоумевая и негодуя, удивляясь [pg 232] этим странностям в лагере нового бога. На большом открытом пространстве, напоминающем площадь, стояла большая недостроенная хижина: гостевой дом, как сообщил им Сакамата, для тех, кто искал аудиенции у Непобедимого. Пока они сидели на корточках на полу и терпеливо ждали, когда солнце в назначенное время окажется на расстоянии двух ладоней от холма, раб из племени вамунго принес им еду и пиво. Зу Пфайфер тщательно следил за тем, чтобы подчеркнуть классовое различие. Сакамата должным образом рассказал о щедрости Глаза-в-руках, о чудесных делах и присутствии; но его слова были встречены несимпатичным молчанием, ибо происшествие на дороге задело достоинство и вождя, и знахаря, вызвало смутные опасения и предчувствия.

Наконец в раскаленном воздухе раздался странный звук. Сакамата объяснил, что это сигнал к тому, что Глаза-в-руках принимают своих гостей. Оставив Бакуму сидеть на корточках в привычной для нее летаргии, трое медленно поднялись на священный холм, восхищаясь черным треугольником крыши нового храма, с затаенным подозрением глядя на сверкающую латунь кашляющего чудовища в больших воротах и с тревогой наблюдая за двойной шеренгой дьяволов в форме с пылающими на солнце штыками, которые выстроились у зеленого дворца Глаза-в-руках.

По обе стороны от дверей палатки стояли два самых высоких человека в роте - угольно-черные фигуры, возвышавшиеся над более стройными Вонголо, жесткие и молчаливые, как деревья. Через эту страшную стражу прошел Сакамата, ведя за собой двух своих соотечественников, уже ошеломленных и впечатленных. Сразу же внутри Сакамата [pg 233] упал на колени. Перед ними в конце палатки сидел цу Пфайфер в полном облачении своего полка, в каске с плюмажем, в мундире с пиджаком и с мечом, а рядом с ним - два сержанта Шульц и Людвиг в полной парадной форме. Над ними полыхали красные, белые и черные цвета, а посередине - еще один всплеск красок. Но прежде чем это видение успело проникнуть в их мозг, раздался голос Сакаматы, приказавшего им встать на колени. Ошеломленные и потрясенные, они повиновались. Затем раздался голос, сказавший:

"Встаньте, подойдите, о вожди!"

Соответственно, они встали и, следуя за Сакаматой, вышли вперед и присели на корточки, их взоры были прикованы и удерживались теми мириадами отблесков магических "глаз" на руках и запястьях. Затем переводчик, стоящий во всеоружии, без умолку произнес такую речь:

"Приветствую вас, дети Банана! Глаза-в-руках, который известен людям, где восходит солнце, как Пожиратель Людей, пришел издалека, посланник более великого, чем он, Владыки Мира, Землетрясения, Мирового Трепета, который пожирает то, что ему угодно, чьи глаза видят все вещи, чей меч убивает все, чье дыхание - дождь, чей голос - гром, чьи зубы - молния, чей хмурый взгляд - землетрясение, чья улыбка - солнце, чье ухо - луна, чьи глаза - звезды, чье тело - мир! Взгляните на одну душу того, кого он послал, чтобы вы могли поклоняться ему и познать его!"

Зу Пфайфер поднял украшенную драгоценными камнями руку над плечом, когда мужчина замолчал. Из многообразия красок перед непривычными глазами туземцев медленно вырастали форма и лицо белого человека, столь же странно одетого, как и [pg 234] Глаза-в-руках, обвешанного амулетами и чарами на груди. Четыре минуты, судя по наручным часам, цу Пфайфер сидел молча и так же застыл, как и его сержанты; затем он тайно дернул за веревочку.

"Эх!" - невольно хмыкнули Яболо и Мьялу, ибо перед ними появились, как и говорил Сакамата, две души каждого из присутствующих. Ошеломленные таким проявлением магии, они медленно поворачивались от одного к другому. И так же бесшумно, как и появились, видения исчезли.

"О сын Мианы, расскажи историю овладения этими твоими друзьями и союзниками", - приказал цу Пфайфер.

Сакамата повиновался. Но когда он назвал примерное число последователей Мьялу, количество его волов и коз, число прекрасных и маленьких бивней, число жен, наложниц, детей и рабов, глаза Мьялу стали беспокойными. Если бы он знал, что от него потребуют отчета, он бы подсчитал половину от действительного количества, но, чтобы произвести на Сакамату впечатление своей значимости, он преувеличил почти вдвое все, чем когда-либо владел. Затем, когда Сакамата приступил к выполнению той же услуги для Яболо, рассказав, по договоренности с родственником, о трети его владений, Мьялу заметил в углу человека, занимающегося магией на столе, туземного клерка, ведущего счет; цу Пфайфер вел точный учет предполагаемого имущества каждого вождя, переданного Сакаматой и подтвержденного с молчаливого согласия этого вождя, так что, когда впоследствии обнаруживалось какое-либо расхождение со списком, вождь оказывался лжецом и

подвергался наказанию в виде дальнейшей конфискации как таковой, что служило [pg 235] также для укрепления репутации всезнания Глаза-в-руках.

В конце перечисления имущества Мьялу велели, а не попросили, склонить голову до земли в знак верности. Он повиновался с недоумением, которое сменилось яростью, когда ему сообщили, что треть его имущества должна быть отдана августейшему существу до задержки одного солнца; что он должен быть готов по первому зову привести определенное число воинов; и что его маленький и единственный сын должен быть немедленно помещен в "деревню сыновей вождей" в качестве гарантии послушания и хорошего поведения.

В тумане испуга, гнева и благоговения он сидел неподвижно. Сакамата принялся рассказывать о делах Залу Зако и тех, кто остался ему верен. Зу Пфайфер располагал довольно точными сведениями от шпионов о передвижениях вонголо после возвращения сержанта Людвига, который сжег деревню Ягоньяна, но нехватка людей и серьезные неудобства, связанные с прохождением и сражением в лесу, не позволили ему отправить еще одну карательную экспедицию. Кроме того, он слышал о белом человеке, который прошел через эту страну. Сакамата, похожий на туземца, стремясь задобрить, утверждал, что действительно видел белого человека, которого называли Лунным духом, и из тех же побуждений, желая польстить, утвердительно заявил, что он совсем не владеет магией, темный, маленький и торговец - единственный вид белого человека, кроме военных в Ингонии, которого Сакамата когда-либо видел.

Зу Пфайфер погладил свой левый ус и задумался. Сначала он решил, что этот человек, возможно, Сондерс, торговец, который находился у него на жаловании, но теперь [pg 236] решил, что это, скорее всего, какой-то новый торговец или охотник из района Танганьики. Он велел Сакамате послать гонца к этому белому человеку и приказать ему немедленно явиться к нему. Затем, повелительно взмахнув украшенной драгоценностями рукой, он отпустил их. Но, заметив угрюмое выражение лица Мьялу, он привлек внимание сержанта Шульца, приказав ему отметить этого человека и, если налог не будет уплачен быстро, дать ему пятьдесят ударов плетью. Шульц молча отдал честь.

И вот Мьялу, надутый, пылающий гневом на Сакамату, ибо чувствовал, что его предали и заманили в ловушку, вышел вслед за Яболо на солнце. Ему не только не вернули оставленную в деревне слоновую кость, но и приказали заплатить гораздо больше, чем он имел на самом деле.

Но когда он спустился с холма к гостевому дому, к нему пришли на плач и причитания его люди, которые сообщили ему, что Бакуму забрали троих демонов-хранителей кашляющих чудовищ.

[стр. 237]

Глава 23

На месте старого лагеря Бирнира в лесу стоял высокий частокол, построенный от дерева до дерева. Внутри ворот рядом с небольшой конической хижинкой горели священные костры, за которыми ухаживал Мунгонго; перед зеленым холщовым шатром стоял новый идол, отличавшийся от оригинала лучшей перспективой и пропорциями черт и тела, но не

имевший той мастерской выразительности, которую придают подсознательные пальцы туземного художника.

У стены были сложены ящики с униформой, образующие стол, на котором стояли ручное зеркало и предметы туалета; сверху на холсте была приколата фотография Люсиль. На походной кровати, укрытый москитной сеткой, лежал новый Король-Бог, Лунный Дух, с волшебной книгой в руках.

"Короли, принцы, монархи и магистраты кажутся самыми счастливыми, но загляните в их владения; вы обнаружите, что они больше всего обременены заботами, находятся в вечном страхе, муках, подозрениях, ревности, что, как он (Valer. i. 7, с. 3) говорит о короне, если бы они только знали, какие недовольства сопровождают ее, они бы не опустили до того, чтобы поднять ее. *Quem mihi regem dabis* (говорит Златоуст) *non curis plenum?*".

Воплощение Непостижимого улыбнулось, [pg 238] отложило книгу и посмотрело на фотографию.

"И при этом они все еще говорят о преимуществах монархии!" - прокомментировал он.

Согласно первоначальному плану, придуманному Маруфой и Залу-Зако в лесу при изготовлении нового идола, Бирнье должен был стать главным колдуном, а Залу-Зако - помазанным королем-богом, с Маруфой в качестве властителя трона. Хотя Залу-Зако и желал освободиться от ига, его протест был подавлен чувством фатальности, а обещание Маруфы, данное по предложению Бирнье, снять с божества табу на секс окончательно заглушило его. Но неосторожность Маруфы, позволившая белому нести идола, а также идея придать Лунному духу больший авторитет в соответствии с пророчествами Тарума позволили Бакахензи совершить государственный переворот - передать божество белому и восстановить собственное положение.

У Бирнье, по правде говоря, было мало вариантов для отказа, равно как и мало времени для размышлений над ситуацией, возможность которой не приходила ему в голову; ведь Маруфа полностью перехитрил своего соперника, а уверенность в спасении от гибели, предложенная Бакахензие, оживила образ Бакумы в Залу-Зако и мгновенно купила его партизанскую поддержку.

С наполеоновской быстротой ухватившись за полученные преимущества, Бакахензие изгнал светских вождей из священного присутствия, которое он окружил телохранителем из потрясенных братьев; изгнал домочадцев из комплекса Залу Зако и увел воплощение, несущее нового бога, в священное уединение.

Ошеломленные стремительностью движений Маруфа и [pg 239] Залу-Зако были отделены от Лунного Духа. В общей неразберихе, не понимая, что именно происходит, Бирнир соблюдал, как ему казалось, правила, касающиеся богов. Но когда он понял, что его собираются оставить одного, он вцепился в Мунгонго и отказался с ним расстаться. Бакахензи, вынужденный избегать промедления, прежде чем укрепить свое положение, мгновенно заключил Мунгонго в ту же паутину, объявив его Хранителем Священных Огней, и таким образом избавился от любого агента, выходящего за рамки табу или ремесла. Как только это

было сделано и был дан приказ устроить танец в честь зажжения новых костров, хитрый главный знахарь подошел к Маруфе, который, понимая, что его безнадежно обманули, стремился заключить самые выгодные условия.

Бирнир знал, что Царь-бог не допускается к населению, кроме как на праздник урожая, но принял свою изоляцию философски, соблазненный ожиданием секретов, которые ему предстояло узнать, хотя любопытство иногда приводило его к видению бога, подглядывающего через забор.

Пока барабаны, созывающие совет вождей и магов, гулко разносились по влажному воздуху, к Бирнье, сидящему на корточках на полу в хижине Залу Зако с Мунгонго рядом, пришел Бакахензи, чтобы проинструктировать его о его роли. Чтобы еще больше разжечь свое любопытство, он узнал, что с момента появления в воротах священного загона для церемонии зажжения королевских костров каждое движение тела и речь регулировались так же строго, как этикет испанского двора. По сигналу главного знахаря царь-бог должен был выйти из хижины и [pg 240] появиться из-за идола; с руками в определенном положении он должен был подойти и присесть на корточки в точно указанном месте. Мунгонго получил в свое распоряжение две огненные палочки, только что освященные.

Когда главный знахарь удалился, начались песнопения. Заинтересованный в том, что должно произойти, Бирнир подчинился в духе игры. Так в теплой темноте они и сидели на корточках вдвоем, слушая песнопения, крики и стоны под аккомпанемент барабанов и лир и вечное щебетание леса. Наконец раздался яростный вой Бакахензи, который Мунгонго объявил своим сигналом.

Обойдя круг ограды, чтобы избежать взглядов зрителей, Мунгонго побежал к временному месту костров. Чувствуя себя так, словно он снова играет в любительском драматическом кружке, Бирнье с грозным достоинством вышел из хижины, прошел мимо идола и занял свое место на заколдованном месте. За палисадом и внутри него в правильном порядке расположились ряды магов и вождей, причем Залу-Зако, скорее благодаря престижу своей былой святости и нерешительности в отношении того, каков его статус на самом деле, сохранил за собой место во главе их.

Усевшись на корточки перед большим калабашем на огне, Бакахензи закончил бормотать заклинания над священными ингредиентами и, вскочив на ноги, начал дикий танец под стук барабанов и диафрагмальный хор собравшихся культивистов.... Все быстрее и быстрее кружился главный знахарь. Отблески костра окрашивали его бронзовое тело в зеленые и красные тона, когда он входил и выходил из тени. Внезапно он бросил в костер горсть трав, которые тут же окутались облаком дыма, [pg 241] в котором с воплем исчез Бакахензи.... Барабаны и хрюканье прекратились. Затем в клубящемся голубом столбе появилась его фигура, держащая что-то в руках. Под дикий грохот барабанов и стоны он бросился к избранному Царю-Богу, помазал его грудь и плечи пахучей смесью и пустился в новый танец, а Мунгонго в это время раздувал две огненные палочки. Когда искра проскочила по сухому огню и замерцало первое пламя, Бакахензи упал ниц перед воротами, а волшебники подняли крик:

"Огонь зажжен!"

И от массы воинов и людей, запертых в своих хижинах за внешним палисадом, эта фраза отозвалась могучим воплем, заставившим обезьян и попугаев так же дико воскликнуть о новом Короле-Боге.

Бакахензи, встав на дыбы, начал песнопение в честь нового короля - песнопение, основанное на песне, сочиненной Маруфой и повторенной на фонографе, но обладающее еще более странными достоинствами и атрибутами. До первых проблесков рассвета сквозь лесную крышу Бирнье сидел на корточках, неподвижно, как того требовал этикет, и с жадным интересом и наблюдением слушал странный хвалебный псалом.

Внезапно, под яростный грохот барабанов, Бакахензи, Маруфа и еще один из внутренней секты пятерых, кто не дезертировал, во главе тела врачей вбежали в священную ограду, схватили испуганного короля и поволокли его к основанию идола, где, повинаясь шепоту Маруфы, он снова взвалил идола на плечи и, ведомый Бакахензи, вышел из ворот и [pg 242] через деревню под вопли и крики волшебников, некоторые из которых, согласно прецеденту, бегали, визжа и громыхая дверями хижин, дергая за сучья и свирепо заывая в поисках любого святотатца.

Когда он топал со своим грузом, Маруфа крикнул ему на ухо, что он должен нести Бремя Мира, что бы с ним ни случилось, ибо если он позволит идолу упасть, то будет убит на месте, чтобы спасти небо от падения. Задумавшись, что это значит и куда он идет, он остановился, когда на его ногах затрещали ремешки. Тут же раздался страшный крик:

"Носитель мира споткнулся! Айе! Айеееееееее!"

Несмотря на яростную порку, интеллектуальный интерес к этой странной концепции отвлек его разум от боли ударов; кроме того, его обнаженная спина была защищена идолом, а леггинсы и штаны смягчали удары. Еще мгновение он колебался. Но он был безоружен и добровольно ввязался в эту авантюру, так что он доведет ее до конца. Когда он перешел на шаркающий бег, потому что идол, к счастью, оказался легче предыдущего, а сам он был более сильным человеком, чем Кава Кенди, по деревне разнесся вопль радости и облегчения.

Так что по старой лесной тропе он шел так быстро, как только мог, слегка помогая волшебникам переползая через заросли. Как только они вышли за пределы деревни, интенсивность порки уменьшилась, но все равно время от времени злобные удары свидетельствовали о присутствии какого-нибудь набожного доктора. Так белый Царь-Бог взошел [pg 243] свой трон и, усевшись на ложе, улыбнулся размышлениям меланхоличного философа.

Пока все хорошо, размышлял Бирнье, хотя вынужденная изоляция и строгое ограничение его действий уже начали надоедать; но для достижения столь трудной цели необходимо идти на жертвы, рассуждал он философски.

Королевская кладовая, с благодарностью заметил он, была хорошо укомплектована. Каждый день появлялся раб, оставлявший прямо у входа цыплят, бананы, молоко и свежую воду, а иногда и молодого козленка. Все эти продукты, которые он случайно взял с собой в лес и таким образом избежал мародерских рук Мьялу, были помещены в его палатку вместе с другими ящиками, как по мановению волшебной палочки.

В течение трех дней он оставался в полном одиночестве. Звуки барабанов и песнопений из далекой деревни доносились до них по неподвижному воздуху, но что они делали, он не мог узнать. Никому из мирян не разрешалось приближаться к священной ограде. Пока он прогуливался, покуривая и конституируя вокруг своего "загона", как он выразился, несколько меньших волшебников появились и встали на расстоянии от ворот, глядя на него. Когда к ним обращались, они ничего не отвечали. Во второй раз он начал раздражаться, но

сохранил самообладание и укрылся в палатке, бормоча: "Какого дьявола они не принесут мне булочек?"

На четвертый день терпение начало лопаться. Он не знал, как долго продлится карантин. Он уже собирался пойти узнать, но Мунгонго так убедительно просил, чтобы их [pg 244] немедленно убили, что он отказался. Тогда Бирнье удалился в палатку, чтобы найти утешение в записи голоса Люсиль.

Бирнье попытался допросить Мунгонго, чтобы выяснить, в чем причина такой изоляции, но кроме того, что посторонним никогда не разрешалось смотреть на Короля-Бога, даже мирским туземцам, без особой магии, которая совершалась только раз в год на Праздник урожая, чтобы не навлечь на его персону зло и не подвергнуть мир опасности, Мунгонго ничего не знал; он лишь сказал, что так оно и есть. Какую власть над главным знахарем имел король, Мунгонго не имел ни малейшего представления. Король-бог был самым могущественным из всех известных магов, утверждал Мунгонго. Разве не он вызывает дождь и не он несет мир на своих плечах? Когда Бирнир неразумно отрицал этот подвиг, Мунгонго сделал страдальческий вид и начал было возражать, но остановился перед именем Лунного Духа, чтобы спросить имя отца Бирнира.

Мысленно представив себе красивого беловолосого плантатора и бывшего владельца множества рабов, Бирнье улыбнулся, но он знал табу, запрещающее называть имена умерших, и предполагал, что он, вознесшийся на божественный план, причислен к усопшим. Он вспомнил, что старика, принадлежавшего к кадетской ветви роялистской семьи, называли "маркиз", чем он очень гордился. Бирнье перевел на диалект наиболее близкое к реальному значение этого титула: "Властитель многих земель".

"Сын Владыки Человеческих Земель, - продолжал довольный Мунгонго, - только и делает, что щекочет ноги своей рабыни".

[pg 245]

На пятый день после полудня, когда бог был поглощен лечением любовного безумия, которое, как он размышлял, могло бы быть полезным для цу Пфайфера, раздался голос без крика:

"Сын Малико хочет поговорить с Господом, Носителем мира!"

Бирнье взглянул на фотографию Люсиль.

"Ну и работенка мне досталась!" - заметил он, поднимаясь. В воротах сидел Бакахензи. Бирнье ощутил идиотский порыв броситься вперед, чтобы поприветствовать его как старого и давно потерянного друга. Но, помня о достоинстве своего божества, он остался стоять в дверях палатки, велел главному знахарю пройти вперед.

Бирнье отошел назад и сел под сетку, потому что комаров было столько же, сколько в заливе Баратария. Мунгонго, возможно, чтобы доказать свою эрудицию, присел на один из ящиков, содержащих много волшебных предметов, на что Бакахензи с пола в дверном проеме посмотрел косо. Бирнье очень хотелось узнать, что происходит с судьбой племени, надеясь, что с восстановлением Непонятого они вернутся к своей верности. В соответствии с этикетом он молчал, ожидая, пока Бакахензи начнет разговор, но, осознав, что он бог, а главный знахарь делает то же самое, быстро задумался и, желая произвести впечатление, повторил мистическую фразу Бакахензи, которую он подслушал, скрываясь в джунглях перед развязкой:

"То, что есть и должно быть, то и будет!" Бакахензи с ворчанием признал всю глубину этого высказывания. "Тот, кто хочет поймать леопарда в ловушку, должен вырыть яму!" Еще одно бескомпромиссное молчание [pg 246] побудило Бирнье немного ускорить шаг: "О сын Малико, что говорят предзнаменования и знаки злодея, Глаза-в-руках?"

"Когда Непонятный вернется в Царское место?" - спросил Бакахензи.

"Святой не возвращается в назначенное место, пока не будет удалено то, что оскверняет его", - ответил Бирнье.

Бакахензи выпил нюхательный табак и, казалось, задумался. Затем он обвел взглядом шатер, словно в поисках чего-то.

"Когда же голос Тарума заговорит через капсулу души?"

Мунгонго с ожиданием посмотрел на него и встал. Но Бирнир не обратил на него внимания.

"Плод не упадет, пока не созреет. Он должен знать, что сделали его рабы, чтобы приманить нечистого к яме".

"Неужели маг, пришедший из-за моря, станет притворяться, что слон - это мышь?" - поинтересовался Бакахензи.

На мгновение Бирнир был озадачен; затем он понял, что главный колдун намекает на то, что он, как царь-бог, издевается над своим жрецом, притворяясь, что не знает всего на свете.

"Разве главный знахарь творит волшебство, чтобы вылечить царапину у девушки из соломенной хижины?" - ответил он. "Чтобы сердце твое не увяло, как опавший лист, знай, что душа Тарума произнесла слова о возвращении Неизвестного в Царское место, но чтобы его дети не были как загнанные собаки в деревне, он хочет, чтобы ты приготовил яму для ловли оскверненного [pg 247] одного". Глаза Бакахензи неподвижно смотрели на стену шатра. "О сын Малико, послал ли ты звук барабана по всей земле, чтобы дети узнали о Пришествии?"

"Когда же голос Тарума заговорит через капсулу души?" - настойчиво требовал Бакахензи.

Бирнир сидел неподвижно, как подобает туземцу. Раздраженный этим детским упорством, с которым он, по-видимому, отстаивал свою идею, он поддался порыву, который был почти слабостью.

"О сын Малико, - сказал он, - ты могущественный маг!" Бакахензи скромно потупился. "Как и я". Еще одно ворчание. "Дай мне уши твои и глаза твои, чтобы я открыл тебе то, что известно могущественнейшему из магов". Приказав восхищенному Мунгонго принести фонограф, он продолжил: "Ты слышал о могущественных деяниях нечистого пожирателя людей, Глаза-в-руках. Я обладаю магией, подобной которой человек никогда не видел. Не так ли?"

"Да!"

"И все же сын Владыки Человеческих Земель заставит тебя увидеть то, что есть, но не есть!"

"То, что есть, не есть", - повторил Бакахензи, чей профессиональный ум был доволен этой фразой.

Стремясь рационально объяснить загадку фонографа и отчаявшись в попытках описать законы вибрации, Бирнье искал подходящее уподобление. Ободренный почти незаметным фактом, что он пробудил видимый интерес Бакахензи, он продолжил: "Внутри этого куска

дерева нет ничего, кроме множества кусков железа, из которых сделаны ваши копья. Ты знаешь, что у реки и в скалах есть [pg 248] места, где человек может говорить и что его слова вернутся к нему. Разве это не так?"

"Это белые слова, о сын Владыки Человеческих Земель!" - ответил Бакахензи. "Ибо духи реки и скал насмеваются над голосами тех, кто не ел священного банана" (непосвященных).

"Но они насмеваются и над твоим голосом", - возразил Бирнье.

"Разве в стране призраков нет козлов, которые блеют на волшебника и крестьянина?"

"Клянусь Господом!" - пробормотал Бирнир, хотя маска на его лице не изменилась. "В стране призраков полно козлов, если верить некоторым современным знахарям! И все же демонстрация..."

"Ты видишь, друг маг, - продолжал он, - стручок души могучего Тарума, его ухо как у слона, его цвет как у льва!" Бирнье вылез из москитной сетки и опустился на колени возле фонографа перед Бакахензи. Сняв трубу и держатель цилиндра, он открыл внутренности, обнаружив мотор с часовым механизмом, завел его, остановил и отпустил. "Глаза твои видят, что слова мои белы. Эти вещи - лишь куски металла для копий твоих. Не так ли?"

"Ух!"

Бирнье закрыл машину, настроил трубу и поставил цилиндр с записью Маруфы.

"Айе! Айе! Я дух Кинту!

Айе! Айе! Я тот, кто был первым!"

скандировала машина.

Бирнье, заметив, что желаемое изумление было [pg 249] зарегистрировано почти бесстрастным стартом, остановил машину и сменил запись.

"Радуйтесь, дети мои, ибо придет тот, кого просят!

Радуйтесь, о воины, ибо придет тот, кто поведет вас!

Радуйтесь, о волшебники, ибо придет тот, кто больше вас!

Радуйтесь, о женщины, ибо придет тот, кто оплодотворит!"

Бирнир позволил машине прокрутить песнопение до конца:

"Он придет, неся то, что вы ищете!

Слушайте, люди мои, и внимайте слову моему!"

Машина зажужжала и остановилась. Бирнье повернулся к Бакахензи.

"Видел ли ты, о брат мой маг, что слова мои белы?"

"Ух!" - согласился Бакахензи.

"Видел ли ты, брат мой маг, что по воле моего пальца на том, что сделано лишь из наконечников копий, заговорил голос Тарума, голос, который есть лишь насмешливый голос Маруфы среди деревьев леса?"

"Оуг!"

"Разве ты не знаешь, что тот, кто знает пути камней, кто может сделать из кусков копья то, что будет говорить и делать то, что он захочет, - большой маг, чем тот, кто должен идти к скалам, чтобы быть осмеянным?"

"Ты величайший из магов, о сын [pg 250] Владыки многих земель", - ответил Бакахензи в порыве красноречия. "Ибо ты заманил духов камней и копий, чтобы они исполняли твои желания".

"О Боже!" - вздохнул профессор, - "что толку в языке?"

[pg 251]

Глава 24

Любимой панацеей от последствий глупого поступка является чувство мученичества. Когда Мьялу продолжил горькие упреки Яболо и Сакамата, первый ответил, что наказание - результат того, что они совершили святотатство, похитив священную Невесту Банана. Тогда Мьялу подумал, что он не только попал в ловушку своего собственного народа, который он покинул, но и, к тому же, почувствовал, что его не понимают. Ни Яболо, ни Сакамата, как и Бакахензи, не могли понять, что вождь и воин так суетится из-за девушки. С тем, что конфискация имущества Мьялу - это оскорбление, они оба были согласны, но, опасаясь Глаза-в-руках и собственных интересов, они были склонны делать вид, что, в конце концов, на такую мелочь, как похищение девушки, можно не обращать внимания, если ее совершил последователь столь могущественного бога и мага, ведь целесообразность так часто является отцом распорядительности. И все же в Яболо, если не в Сакамате, чья ненависть к племенному ремеслу была глубока в соотношении с вырождением его родного кодекса, надругательство над Бакумой как невестой Банана, хотя и было опасным святотатством в исполнении Вонголо, нарушало полузапрещенные традиции и разжигало искру горького негодования, готового вспыхнуть против Глаза-в-руках или Сакаматы; но, будучи дипломатом, он скрывал этот гнев даже от себя в определенной степени.

[pg 252]

Когда Мьялу пришел в гостевой дом и обнаружил, что Бакума схвачен, его вспыльчивость едва не привела к немедленной гибели, ибо ему захотелось пошалить среди ухмыляющихся аскари. Потом, когда усилия друзей и голодные острия штыков охладили его пыл, он хотел броситься прямо к Глазастому, который, по словам Сакаматы, служившего церемониймейстером на ежедневных аудиенциях, мгновенно вернет ему Бакуму и покарает злодея. Но к августейшему присутствию нельзя было подходить так просто: нужно было подать прошение в ортодоксальной форме и кротко ожидать королевского благоволения.

По слову Сына Землетрясения, как официально называл цу Пфайфера его человек, поместивший настоящее имя под табу в знак принятия волшебного пурпура, прибыла стража, чтобы увести первенца Мьялу в качестве заложника в деревню сыновей вождей. Кипящий красным гневом Мьялу безмолвно последовал за Яболо к месту, назначенному для

их жилья. А на следующий день во время аудиенции Мьялу прождал под палящим зноем три пролета солнца, пока его не позвали в зеленый храм. И так продолжалось три дня.

Но на четвертый, когда Мьялу сидел на корточках в общей хижине в компании с Яболо, Сакаматой и другими вождями-отступниками, пылая от горькой обиды, до него донеслась пульсация далекого барабана, неистовый тату и долгая пауза, тату и долгая пауза, сопровождающие могучий возглас при коронации нового Царя-Бога: "Огонь зажжен!" - весть, пронесшаяся из этой точки в лесу [pg 253] от деревни к деревне по склонам Гамбаллагаллы и в страну Вамунго. В круге бронзовых фигур раздалось едва слышное ворчание, но, тем не менее, сообщение было подобно живому угольку, брошенному в сухую траву скотоводческой страны.

В то утро один из вождей-отступников привел двух других, чтобы принести им присягу, и получил в награду за свою верность перечисление трети налога, взимаемого с его имущества. Такая политика цу Пфайфера была призвана стимулировать вербовку последователей, создавая репутацию щедрости по отношению к тем, кто ему подчинялся, в противовес его безжалостной суровости к непокорным.

Через час Миалу вызвали из потной толпы, сидевшей на корточках перед шеренгой хранителей демонов, через гигантских эбеновых стражей на аудиенцию к Сыну Землетрясения. У входа, как и было велено, он преклонил колени, ибо знал, что если откажется, то будет принужден. В сердце его пылало белое пламя, но великолепие сына Мирового Трепета и его спутников, страшных призраков далекого белого бога, с амулетами и чарами на его груди, устрало и покорило Мьялу. Затем раздался голос Сакаматы, поведавшего, что вождь Мьялу, сын МБуса, пожаловался Сыну Землетрясения, что его рабы, хранители кашляющих демонов, похитили девушку по имени Бакума, дочь Бакала, и что он требует вернуть ему его имущество. Пока это переводил телесный переводчик, Мьялу наблюдал за волшебным пламенем во рту Глаза-в-руках и очень удивлялся появляющемуся дыму. Затем переводчик сказал:

[pg 254]

"Сын Владыки мира, Землетрясения, Мирового трепета, который пожирает, кого пожелает, чьи глаза видят все, чей меч убивает все, чье дыхание - дождь, чей голос - гром, чьи зубы - молния, чей хмурый взгляд - землетрясение, чья улыбка - солнце, чье ухо - луна, чьи глаза - звезды, чье тело - мир, говорит, что когда сын Мбусы (Мьялу) приведет трех вождей одного ранга, чтобы сесть у ног, тогда дочь Бакалы вернется к нему, а пока пусть ее пояс остается развязанным. Он сказал!"

Когда цу Пфайфер закончил, он подал сигнал об увольнении своей украшенной драгоценностями рукой, но Мьялу, в ушах которого стоял гул далекого барабана, вскричал в знак протеста, сказав:

"Слова Сына Землетрясения подобны копьям, сделанным из травы!"

Переводчик сбился с ритма при переводе этой фразы. Цу Пфайфер заметил рябь неповиновения. Он отрывисто приказал увести этого человека и подвергнуть его пятидесяти ударам плетью. Мгновенно стражники окружили Мьялу, который с внезапным неповиновением подчинился, и повели его для наказания.

Зу Пфайфер отдал приказ найти девушку Бакуму и вызвал следующего фигуранта дела, пожилого вождя Каломато, у которого было конфисковано все имущество до тех пор, пока он не выдаст своего старшего сына в качестве заложника. Это был маленький исхудавший

старичок с белым хохолком бороды, который от рук аскари, после долгих терзаний, выкрикнул покорность. Теперь он, опираясь на палку, ковылял к цу Пфайферу. Переводчик напыщенно зачитал список [pg 255] титулов августейшего, затем рассказал о чудесных благах, которые можно получить из волшебных драгоценных рук, и потребовал, чтобы старый вождь "съел пыль" и подчинился королевскому приказу.

Но острые глаза неотрывно смотрели из морщинистых впадин с любопытным блеском, когда он пробормотал, что "его душа блуждала" (ему приснился сон) "и встретила дух Тарума, который запретил ему повиноваться белому богу. ".

"Шензи" (презрительное выражение дикарей) "жаждет больше огня для своих лап, о Бвана", - перевел переводчик на суахили.

"Что он говорит?" - спросил цу Пфайфер.

"Он говорит, Бвана, что ему приснилось, что его бог сказал ему, что он не должен слушаться тебя. Индио, бвана".

"Скажи ему, что я убил его бога, как известно всем".

"Сын Землетрясения велит тебе знать, что он съел твоего бога, как съедает твоих воинов, когда разгневается. Ешь пыль, чтобы борода твоя выросла еще длиннее; распусти язык, и ты будешь съеден целиком и все, что принадлежит тебе!"

"Огонь зажжен", - пробормотал старик.

"Что он говорит?" - резко спросил цу Пфайфер.

"Он пытается колдовать против тебя, бвана", - ответил переводчик, не знавший значения этой фразы.

"Уведите животное", - приказал цу Пфайфер.

Старика вывели на улицу, чтобы он не мешал дальнейшим действиям солдат. Но во второй половине дня цу Пфайферу почудился едва уловимый дух неповиновения, беспокойство и обмен взглядами, так что демон, которого Бакунджала когда-то так ярко видел, вернулся [pg 256] обратно, чтобы поселиться где-то под безупречной формой.

Ни он сам, ни его сержанты, ни их люди не могли свободно говорить на языке вонголо, поэтому в качестве переводчика он был вынужден нанимать одного из капралов. Нанимать в солдаты или на ответственные должности представителей какой-либо недавно подчиненной расы или племени неразумно, поскольку кровные узы могут привести к предательству; доверять идиосинкразии и личным качествам переводчика из числа туземцев также неразумно. Зу Пфайфер и его спутники не понимали смысла фраз, которыми обменивались, так же как и смысла послания, звучавшего в пульсации далекого барабана. Между завоевателем и покоренным племенем стояла стена плотнее любой стали; та самая стена табу ремесла, которую Бирнье было так трудно пробить.

Все попытки убедить кого-либо из знахарей раскрыть секреты своего ремесла через переводчика были обречены на провал; даже если бы цу Пфайфер владел диалектом так же хорошо, как Бирнье, он никогда бы не смог этого сделать. И все же он попытался сделать невозможное. Ответом неизменно была маска бычьей тупости или возражение, что он, будучи могущественным фокусником, должен знать, что он всего лишь "щекочет им ноги"! В конце концов, раздраженный таким упорством, он подверг Сакамату пытке и получил за свои

мучения историю, в которой идол, как первый человек, был отцом племени, которое, по мнению народа, было съедено в буквальном смысле слова, так что завоеватель стал отцом народа, имея идола внутри себя, и случайность, что эта история имела слабое сходство с рассказом француза о суевериях одного западноафриканского племени, убедила его. Негласно он [pg 257] поверил в хитроумную пряжу, придуманную хитрым знахарем, чтобы сохранить свою шкуру и привилегии своей работы, задоблив белого человека, в ловушку, в которую попало большинство белых летописцев. Это убеждение, льстившее его проницательности и усыплявшее любые подозрения, укрепляло его руку при вынесении наказания и награды.

[стр. 258]

Глава 25

Днем и ночью в лагере Бакахензи раздавался негромкий рокот барабанов. Деревня все дальше продиралась сквозь лес во все стороны, кроме священной ограды. Там уже было около пятисот воинов, и с каждым днем их становилось все больше. Бакахензи и волшебники, большие и малые, были заняты приготовлением амулетов из львиных сердец, печени леопардов и птичьих желудков, а также варкой отваров, которыми намазывали перьями попугаев старых и молодых воинов против сглаза и ночных духов. А еще Бакахензи и Маруфа, от которых исходила идея, изготовили особый и довольно дорогой амулет против кашляющих чудовищ, в который была вложена магия самого Царя-Бога - консервный ключ. В то утро перед священным загоном состоялось особое собрание ремесленников и вождей, где они созерцали священную форму Короля-Бога и слышали, как волшебное ухо слона давало им наставления и пророчество. Вокруг сотни костров, мистически мерцающих во влажной пещере леса, шушукались и скандировали воины, призывая на помощь Тарума, духа своих предков.

На пороге своей хижины сидел на корточках угрюмый Залу-Зако. Он обнаружил, что сбежал от реки, несущей его к бассейну безбрачия, чтобы узнать, что птица была захвачена другой. Хотя [pg 259] он знал, что, прежде чем осуществить свое желание, ему придется вызволить Бакуму из сетей табу, но любовнику и человеку эта необдуманная задача казалась такой же легкой, как выследить в лесу охотника. Но радость от собственного освобождения рассеялась, как облако пыли после дождя, при известии о похищении Мьялу девушки и его дезертирстве. Залу Зако был настолько одержим досадой на это совершенно неожиданное появление соперника, что был склонен пожалеть о том, что ему пришлось придумать ход, с помощью которого он мог бы избежать своей запоздалой гибели и одновременно спасти Бакуму. Иллюзия близости к желанному объекту, естественно, разжигала его аппетит; побудительный мотив любви доминировал в нем почти до полного исключения политических дел. Каков его официальный статус теперь, когда все прецеденты были нарушены, Бакахензи не знал и не решал, а Залу Зако это волновало меньше всего.

Хотя его вера в большую часть племенной теологии была непоколебима, он не верил в святость или необходимость брака с Невестой Банана, потому что у него был защитный комплекс желания к ней, который препятствовал этой вере. Естественной реакцией Залу Зако по отношению к Миалу была месть. Вопрос заключался в том, как достичь этой цели. Открыть Бакахензи, что он любовник Бакумы, было бы равносильно признанию в святотатстве, что он испытывает страсть к Невесте Банана.

Поскольку Залу Зако не мог добраться до личности своего соперника, самым логичным способом, на его взгляд, было колдовство. Добыть реликвии с тела Мьялу оказалось несложно, так как его жены и рабы, вынужденные бежать, не смогли сжечь заброшенную хижину, поэтому [pg 260] оставил в обычном месте в соломе несколько волос и обрезков ногтей. Кроме того, найти повод для проклятий Мьялу было еще проще. Так, на собрании вождей он, соперничая с Бакахензи в обличении исчезнувшего вождя, настоял на том, чтобы против него была совершена могущественная магия, и предоставил необходимые телесные части, на которых можно было работать. Так Бакахензи и Маруфа, тихий и бдительный Маруфа, сварили волшебное варево и обрекли Мьялу на смерть по доверенности его ногтей, и этот процесс укоренился в очень твердой уверенности Залу Зако и остальных в том, что Мьялу умрет.

После удовлетворения первого яростного инстинкта Залу Зако был более свободен в рассмотрении других вопросов, что привело к попытке ускорить коллективную волю к возвращению страны и владений племени, символизируемых в сознании Залу Зако хрупкой фигуркой Бакумы.

На церемонии зажжения новых костров он присутствовал отстраненно. Жалеть или сожалеть о белом человеке, Лунном Духе, взявшем на себя его участь, Залу Зако не приходило в голову, ибо для него, как и для Бакахензи, Лунный Дух был могущественным магом, который, если был способен творить магию, которую он уже продемонстрировал, мог позаботиться о себе сам; кроме того, поскольку он вспомнил о Непонятном, он был воплощением племени, богом, а значит, не подвластным человеческому мнению.

Главной целью Бакахензи было, конечно, вновь объединить племя и поднять на восстание тех, кто покорился Глазастому, что было лишь проекцией его желания, как и у всех патриотов, упрочить собственное положение и вернуть [pg 261] утраченный престиж. Ему не нужно было приказывать, чтобы новость была отправлена за границу. Во время церемонии зажжения костров барабанные ноты были подхвачены ближайшей деревней и рикошетом разлетелись по всей стране, доносясь до Двора Сына Землетрясения.

Уверенность Бакахензи возросла в десять раз с тех пор, как он ловким переворотом запер белого мага в богороще. Он верил, что Лунный Дух - самый могущественный маг, какого когда-либо видел мир, полубог, ведь разве он, Бакахензи, не видел эти чудеса своими глазами? Разве не он, Бакахензи, захватил и приручил эту чудесную силу для своих целей?

Эта уверенность в силе белого была настолько абсолютной, что Бакахензи совершенно искренне, как и Мунгонго с Бакумой, утверждал, что "сын Владыки многих земель" с удовольствием притворялся, что "слон - это мышь", что он "щекотал им ноги". Единственное сомнение, которое возникло у него во время этой беседы, заключалось в том, сможет ли он убедить это могущественное существо уничтожить узурпатора "из рук вон плохо", или даже сможет ли Лунный Дух сделать это; ведь он вполне разумно полагал, что даже бог, сражаясь с другим богом, может быть вынужден сражаться за победу.

Не вопреки, а благодаря этой твердой вере Бакахензи принял больше мер предосторожности, чем когда-либо прежде, чтобы окружить захваченного бога самыми крепкими волокнами табу и держать его в изоляции. Очевидно, что столь ценный приз требовал особых мер предосторожности. Он издал указ, в соответствии с которым ни один мирянин, ни один волшебник [pg 262] кроме членов внутреннего культа, которых он не смел запретить, не должен был приближаться к священной ограде. В джунглях его сознания таился страх, что нового бога могут увидеть покидающим священную землю и тем самым навлечь смертную казнь по законам табу на бога, поставившего под угрозу благополучие

племени, как это сделал Мфуныя МПопо, не принесший дождя. Вера в то, что он может контролировать силу, которая, по его признанию, бесконечно больше его, и наказывать ее, если она не будет вести себя хорошо, была для туземного ума не более непоследовательной, чем многие теологические идеи белых.

Во время последней беседы Бакахензи пытался убедить Бирнье разрешить ему говорить в могучее ухо волшебной шкатулки; в сущности, это была попытка получить полный контроль. Но Бирнье, осознав, что умственное развитие Бакахензи немногим выше, чем у Мунгонго, и прекрасно понимая, в какой изоляции ему предстоит находиться, а также какую цель преследует знахарь, решительно отказался. Бакахензи принял намек на то, что бог не будет творить чудеса никакими другими устами, кроме уст своего воплощения, и после долгого размышляющего молчания удалился без дальнейших комментариев.

Но, конечно же, он вернулся на следующий день, как и предполагал Бирнье. Бирнье намекнул на ожидаемое посвящение в "тайны" ремесла, в частности в праздник Банана и другие церемонии, связанные с его ролью Короля-Бога. Но взгляд Бакахензи, устремленный на какой-то предмет на туалетном столике, не дрогнул. Бирнье повторил вопрос более прямолинейно. Бакахензи сказал:

[pg 263]

"Пальцы сына Малико жаждут прикоснуться к волшебному ножу сына Владыки многих земель".

"Черт возьми, - пробормотал Бирнье. "Это мой любимый!" Но он передал бритву Бакахензи, сказав: "Разве горшок с кашей не свободен для всех братьев?" Бакахензи с серьезным видом сунул безопасную бритву в набедренную повязку, пробормотал ортодоксальное прощание и удалился.

Хотя Мунгонго был предан Бирнье как никогда, он был связан статьями табу не меньше, чем любой другой туземец; более того, после назначения на высокий пост Хранителя костров он был, если можно так выразиться, еще больше напуган их богословием, чем прежде. Он не мог и шагу ступить за пределы священной земли, так как был убежден, что стоит ему это сделать, как призраки умерших королей тут же задушат его. Бирнье пытался уговорить его вступить в связь с Маруфой, но этот хитрый господин, опечаленный неудачей переворота, который он помог совершить Бирнье, и находясь в данный момент под полным господством Бакахензи, который, как он знал, следил за ним каждое мгновение дня и ночи, ни за что не приблизился бы к Месту Непонятого. Залу Зако также не смел нарушить запрет, наложенный Бакахензи. Своим спасением от страшного божества он был обязан Бакахензи, а не Бирнье. Тот, кто освободил его, вполне мог вернуть его обратно, если бы был раздражен. Немногочисленные волшебники, пришедшие поглазеть на заточенного бога, словно дети в зоопарке, как заметил Бирнир, были глухи к любым замечаниям, наставлениям или мольбам Святого. Так Бирнье начал понимать, что [pg 264] функции бога настолько чисто божественны, что ему никогда не позволят вмешиваться в человеческие дела, кроме как по милости верховного жреца, и, возможно, он был не первым богом, который это понял.

Эта скрытность джунглей и отрицание какого-либо активного участия в организации племени начали раздражать Бирнье. Однако, зная туземный ум, он достаточно ясно понимал, что преждевременная попытка принудить к доверию или действию закончится катастрофой. Только терпение и настойчивость приведут к успеху, а формовка материала будет осуществляться силами, которые уже управляют им. Он должен в полной мере сыграть роль знахаря. Основываясь на этой гипотезе, он решил управлять Бакахензи с помощью

"сообщений" от духа Тарума. Проблема заключалась в том, чтобы выяснить, будет ли Бакахензи подчиняться ему или нет и в какой степени.

И вот ранним утром наблюдатели Бакахензи в лесу вздрогнули, услышав таинственные голоса Непонятого, творящего чудеса в храме, когда Мунгонго по подсказке Бирнье напевал наставления бога своему верховному жрецу и людям. Форма песнопения не была правильной, поскольку память Мунгонго была очень ненадежной, но, как заметил Бирнье, обращаясь к портрету Люсиль, "я не думаю, что маэстро Бакаэнзи такой уж стилист, как он хотел бы, чтобы считала публика". После этого, к удовольствию Мунгонго, который никогда не уставал от любого проявления магии Лунного Духа, он погасил свет и лег на свою кровать в храме, слушая голос Люсиль, изливающей [pg 265] страсть "Mon cœur s'ouvre à ta voix" из "Самсона и Дилайлы", до сонных ушей обезьян над фигурой идола, вырисовывающейся на фоне лунного узора крыши леса.

Но едва влажные ультрамариновые тени перешли в сиреневые, как голос Бакахензи проворно воззвал к богу извне. Однако Бирнир был сонным, а случайный ранний час давал такую возможность завоевать авторитет, что он послал Хранителя Костров сообщить верховному жрецу, что бог еще не встал и ему нужно подождать. И Бакахензи ждал, как высеченное изображение у ворот, пока солнце не поднялось на четыре ладони над деревьями. Когда Бирнье позавтракал вареным ребенком, яйцами, бананом и слабым чаем, Бакахензи был вызван к августейшему присутствию.

Гадая, какая новая идея пришла в голову Бакахензи, Бирнье торжественно произнес обычную предварительную речь, намереваясь наилучшим образом объявить, что у Тарума есть послание для сына Малико; но, к его изумлению, Бакахензи прервал его, потребовав узнать, когда бог заговорит снова.

Когда Мунгонго с серьезным видом поставил аппарат у своих ног, Бирнье завел пластинку. Песнопение повелевало сыну Малико созвать магов и воинов племени в обитель Непостижимого; послать тем, кто попал во власть Глаза-в-руках, указания, чтобы они ни словом, ни делом не выдавали, что Непонятому угодно вернуться, а ждали, как дикая кошка у рыбного бассейна, пока не прозвучит сигнал [pg 266] в барабаны, и тогда они должны были быстро поразить каждого хранителя демонов и немедленно бежать к своим братьям в лес; ни в коем случае не убивать и не ранить Глаза-в-руках или любого белого человека, принадлежащего ему, чтобы их могущественные призраки не понесли страшное наказание и не отказались от умиловивления; когда все это будет сделано, дух Тарума даст дальнейшие указания.

Составляя это послание, Бирнье стремился получить преимущество внезапного нападения и обеспечить уничтожение как можно большего числа аскари; спасти цу Пфайффера и его белых сержантов от участи, которая ожидала бы их, попади они в руки Вонголо; свести к минимуму потери людей, которые могли бы произойти, если бы племя попыталось встретиться с оружием; Затем выманить цу Пфайффера из его укреплений на открытую местность, чтобы заставить его сражаться в лесу, где он не сможет определить, какая сила против него; а тем временем обойти и установить идола в Царском месте, что укрепит мораль племени, а также перережет линию связи цу Пфайффера с Ингоньей.

Пока Бакахензи внимательно и серьезно слушал, Бирнье внимательно следил за его лицом. Хотя маска не дрогнула, полуподавленное ворчание в конце рассказа убедило его, что Бакахензи произвел должное впечатление, но он не стал ничего комментировать. Проследив за тем, как Мунгонго торжественно убирает аппарат, Бакахензи небрежно заметил:

"В деревне есть гонец от Глаза-в-руках, который передает тебе привет".

[pg 267]

Это было первое известие, полученное Бирнье с момента его восхождения к божеству. Он ожидал, что рано или поздно цу Пфайфер узнает о присутствии белого человека, но его весьма удивило предположение, что цу Пфайфер знает, кто он такой. В ожидании он не подавал никаких знаков. Бакахензи заинтересованно взял нюхательный табак и продолжил:

"Глаза-в-руках велит тебе отправиться в Царское место, чтобы съест перед ним пыль".

Бакахензи пристально смотрел на него. Бирнье быстро все обдумал. Из последней части послания он понял, что цу Пфайфер не знал о его личности. Его мнение о характере цу Пфайффера предполагало определенные психологические возможности. Его политика заключалась в том, чтобы выманить его из форта; уничтожить его военное суждение. Поэтому, если бы в этот момент его сильно взволновали личные эмоции, это могло бы помутить его разум. Вражда, страх - все это в равной степени могло послужить необходимой приманкой. Несмотря на нарушение этикета, Бирнье не смог удержаться от улыбки. Он потянулся за "Анатомией" и, начертав два слова, торжественно сказал Бакахензи:

"О сын Малико, скажи этому многоязыкому и многоглазому человеку, что шакал следует за львом, чтобы питаться его отбросами; что голос гиены громче всего, когда она ест отбросы". И пусть раб возьмет с собой то, что является могущественным волшебством, таким волшебством, что когда Глазастый коснется его, он будет трубить, как раненый слон. Прикажи ему отметить, чтобы мои слова были белыми!"

А когда Бакахензи ушел, Бирнье повернулся к [pg 268] портрету на стене и с роскошной ухмылкой заметил: "Скажи, милая, если это не выведет его из себя, я... я съем свои собственные рукописи!"

[pg 269]

Глава 26

В углу одной из полуразвалившихся хижин на полуразвалившейся улице новой деревни Места Королей сидели на корточках Яболо и другие вожди. Поскольку Сакамата находился в форте и служил Глазастому, они могли свободно разговаривать, но на низких тонах и с опаской поглядывая на промежутки в недостроенной стене. Не один вождь был подвергнут порке, но ни один из них не занимал такого высокого положения, как Мьялу; кроме того, те, кто подвергся суровому наказанию, были взяты в честном бою или пытались бежать, тогда как Мьялу не сделал ничего, что, по их мнению, заслуживало бы наказания. Тлеющие в каждом из них ненависть и отвращение к новому правителю вспыхнули при первом же намеке на новости, вибрировавшие во влажном воздухе. Позже пришло еще одно сообщение с барабанов, призывающее их ждать новых слов Тарума, а через сорок восемь часов после этого гонец, посланный цу Пфайфером, чтобы вызвать Лунного Духа, который сидел на корточках в группе, слово в слово прошептал сообщение Бирнье на фонограф, добавив дальнейшие инструкции от Бакахензи, что сигналом должно быть другое сообщение на барабанах: "Огонь зажжен".

Теплые бананы, завернутые в листья, которые принесла рабыня, были разложены перед вождями, пока гонец рассказывал сплетни о деревне в лесу. Позже, ваяясь на полуденном зное в ожидании времени аудиенции, он достал из своей набедренной повязки [pg 270] волшебный амулет, который сын Владыки многих земель, Царь-Бог, послал Глазастому, и повторил пророчество, что тот должен трубить, как раненый слон, вызвав множество возгласов восхищения и благоговения. Затем он расспросил Сакамату и Мьялу и, выслушав рассказ, сообщил, что оба они предатели и приговорены к смерти магией Бакахензи и Маруфы.

Каждый вождь чувствовал, что Сакамата его предал. Даже Яболо, его родственник, особенно из-за того, что его провидческие замыслы не увенчались успехом, был против Сакаматы. Сакамата услышал весть барабанов: "Огонь зажжен". Но о подробностях возвращения Непонятого и нового Царя-Бога он ничего не знал, хотя все остальные мужчины, женщины и дети Вонголо знали об этом. Ужас перед табу, перед могуществом Непостижимого был сильнее страха перед Глазами-в-руках, магом и бывшим членом внутреннего культа, каким бы он ни был. Непостижимый вернулся, чудо! В тысяче знаков птиц и зверей, веток и теней Сакамата видел предзнаменования зла. Он знал, что он изгой, что его товарищи замышляют заговор; что они знают что-то, чего не знает он; но он не смел рассказать об этом Глазастому, чтобы не быть убитым в тот же миг, но не Глазастым, а таинственной силой Непостижимого.

Дальше по линии, в маленькой хижине, неподвижно лежал Миалу. В его голове вихрилось красное пятно ярости и боли, стирающее образ Бакумы, его слоновую кость и все остальное. От основания позвоночника [pg 271] до шеи его пересекали кровавые шрамы, наложенные кибoko (кнутом из шкуры гиппопотама) одним из черных гигантов, которые охраняли дверь в палатке Глаза-в-руках. Еще больше, чем чрезмерная боль, его разозлило то, что его, Мьялу, сына вождя Мбусы, пороли как раба перед всеми людьми! Если бы ему удалось освободиться, он набросился бы на зу Пфайфера, бог он или нет, и разорвал бы его на куски руками и зубами. Но он едва мог пошевелиться. Никогда еще Мьялу не задумывал подобного поступка. Его достоинство и сдержанность были разрушены. Он лежал на животе и смотрел глазами обезумевшего и измученного животного.

Желтые блики в открытом дверном проеме померкли, но Мьялу не шелохнулся. Фигура Яболо с коротким метательным мечом в руке двинулась к нему и присела на корточки, бормоча приветствия. Мьялу ничего не ответил. Яболо повторил послание духа Тарума.

"Пусть твое копье станет острым, о сын МБуса, чтобы мы могли сделать шакала, который прикажет льву есть отбивные!" Мьялу хрюкнул. "Сын Баякалы говорит, что это будет скоро, так что ты еще можешь поесть своего осквернителя, пока не ушел в страну призраков". Мьялу повернул голову. "Сын Мтунго и сын Малико, - объяснил старик, - поколдовали над частями, которые ты по глупости оставил в своей хижине".

Мьялу снова лишь хмыкнул и отвернул голову. Но это страшное известие погасило белое пламя гнева. Духи были в ярости; даже если бы они заставили его есть пыль перед всеми людьми. [Убежденность в действенности магии, за которую он купил бы Маруфу, чтобы совершить ее над Залу-Зако, была столь же абсолютной, как и вера в смертельную магию, сотворенную против него двумя могущественными знахарями, и усиливалась чудесным возвращением Непостижимого, против которого он совершил святотатство. Он вспомнил крик птицы Барото в ту ночь, когда он похитил Невесту Банана. Дух Тарума был разгневан. Новый могущественный царь-бог Непонятный собирался сожрать всех врагов земли. Мьялу был уверен, что обречен; уверен, что Яболо знает, что он обречен; что каждый человек знает, что он обречен.

В течение десяти минут фигуры, сидящие на корточках и лежащие, оставались неподвижными, как бронза. Затем Мьялу поднялся на колени и спокойно сказал: "Дай мне твой меч, о сын Зингалы".

Молча Яболо передал ему меч, который Мьялу положил под себя и снова лег. Так тихо он и умер.

Со священного холма раздался резкий крик желтой птицы, как туземцы называют трубу, возвестивший о том, что августейшее присутствие собралось. Но вместо обычной толпы неподвижных фигур, присевших на корточки почти под тенью помпона у ворот форта, сидел только гонец. Сакамата, зная, что что-то предвещает, но не понимая, что именно, был так напуган, что его худые конечности дрожали, как при аге. Хотя ему хотелось предупредить Глазастого, чтобы спастись самому, он не решался сделать это, чтобы августейший не обрушил на него свой гнев; смутные мысли об искуплении [pg 273] своего предательства путем выдачи Глазастого своим соотечественникам были заглушены ужасом перед гневом Непонятого.

Так что пышность Сына Землетрясения и слава души Миродержца со множеством чар на груди были уготованы скромному посланнику, вошедшему в сопровождении Сакаматы. Поклонившись в установленном порядке, гонец присел на корточки у ног цу Пфайфера и обратился к капралу-переводчику.

"Сын Владыки Многих Земель, то есть Царь-Бог Тот, Кого Не Упомянуть, шлет приветствие сыну Грозящего Миру, именуемому Глаза-в-Руках, и это послание: "Скажи человеку многоязыкому и многоглазому, что шакал следует за львом, чтобы питаться объедками; голос гиены громче всего, когда она ест объедки!"

"Что говорит животное?" - спросил цу Пфайфер, нетерпеливый к туземным преамбулам.

"Он говорит, бвана, - ответил переводчик, - что белый человек болен и не может двигаться, но что он придет, как только поправится".

Из складок своей набедренной повязки гонец послушно извлек что-то завернутое в банановый лист, который он передал переводчику, закончив сообщение:

"И через своего раба он посылает то, что является могущественной магией; такой магией, что тот, кто прикоснется к ней, будет трубить, как раненый слон".

"Он говорит, бвана, - продолжал переводчик, - что посылает могущественному Пожирателю людей небольшой подарок", - и с этими словами капрал [pg 274] бесхитростно протянул небольшой сверток. Зу Пфайфер взял его и сорвал обложку.....

Тогда волшебство нового Царя-Бога Непонятого стало явным для всех людей, и особенно для группы вождей, прятавшихся в небольшой чащобе под холмом, ибо самом деле, Сын Землетрясения трубил, как раненый слон, при виде диска из слоновой кости, на котором было написано:

"Amantes-Amentes!"

Глава 27

Весь день в форте Эйтель царили шум и суета, звучали трубы и лаяли сержанты, белые и черные. Длинные вереницы женщин и рабов стекались сюда из окрестностей, неся грузы кукурузы и бананов. На полусделанном парадном плацу у подножия холма Кава Кенди полроты вонголо, которых цу Пфайффер призвал от вождей, спотыкались и бежали неловкими отрядами. В хижине вождей вонголо сидел Яболо и молча наблюдал за приготовлениями к карательной экспедиции, которая, как сообщил им Сакамата, готовилась в ответ на наглый вызов белого человека, вступившего в союз с "мятежниками". Но над ними, как и над всеми Вонголо в этом месте и вокруг него, витало угрюмое настроение не покорности, а ожидания.

В столовой нервный Бакунджала готовил стол к ужину, белки его глаз закатывались при каждом звуке голоса цу Пфайфера из прилегающего шатра. Никогда еще ни в его опыте, ни в опыте других слуг или солдат демон так не овладевал страшным Пожирателем людей, как после получения страшной магии, посланной ему белым человеком. Мнения разделились: был ли этот белый человек тем, кого арестовали и отправили на побережье с капралом Иньирой, или же он был его братом; одни говорили, что волшебный листок, который принес гонец, был душой белого человека, другие утверждали, что это было воплощение Бакры, что объясняло, почему Пожиратель Людей был так полностью одержим. Разве он не кричал? спрашивали они, что, как все знали, доказывало ужасную агонию, когда призрак вселялся в тело.

Даже белые сержанты испугались за своего вождя. Их видели тайно беседующими друг с другом, которые, несомненно, обсуждали, какое лекарство дать ему, чтобы изгнать демона. Не этот ли демон приказал ему покинуть безопасное место в форте, где на холмах стояли пушки, и отправиться в лес, где, как все знали, у них отнимут глаза, чтобы они не могли видеть и убивать собак Вонголо? Все они, как туземцы, понимали, что среди Вонголо что-то назревает, но что именно - не знали. В то утро двое мужчин получили по пятьдесят ударов плетью за то, что неправильно салютовали тотемному флагу, а вождя Вонголо застрелили за то, что он не привез положенное количество слоновой кости. Никто не осмелился предупредить Пожирателя людей. Кто-то сказал, что "лист" - это душа идола, пришедшего, чтобы привести Людей-Пожирателей к гибели. Эта мысль пустила глубокие корни среди воинов Вуньямвези, ибо, хотя они с удовольствием участвовали в резне и грабежах под предводительством Пожирателей, в них всегда жило тревожное чувство святотатства при уничтожении идола.

В половине шатра, отведенной под личные покои коменданта [pg 277], сидел цу Пфайффер в своем походном кресле с неизбежным жалом на локте. Возле двери стоял сержант Шульц, занимаясь деталями размещения запасов и войск на время отсутствия карательной экспедиции. За четыре года службы он ни разу не видел лейтенанта таким, каким тот был сейчас. Хотя Шульц свободно говорил на суахили, он не знал ни одного слова на муньямвези, иначе он мог бы согласиться с Бакунджалой и его друзьями. Он же считал, что герр лейтенант просто перегрелся на солнце или слишком много выпил, а может быть, и то и другое вместе; ведь, по его мнению, разделение их скудных сил и уход с укрепленных позиций в лес, без возможности сохранить связь, было равносильно военному самоубийству.

Он считал своим долгом довести эту точку зрения до сведения своего коменданта, но ему было неприятно сознавать упрямый характер цу Пфайфера.

"Во сколько заходит луна, сержант?" - спросил цу Пфайффер.

"Около трех, превосходительство".

"Хорошо. Тогда ровно в пять колонна двинется в путь. Предупредите сержанта Шнайдера".

"Слушаюсь, ваше превосходительство".

"Вы передадите остатки своих людей и Норденфельдта, как только мы уйдем".

"Да, Ваше Превосходительство".

"Это все, сержант".

Зу Пфайффер устало опустил голову на [pg 278] руку. Шульц остался стоять у двери. Зу Пфайффер раздраженно поднял голову.

"Я сказал, что это все, сержант", - раздраженно воскликнул он.

"Да, превосходно".

"Герр Готт, что вы стоите здесь, как чучело свиньи?"

Шульц отдал честь.

"Ваше превосходительство, мой долг напомнить вашему превосходительству, что в соответствии с положением 47 от..."

"К черту вас и ваши предписания, черт бы вас побрал, оставьте меня в покое!" Последнее было почти мольбой.

"Ваше превосходительство!"

Шульц бодро отдал честь и удалился. И снова голова цу Пфайфера опустилась на зажатую в руке ладонь, и он взглянул на портрет в раме из слоновой кости.... В голубом полумраке двери появилась высокая фигура в белом.

"Во имя чего..." - начал цу Пфайффер.

"Чакула тайари, бвана", - робко объявил Бакунджала.

"Я не хочу никакой чакулы", - сказал цу Пфайфер. "Подожди. Принеси сюда".

"Бвана!"

Бакунджала убежал, чтобы почти мгновенно появиться с накрытой тарелкой, которую он поставил на стол, как было велено, и исчез. Зу Пфайфер с отвращением смотрел на свое любимое блюдо - яйца с карри. Затем он раздраженно рывкнул:

"Свет, животное!"

[pg 279]

"Бвана!" - закричал Бакунджала, появляясь в дверях с лампой.

Но цу Пфайфер отодвинул тарелку и уставился на фотографию Люсиль. Взгляд превратился в оскал, а затем, словно взбунтовавшись против своего бога, как Кава Кенди, когда вызывал

дождь, он вдруг схватил рамку и с клятвой швырнул ее на пол, схватил авторучку и начал писать.

Цу Пфайфер и в самом деле был наполовину обезумевшим от гнева, который он намеревался выместить на Люсиль по доверенности как на источнике очередной неприятности и, возможно, официального позора. Ему и в голову не приходило, что Бирнье мог выжить после нежных рук капрала, пока без предупреждения не пришел диск из слоновой кости с нацарапанным на нем "Amantes-Amantes!", из которого следовало, что Бирнье не только сбежал, но что он находится рядом с ним и намерен в своем лице выступить против императорского правительства на стороне этих местных собак.

Послание стало еще более оскорбительным благодаря восклицательной ноте в конце, означавшей издевательский смех. Оно, как и рассчитывал Бирнье, ударило цу Пфайффера по самому чувствительному месту его психики, вызвав манию убийства, которая доминировала в его сознании. Быть обманутым, быть обманутым, быть обруганным, проклятым, даже быть избитым - это было в какой-то степени терпимо, но быть осмеянным - надменная душа цу Пфайффера взорвалась, как бомба при ударе. Некоторое время он был совершенно бессвязен от ярости. Его единственным побуждением было броситься и разорвать Бирнье на части. И пусть слушающие туземцы поверят в могущественную [pg 280] магию нового Короля-Бога, что он заставил Сына Землетрясения трубить, как раненый слон!

Затем из растворяющегося едкого дыма уязвленной гордости начинают вырисовываться произвольные моменты. Во-первых, Бирнье должен был пожаловаться, как он однажды пригрозил, в Вашингтон, что привело бы в ярость власти в Берлине; во-вторых, он должен был написать Люсиль письмо, в котором рассказал бы о покушении на жизнь ее мужа, а также о том, что он сказал. Как Бирнье удалось спастись, было неважно, но вопрос о том, какая судьба ожидает капрала Иньиру, был решен, но безрезультатно: смелый сын Баньялы и его веселые люди шли к югу от озера Танганика, днем боясь, что их настигнет длинная рука Пожирателя людей, а ночью преследуемые ужасом увидеть еще один засветившийся призрак.

Когда драгоценная рука сверкнула в свете лампы, во влажной темноте послышался рокот далекого барабана; цу Пфайфер, ненормально раздраженный, поднял голову, нахмурился и, пробормотав, что ему придется отдать приказ, чтобы барабаны прекратились, снова погрузился в нелегкую работу по завершению отчета, который он должен был представить в штаб перед отъездом. Барабан затих, зазвучал снова, и ему ответил другой барабан, казалось, совсем рядом.

Прошло пять или десять минут. Когда цу Пфайфер взял свежий лист бумаги, раздался выстрел, за которым тут же последовали крики. Цу Пфайфер с клятвой вскочил на ноги, схватил револьвер, висевший над его походной кроватью, и бросился наутек, так как выстрелы смешались с дикими криками. Хриплый кашель [pg 281] капрала, возглавлявшего караул, соперничал с резкими окриками сержанта Шульца. Зу Пфайфер, крикнув сержанта, побежал к большим воротам, где стоял помполит. С противоположного холма вниз устремились красные вспышки винтовочного огня. Снова раздались крики. Со всех сторон мимо него проносились фигуры аскари, спешащих к своим местам за оградой.

"Сержант Шульц!" - крикнул цу Пфайфер.

В темноте рядом с ним возникла фигура в белом.

"Превосходно!"

"Прицельтесь к ним! Быстро!"

По команде сержанта орудийная команда, уже находившаяся на своем посту, ловко управляла машиной, которая кашляла в темноту красными вспышками пламени. Крики и вопли прекратились так же внезапно, как и начались.

"Прекратить огонь!" - скомандовал цу Пфайфер.

В наступившей тишине доносившиеся откуда-то из деревни внизу крики и вопли дополнялись странными выстрелами с другого холма.

"Сержант Людвиг!" - крикнул цу Пфайфер.

"Отлично!"

"Докладывайте!" - огрызнулся цу Пфайфер.

"Неизвестные туземцы напали и убили часового на восточных воротах, ваше превосходительство", - донесся из мрака голос сержанта Людвиг. "Они вошли и были отбиты в соответствии с инструкциями. Это все, Превосходство".

"Потери?"

"Никаких, ваше превосходительство".

"А что с нижними гвардейцами?"

[pg 282]

"Я не знаю, Превосходство".

"Возьми взвод и разведай. Мы прикроем вас из пушки".

"Превосходно".

Бормотание его приказов утонуло в возбужденной болтовне аскари.

"Дидималла!" - раздался страшный голос Пожирателя людей. Мгновенно наступила тишина.

"Докладывайте!" - приказал цу Пфайффер сержанту Шульцу.

"Туземцы напали на западные ворота, Превосходство. Они были отбиты".

"Потери?"

"Два человека убиты и трое ранены".

"Угм! Где переводчик?"

"Бвана!"

Сукно заскрипело, когда человек отдал честь в темноте.

"Где Сакамата?" - спросил цу Пфайфер на суахили.

"Здесь, Превосходство", - ответил сержант Шульц. "Он убежал. Я его арестовал".

"Хорошо. Приведите животное в мою каюту".

"Превосходно".

Сержант и переводчик, а между ними дрожащий Сакамата, последовали за цу Пфайфером в палатку. Войдя, он поднял портрет в раме из слоновой кости, аккуратно положил его на стол и сел.

"Спросите шензи, почему он не сообщил нам об этом нападении?"

Переводчик задал этот вопрос испуганному старику, который пробормотал, что ничего об этом не знал.

[pg 283]

"Угм!" - гаркнул цу Пфайфер. "Пошлите за группой людей, сержант, и... Нет!" Цу Пфайфер поднялся. "Я добьюсь от него правды. Отойдите в сторону, капрал!"

Капрал с готовностью повиновался, а цу Пфайффер нажал на спусковой крючок револьвера. Выстрел оторвал два пальца на ноге Сакаматы. Капрал благодарно ухмыльнулся. Цу Пфайффер испытал и тени того удовольствия, которое он получил бы, изувечив Бирнье.

"Поднимите его!" - скомандовал цу Пфайффер. "А теперь спросите его еще раз!"

Минуту или две Сакамата, почти не чувствуя боли от испуга, не мог понять, что ему говорят; в конце концов он забормотал и забормотал. Переводчик опустил голову, чтобы прислушаться.

"Ну что?"

"Он говорит, Бвана, что ничего не знает, что они ему не скажут, но что он слышал, что бог вернулся".

"Бог! Какой бог?"

"Бог, который был у этих шензи (дикарей) до прихода бваны".

"Идол!" Зу Пфайфер выкрикнул клятву. Затем, вопросительно глядя на сгорбленную фигуру на полу, сказал.

"Скажи ему, что он лжет. Откуда ему знать, что идол вернулся, если они ничего ему не говорят?"

Переводчик снова обратился к Сакамате, который в ответ пробормотал.

"Он говорит, бвана, что его слова - белые. Что [pg 284] они ему не сказали, но что он слышал весть барабанов. "Огонь зажжен!"

"Что это?"

"Я не знаю, бвана".

"Спроси его, свинья ты такая!"

"Он говорит, что всякий раз, когда появляется новый король, они произносят эти слова, означающие, что он пришел".

"Угм!" Зу Пфайфер достал сигару и зажег ее, размышляя. Думаю, животное право, - размышлял он. Этот американский свинорыл сделал это! Он резко повернулся к сержанту Шульцу: "Выставьте двойную охрану, принесите мне рапорт Людвига, заберите эту тварь и пристрелите ее".

"Превосходно!"

Партия вышла на улицу. Зу Пфайфер сидел и ожесточенно курил. Раздался одиночный выстрел. Вскоре появился сержант Людвиг собственной персоной.

"Я должен доложить, ваше превосходительство, что, по результатам расследования, нападение было совершено только с целью освобождения сыновей вождей, поскольку пикет был убит, но все остальные остались невредимы, кроме трех раненых".

Зу Пфайфер сильно ругался, но отпустил сержанта с напутствием подготовить войска к смотру в четыре тридцать. Он выпил бренди и сидел, уставившись в темноту. Затем он вдруг воскликнул и повернулся к брошенному рапорту.

"Это неоспоримый открытый акт", - пробормотал он, увидев, по его мнению, возможность нейтрализовать мнимую жалобу, которую Бирнье отправил в Вашингтон; и, взяв в руки перо, начал официальное [pg 285] обвинение против Бирнье, как американского подданного, в нарушении международных законов Женевской конвенции путем пособничества мятежникам его императорского величества.

[pg 286]

Глава 28

Мрачные предчувствия сержанта Шульца о неизбежном результате отказа следовать учениям своих национальных наставников оправдались.

Зу Пфайфер, обезумевший от уязвленной гордости или магии, в зависимости от точки зрения белых или черных, жестко придерживался своего расписания; ровно в четыре тридцать он проинспектировал экспедицию и выступил в поход с первыми лучами рассвета. Шульц удалился на другой холм, оставив двадцать пять человек и пушку под началом чернокожего сержанта. После этого он посетил деревню. Тела пятерых из пикета лежали на солнце, изуродованные. Ни одного местного жителя не было видно и слышно. Он послал разведчиков. Деревня в паре миль от него тоже была заброшена. Он хотел сжечь хижины и плантации, чтобы очистить землю вокруг форта, но не посмел сделать это без приказа. Бормоча про себя, он вернулся и выставил двойные караулы.

В течение всего дня при свете луны ни звук барабана, ни голос туземца не нарушали влажной жары. Он немного поспал, а затем принялся расхаживать по дамбе за пределами форта. Он чувствовал, что среди людей неспокойно. Около полуночи нервный часовой выстрелил в движущуюся тень в деревне. Последовали беспорядочные выстрелы; они то замирали, то прекращались по сердитому приказу сержанта. Деревья, казалось, насмешливо перешептывались. Сержант решил, [pg 287] что это, должно быть, бродячий шакал или гиена; но этот инцидент вызвал у него раздражение.

При обычных обстоятельствах он выставил бы пикеты, как это предусмотрено правилами, но он не мог пощадить ни одного из своих пятидесяти человек, потому что в случае нападения они никогда не вернутся в форт. Луна опускалась как бы нехотя, казалось, колеблясь в бахrome банановых листьев по поводу чего-то, видимого только ей. Но ночь медленно

наступала. Шульц знал, что самый благоприятный час для нападения - это первые проблески рассвета, когда духи направляются к своим домам, а свет обманчив.

Он стоял перед Норденфельдтом, когда чуткий слух часового уловил необычный шелест. Когда Шульц повернул голову, чтобы прислушаться, шепот усилился и стал похож на звук града - топот босых ног по песку. Тусклый свет копий заиграл у подножия холмов. Шульц бросился внутрь барьера и приказал своим людям открыть огонь. Он отклонил дуло своего ружья и начал вливать никель в наступающую массу орущих фигур.....

Натиск разнес форт; защитников было больше, чем пятьдесят к одному. Шульц пал под дюжиной ударов копья. Аскари были истреблены до единого человека, прежде чем солнце пытливо взошло за священным холмом Кава Кенди.

Когда все кровавые деяния войны были завершены и победные крики затихли, из-за реки донеслась пульсирующая в испепеляющем жаре струйка звука, в ответ на которую раздался громовой удар копья о щит и "Ух! Ух!" трех тысяч воинов, собравшихся на холме, чтобы отдать дань уважения Непостижимому.

[pg 288]

За рекой, у брода, где Бакума спела свою лебединую песню, появилась процессия, возглавляемая ремесленниками в полном облачении. В фургоне ехал Бакахензи, серьезный и торжественный, как и подобает верховному жрецу. Вокруг него с неумолимой энергией кружилась группа младших волшебников, чьи обязанности были сродни обязанностям профессиональных танцоров: к их лодыжкам и запястьям были привязаны высушенные пузыри и магические бусы. Следом за Маруфой священные рабы, обреченные на гибель после исполнения своего священного долга, несли тележку, в которой, полностью скрытый от посторонних глаз, сидел Усакума, Воплощение Непостижимого. В другой подстилке, столь же надежно укрытый, сидел сын Владыки многих земель, старательно терпящий вечный пот в священном деле, подглядывающий профессорскими глазами сквозь прорехи и пишуший в блокноте. Позади снова шел Мунгонго, неся тлеющее клеймо Священного огня; затем Яболо, восстановленный в должности по причине, понятной любому политику. За ним следовали еще грузы с волшебными "вещами" Воплощения Воплощения, Царя-Бога.

По реке, словно отряды бронзовых газелей, мчались женщины и девушки, жаждущие набрать плодородия из воды, зачарованной проходом Носителя Мира.

Так они прошли через банановую плантацию и поднялись на широкую улицу, которую запланировал Сын Землетрясения. Песнопение трепетало, как стрекоза на солнце, и хор воинов отвечал ему ритмом и глубиной гигантских лягушек. Затем, когда Бакахензи ступил на склон холма, женщины запели песню сверчка, которая [pg 289] тремоло от быстрого удара пальцами по губам, а барабаны разнесли по всей земле весть о том, что Непонятный действительно вернулся в Место Царей, Город Змеи.

Десять минут спустя полутушеному богу, измученному, как любой император после государственного парада, было позволено выйти из подстилки и восстановить силы в прохладе недостроенного дома, который должен был стать бунгало коменданта. Никто, кроме хранителя костров, Бакахензи и Маруфы, не находился в крепости, опоясывавшей форт. Снаружи доносилось бормотание и грохот воинов, крики женщин. Сгрудившиеся ряды хижин, бывших казармами, уже разрушались руками рабов, и площадь внутри форта была очищена от убитых аскари, просто перекинув тела через частокол. Идол оставался в литаврах до тех пор, пока Бакахензи и ремесленники не освятили оскверненную землю.

Ни Вонголо, ни волшебник, ни даже Бакахензи не прикоснулись бы к заколдованным кашляющим чудовищам; но поскольку святые рабы были уже обречены, им поручили тянуть и толкать Норденфельдта из амбразуры у входа через дамбу, пока он не опрокинулся и не скатился на половину холма, где ему и позволили остаться, с утра до вечера окруженный толпой женщин, детей и праздных воинов.

Жажда, мучившая Бирнье, заставила его забыть о своем божестве и о священной должности Мунгонго, который был послушно занят тем, что на коленях раздувал священные костры из принесенного им угля; так что на призыв принести воды [pg 290] он был одновременно смущен и потрясен, ибо присутствие верховного жреца усилило его естественный страх нарушить любую из сеток табу. На второе настоятельное требование Бакахензи успокоил разгневанного бога, приказав рабу бежать за водой извне. Но и тогда Бирнье выпало счастье ждать, пока верховный жрец торжественно изгонит воду из тыквы, которая, как и вся пища, не могла быть допущена к устам Царя-Бога без предписанных заклинаний.

Однако в течение вполне разумного времени священный узник был размещен с сохранением своих вещей, магических и кулинарных. Бунгало коменданта, по словам Бирнье, должно было превратиться в храм после церемонии очищения, а идол должен был стоять впереди на месте, которое занимал его предшественник во время коронации покойного Кава Кенди.

Весь тот день Бакахензи, Маруфа и волшебники усердно трудились над различными церемониями очищения убитых, освящения Священного холма и изгнания злых духов, привязанных к нему резиденцией Сына Землетрясения. Тем временем Бирнье и Мунгонго были предоставлены сами себе в ограде и слушали песнопения и грохот барабанов. Бирнье было чем заняться: Бирнье составлял свои записи и размышления, а Мунгонго только и делал, что готовил им еду и занимался священными кострами.

Что именно произошло, Бирнье не знал и не мог выведать у Бакахензи, который, как обычно, использовал свой эффективный метод игнорирования любых прямых вопросов. Перед тем как они покинули место в лесу [pg 291], он сообщил Бирнье, что приказы духа Тарума через волшебное ухо были выполнены, но с какими ограничениями, изменениями или вышивками, Бирнье выяснить не мог. Он точно знал, что Залу-Зако вместе с другими вождями и огромной толпой воинов должен был остаться в лесу, где цу Пфайфер должен был заманить его в засаду силой посланной им магии - американским флагом, идея, которая, конечно, сильно щекотала чувство юмора Бирнье, тем более что в случае успеха она представлялась ему идеальным случаем поэтической справедливости.

То, что форт цу Пфайфера пал, было очевидно, хотя какова была диспозиция его сил и как проходил штурм, Бирнье не имел ни малейшего представления. Но в одном он был совершенно уверен: его анализ реакции цу Пфайфера и психологического эффекта, который окажет на туземцев возвращение идола в Царское место, оказался совершенно верным. В конце концов, как он с улыбкой признал, система психологии туземцев цу Пфайфера была основана на тех же фундаментальных принципах, что и его собственная, за исключением того, что он не учитывал неизвестную величину, равный интеллект, работающий против него и способный провалить его шаги, плюс более тяжелая артиллерия в виде эмоционального удара, возможность которого, естественно, не приходила ему в голову.

Бирнье беспокоило то, что у него не было и не было возможности узнать, были ли выполнены его приказы по фонографу, касающиеся обращения с белыми людьми, и в какой степени. Их [pg 292] судьба в руках вонголо, особенно после безжалостной резни, учиненной цу Пфайфером, едва ли можно было себе представить. Судя по тому, что штурм фортов прошел

мгновенно и с видимой легкостью, он не сомневался, что цу Пфайфер, который был настолько глуп, что поддался на уловку разделить свои силы, обречен на поражение. В этом случае он не получит ни одного из преимуществ своего триумфального въезда в страну, не сможет осуществить внезапное нападение, ослабить моральный дух туземцев резней и низвергнуть идола; фактически он имел эти самые силы против себя: ведь успех их первого предприятия, их подавляющая численность в лесу, экзальтация фанатизма, вызванная восстановлением их племенного бога, практически приклеили ярлык самоубийства к его военным действиям.

В течение этого дня Бакахензи, очевидно, слишком занятый своими служебными обязанностями, не приближался к нему. Но вечером, чтобы максимально обеспечить послушание своим приказам, отданным устами оракула, Бирнье заставил Мунгонго напевать в фонограф дальнейшие инструкции, предписывающие, что Сын Землетрясения должен быть оживлен, чтобы получить приговор от Непостижимого через Воплощение, сына Владыки многих земель. Сработает это или нет, Бирнир, конечно, не мог знать. Он уже обнаружил, что никто не может управлять сложным механизмом родного табу так же, как один государственный деятель может управлять огромной политической машиной; более того, он, как и многие другие, мог быть перемолот гигантским двигателем, с пусковым рычагом которого он играл. Все, что [pg 293] он мог сделать, было сделано; оставалось только принять любимую максиму Маруфы: "Ждать и смотреть".

Вечером Мунгонго, которого в конце концов уговорили вывести глаза за пределы священной земли, даже если он не будет ступать ногами, сообщил, что много песнопений и барабанный бой указывают на то, что воины или большое их число ушли, очевидно, чтобы подкрепить войска Залу-Зако или с целью захватить цу Пфайфера в тылу: Этот факт заставил Бирнье немного поволноваться, опасаясь, что весть о падении станции может привести цу Пфайфера в чувство и заставить его вернуться, и тогда положение может оказаться несколько неудобным.

Однако ночь прошла под тихий стук барабанов. На рассвете Бакахензи появился так же торжественно, как и обычно. Он начал с того, что потребовал, чтобы "стручок души" Тарума был готов его выслушать. Бирньер заметил, что в его манере поведения стало больше властности, и понял, что, если не пресечь эту тенденцию, достойный верховный жрец станет совершенно неуправляемым.

Бирньер велел Мунгонго принести инструмент и воспроизвел для Бакахензи ораторию, произнесенную накануне вечером. Бакаэнзи торжественно выслушал, хрюкнул в знак согласия и снова обратился с просьбой. Бирнье резко отказал. Бакахензи снова хрюкнул в знак согласия, что заставило Бирнье предположить, какой ход задумал хитрый доктор. Однако после обычного пуска по ложному следу он объявил, что освящение идола состоится в тот же день, и принялся наставлять нового бога в его божественных обязанностях. О том, что в форме было что-то [pg 294] необычное, то ли преувеличенное, то ли урезанное, Бирнье догадался по тому, как Бакахензи излагал обряды; а разгадка пришла в объявлении перед самым отъездом, что, как только Сын Землетрясения будет "съеден", он, Бакахензи, созовет ремесло и народ на праздник урожая.

Форма этого заявления вновь обратила внимание Бирнье на то, что Бакахензи слишком быстро, для его удовлетворения, берет бразды правления в свои руки; что если он не сумеет обуздать себя, то никогда не достигнет цели благодетельного агента и не сможет удовлетворить свое профессиональное любопытство.

Однако, когда он ушел, Бирнье вновь принялся расспрашивать Мунгонго о предполагаемых церемониях праздника, но, кроме того, что это был праздник, связанный с христианско-языческим праздником благодарения за урожай и жертвоприношения богу, включавший церемонию бракосочетания Невесты Банана, Мунгонго ничего не знал.

Во второй половине дня Бирнье должен был присутствовать при освящении земли и установке идола. Но все, что ему оставалось, - это молча сидеть на корточках перед новым храмом, перед Бакахензи и группой культистов, в то время как толпа других магов и немногие вожди, которые не были в отъезде, хором ворчали на дамбе. Церемония была разочаровывающей, поскольку, помимо тушения в большом калабаше волшебного снадобья, которым помазали отверстие для ног идола, косяки храма и Дома Огня, под аккомпанемент обычных песнопений и [pg 295] барабанного боя, она завершилась танцем, главным танцором которого был Бакахензи.

После вечерней трапезы из вареной курицы, козьего мяса и молока Бирнье сидел на корточках в дверях своей новой каюты и курил. Огней у него не было, так как запас карбида закончился. Перед тем как отправиться в лес, чтобы вырезать Воплощение нового Непознаваемого, он предусмотрительно послал гонца в одну из деревень на великом озере, чтобы перехватить его носильщиков с товарами и почтой, за которыми он отправился после побега от благородного сына Баньялы; он уже сообщил Бакахензи о прибытии свежего запаса магии и внушил ему, что необходимо принять меры предосторожности, чтобы она попала прямо к нему, чтобы контакт с чужаками не оскорбил духов. Бакахензи согласился в своей обычной непринужденной манере, которая начинала действовать Бирнье на нервы.

Куря и глядя на огромную луну над зловещей головой идола, обрамленной зеленым светом, он заметил, что на следующий день будет полнолуние, луна урожая, время ежегодного праздника. Затем, по совпадению, которое иногда кажется телепатическим, он услышал любопытный тихий звук, донесшийся, по-видимому, из-за хижины. Мунгонго, сидевший на корточках у своих Священных костров в неподвижной манере туземца, тоже услышал звук. И снова сиплый шепот, похожий на шипение змеи, вызвал на губах Мунгонго изумленный возглас "Клк". Он быстро поднялся и скрылся за хижинкой. Еще одно приглушенное восклицание удивления пробудило любопытство Бирнье. [Он последовал за ним и увидел, что Мунгонго склонился над палисадом, словно разговаривая с кем-то.

"Эх!" - пробормотал знакомый голос. "Это Лунный Дух!"

С воплем ужаса Мунгонго повернулся к Бирнье и стал отталкивать его, задышавшись: "Она проклята! Если зло ее глаз падет на тебя, ты будешь болен до смерти!"

"Дьявол тебя поberi!" - пробормотал Бирнье, разгневанный этим силовым прикосновением; затем, вспомнив, что табу запрещало чужим глазам смотреть на его священное тело, от которого зависел весь мир, он понял, что Мунгонго пытается спасти его. Он схватил его за руки, сказав: "Молчи, глупец! Разве моя магия не показала тебе, что я выше всякой магии?"

Мунгонго, похоже, решил, что в этом утверждении есть доля правды, во всяком случае, ему было над чем задуматься. Он стоял пассивно, словно ожидая, что Бирнье, будь то волшебство или нет, растает на его глазах. Перегнувшись через ограду, Бирнир увидел прижавшуюся к земле стройную фигуру Бакумы.

"Что ты здесь делаешь, о малышка?" - прошептал он, так как, конечно, ничего не знал о ее судьбе после похищения Мьялу.

Она была так поражена собственной смелостью, приблизившись к персоне царя-бога, что не смела поднять глаз, заикаясь:

"Демон загнал птицу моей души в сети гнева твоего".

"Положи черные крылья на грудь твою, о Бакума", - сказал Бирнир, пытаясь успокоить ребенка. "Подойди и покажи отцу свое лоно".

[pg 297]

"Эх! Э-э-э!" - задыхался Бакума, дрожа в еще большей панике, чем прежде.

Осознав опасность, Бирнье наклонился, взял ее за руки и поднял над частоколом, заметив, как сильно дрожит маленькое хрупкое тело, чьи конечности казались свечками.

"Идем, - сказал Бирнье, направляясь к хижине.

Но она прижалась к тому месту, куда он ее бросил, и закрыла глаза руками, чтобы не смотреть на священное тело. Мунгонго стоял как дерево, белки его испуганных глаз мерцали в лунном свете. Бирнье подхватил девушку и понес ее в хижину, за ним следовал дрожащий Хранитель Священных Огней.

"Иди, дурак, - приказал Бирнир, - и смотри, чтобы никто не приближался!" Мунгонго задохнулся. Но он повиновался. "А теперь, малышка, - продолжал Бирнье, - обнажи свое лоно, чтобы я мог узнать, как творить волшебство исцеления".

Сидя на корточках на пороге и прикрывая глаза истощенными руками, Бакума пыталась повиноваться. В конце концов она сбивчиво рассказала историю своего двойного похищения. Поимка аскари мало что изменила для нее, ибо, как она выразилась, клюв ее души был подобен пасти крокодила. Похититель поместил ее в хижину в деревне вместе с другими пленницами, но, поскольку мужчине пришлось продолжить свои военные обязанности, ночь наступила до его возвращения, и к тому времени она подкупила нескольких женщин, чей плен не был для них столь отвратителен, как это должна была бы сделать гордость их расы, с помощью мощного амулета, который дал ей Бирнье, - никелированного бритвенного станка. Ей удалось [pg 298] бежать. Но, опасаясь своей участи невесты Банана больше, чем Мьялу или аскари, она спряталась в лесу, питаясь дикими фруктами и кореньями. Тогда она услышала барабаны, возвещающие о возвращении Непонятого, и, зная, что Лунный Дух отправился в лес на его поиски, догадалась, что он торжествует. В джунглях она слышала звуки ликования по поводу возвращения Царя-Бога, колебалась и наконец пришла к Мунспириу, несмотря на его божественность, в трепетной надежде на помощь, движимая демоном, чтобы нарушить еще одно табу, тем же демоном, который побуждает многих нарушать магические круги, - подсознательным любовным мотивом.

Бедный ребенок! прокомментировал про себя Бирнир, глядя на жалкую фигурку. Мы еще не достали для тебя брачных факелов, но, ей-богу, достанем!... Дай мне твое ухо, о малышка! Но пока он говорил с ней, успокаивая ужас обещаниями более могущественной магии, прибежал Мунгонго и испуганным шепотом сообщил, что Бакахензи требует аудиенции. В задней части соседней комнаты бунгало, построенного по плану бунгало в Ингонии, была ванная комната, и туда Бакума поспешил и велел лежать тихо, как крокодил.

Глава 29

Бакахензи пришел сообщить, что некие волшебные "вещи", которые гонец привез из страны белого человека, прибыли. Хотя он не мог рассчитывать на ответ на свое письмо Люсиль в Европе, он мог получить и другие; а такое событие, как получение почты раз в полгода, должно быть волнующим. Бирнье на мгновение забыл о своей роли и вскочил на ноги, собираясь броситься навстречу бегуну, но ворчание Бакахензи и тревожный крик Мунгонго как раз вовремя помешали ему поставить под угрозу стабильность мира и все, что он завоевал, нарушив табу, выйдя за пределы священной земли. Другие боги и императоры действительно разрушали империи из-за меньшего отклонения. Даже осознания наказания было недостаточно, чтобы сковать его нетерпеливые ноги, ибо само предположение о том, что представляет собой почта, растопило оковы этого родного мира, как воск на солнце.

И действительно, потребовалось больше усилий воли, чтобы вернуться на свой богоподобный трон на походной кровати и пройти по этикету, которого требовало обсуждение столь важного вопроса, чем нести идола на спине через лес, да еще и терпеть звучные удары в придачу. Затем, в качестве дополнительного испытания, Бакахензи потихоньку выработал установку, что волшебные вещи не могут быть допущены в священный загон, пока не будут продезинфицированы от множества злых глаз [pg 300], через которые они должны были пройти. При этом бог едва не выругался или не заплакал - он не знал, что именно.

Но, внутренне негодуя, он вспомнил, что в любой момент может вернуться Залу-Зако со своими войсками, а если битва пойдет в другую сторону, то и цу Пфайфер; в первом случае волнение еще больше задержит товары и почту, а во втором - приведет к полной потере. Помимо растущего раздражения, вызванного бесконечным списком табу Бакахензи, ему необходимо было провозгласить, а точнее, завоевать свою власть, прежде чем он сможет оказать какую-либо помощь Бакуме, белым людям или самому себе. Он и в самом деле ждал прибытия этих товаров, чтобы добиться подчинения Бакахензи своей воле. Он решил, что суд должен состояться сейчас. Простое требование, по его мнению, пробудило бы упрямство главного знахаря, который никогда, если только его не заставят силой или хитростью, не отдаст бразды правления, которые были для него смыслом жизни. Бирнье должен был атаковать по линии наименьшего сопротивления. С носильщиками, несущими почту, был чемоданчик с "заключенными звездами" (ракетами) и специальное кинематографическое снаряжение, так что Бирнье чувствовал, что может позволить себе взорвать последнее проявление магии, которое ему еще оставалось. После разумного перерыва он сказал Бакахензи:

"О сын Малико, не является ли мой язык языком Непонятого?"

"Тот, кто знает все, знает и то, что является белым", - ответил Бакахензи.

"Истинно. Поэтому сделай так, чтобы принесли то, что пришло, то, к чему жаждут прикоснуться пальцы Непонятого. Ты [pg 301] знаешь его силу волшебства. Поэтому злые глаза множества людей - лишь сухие листья под ветром его дыхания".

"Воистину, слова твои белы, о сын Владыки многих земель".

"Уходи же, дабы утолить голод пальцев Его".

"Барабаны еще не говорят о том, что они пожирают Глаза-в-Руках. А разве ухо духа Тарума не говорит об этом?" - спросил Бакахензи в своей излюбленной диалектической манере.

"Духу Тарума нечего сказать тебе, - ответил Бирнир, - но пальцы Тарума заставят тебя чесаться так же, как его пальцы".

Бирньер позвал Мунгонго, который принес и положил у его ног довольно мощную электрическую батарею. Бакахензи разглядывал коробку; в нем пробудилось любопытство. Он заинтересованно уставился, когда Бирнье поднял крышку. Взяв в руки ручки, он сказал:

"Это, о сын Малико, руки Тарума. Он желает, чтобы ты почувствовал зуд его желания!" - и с этими словами он приложил одну ручку к животу, а другую - к основанию позвоночника главного знахаря. Бакахензи забился в конвульсиях, как его заставили. Быстро Бирнье нанес удар по плечам, удерживая рукоятки в этом положении, и заметил дрожащему Бакахензи: "Вот, как чешутся пальцы Тарума!"

Но когда он снова опустил руки к позвоночнику, Бакахензи быстро и недостойно дернулся.

[pg 302]

Торжественно Бирнье поставил ручки на место, закрыл крышку и тихо сказал:

"Ты почувствовал, о брат-маг, что пальцы Тарума действительно чешутся?"

"Воистину!" - ответил Бакахензи с быстротой, столь же необычной, как и дрожь в его голосе. "Воистину, слова твои белы, о могущественнейший из магов. Что такое злые глаза дикарей против силы твоей магии, о сын Владыки Человеческих Земель!"

И вопреки всем прецедентам Бакахензи поднялся и ушел. Через четверть часа его голос возвестил, что рабы с волшебными "штуками" находятся без палисада, и призвал Мунгонго отправиться за ними к воротам, поскольку чужакам запрещалось даже смотреть на Царя-Бога. Бирнье при свете факела открыл почту, отправил на пол пачку писем и связку телеграфных листков и выхватил длинный зеленый конверт, исписанный французскими буквами:

Месье ле Куратору Сада растений.

На мгновение он недоуменно уставился на него, поскольку на нем не было ни марки, ни отмены.

"Что за..." - пробормотал он, вскрывая конверт.

Энтеббе,
13 августа 19...

Mon petit loup, что ты делал? Où est tu? Comment et pourquoi? О, как я зол на вас, на месье профессора! Почему вы пишете мне такое нелепое письмо? Я смеюсь, но всегда [pg 303] смеюсь, так какая вам от этого польза? Я не буду отвечать на ваше письмо, mon vieux-jamais. Но я расскажу вам, чтобы вы знали, почему я здесь. Да, среди животных!

Бирнье вздрогнул от этой фразы, которая, казалось, вернулась к нему, как бумеранг, из уст цу Пфайффер.

Мне предстоит отправиться на каникулы в Висбаден с несколькими ужасными людьми. О, как мне не хочется! У меня, как и прежде, ангажемент на зиму в Берлине. У меня ангажемент

на Париж - ах! но - пуф! Представьте, я на очаровательной "Мавритании", и я сижу на палубе, где вы когда-то так смешно себя вели. Вы не заболели? Я болен - нет, *mon vieux, pas du mal de mer!* На меня не должны все смотреть. О, нет! Я болен, говорю вам. Я мечтаю о своем маленьком кокосе среди продажных животных! *Je me dis: Zut! il est fou! il est tapé!* Но в себе я его обожаю! Я говорю существу, которое приносит мне мои книги, мой веер, мою тапетку: "Я иду сюда, я! Он спрашивает меня, куда? Я говорю ему, что еду искать своего друга в Центральной Африке! Да! Он думает, что я сошла с ума! Я говорю ему об этом и смеюсь! Как я смеюсь. Но он прав, да, я сошел с ума!

Я приезжаю в Марсель и сажусь на пароход до Момбассы. Уф! Я умру из-за своей маленькой лупы! *La mer rouge! Quel cauchemar!* В конце концов, я все же добираюсь до того, что осталось от Люсиль, и спрашиваю о вас, о месяе американском профессоре, но вас никто не знает. На корабле я прикрепил к себе троих мушкетеров-англичан. *Tous les trois sont drôles!* [pg 304] Они привезли меня на маленьком смешном поезде сюда. Энтеббе. Англичане очень дружелюбны, вы знаете! Местье ле Гувернер перестает пить виски, чтобы вежливо сообщить мне, что Местье был и уехал! *Quelle horreur!* Вас не было всего три дня! *Pense tu!* Я спрашиваю себя, что же я такого сделал, чтобы благословенный Дье был так нелюбезен. Тогда *quel malheur!* Я вспоминаю, что должен был прийти к вам в пятницу! Вы смеетесь! Да, я тоже смеюсь, но... Как вы думаете? Я начинаю приходить к вам в пятницу, а вас нет три дня!

Тогда мои добрые друзья, *les trois mousquetaires*, посылают за мной так называемого бегуна - красного горошка - *drôle!* Но маленький горошек, черный, не нашел вас. Он принес сообщение, что вы уехали в какое-то место с ужасным названием.

Затем пришли два самых нелепых письма. Я не буду отвечать на такие нелепые письма - *jamais!*

Бирнье нахмурился. Два письма? пробормотал он. Какие письма?

Вы должны прийти сейчас же. Немедленно. Вы мне нужны. Я буду ждать вас здесь. Вы должны оставить своих нелепых животных, как я оставил для вас свои дела. Идите ко мне. Я жду вас.

Ниже, на той же странице, но написанное толстым пером, письмо продолжалось:

Я снова прочитал ваше нелепое письмо. *Tu es fou!* Вы поднимаете такой шум, потому что этот глупый молодой человек ревнует вас к мон мари и заставляет вас ехать в обход [pg 305] отвратительной страны, которая вам так нравится, вместо того чтобы прямо ехать в то нелепое место, куда вы, по вашим словам, хотите попасть.

Бирнье мрачно улыбнулся.

Пью! *Écoute*, *mon cher*, это правда, что я встретила молодого человека в Вашингтоне. *Mon Dieu*, разве мало молодых людей в Вашингтоне, Париже, Берлине? Он влюбился в меня. *Mon Dieu*, они такие же толстые, как ежевика! Может быть, я дразню его, чтобы задобрить! *Pourquoi pas?* Я даю ему фотографию и подписываю ее, как подписываю множество фотографий для забавных друзей. Но тогда он становится слишком смешным. У него нет

чувства юмора, как у всех аллеманов. Он хочет расправиться со всеми моими друзьями, соотечественниками, которые так печальны и тяжки! Фигурально выражаясь! Тогда он бросает вызов, а в твоей стране это не принято. Mon pauvre petit Dorsay отказывается, и этот человек становится безумным, диким, как вы говорите, и он бьет его своей тростью на улице. Quelle horreur! Quel scandale! Он, конечно, убегает. Посольство помогает ему. Qui sait? Это последнее, что я слышу, пока не получу это нелепое письмо вместе с твоим нелепым письмом. Я посылаю его вам. Как странно, что вы двое встретились среди животных. Как забавно, что он не убил вас, этот аллемандский монстр! Ты еще не пересекся со мной? Зут! Мой дорогой, я не виновата, что все сходят с ума после меня, кроме моего маленького мужа! Оставьте этого нелепого гарсона там, где он есть. Но почему я так много говорю о кокошнике? Потому что вы смешны! Tant pis pour toi! А теперь будьте так любезны и немедленно приходите ко мне - если только [pg 306] вы не любите своих продажных животных больше, чем я! Если вы не придете, я больше никогда, ни за что в жизни, не дам вам ни одного байера! Нет! Mille baisers! Как я тебя понимаю!

Люсиль.

[pg 307]

Глава 30

Сорок восемь часов спустя неистовый бой барабанов, песнопения и крики возвестили о возвращении победоносных войск Залу-Зако. Бирнье из своей тюрьмы на холме наблюдал, как бронзовый поток, подобно потоку лавы, вытекает из плантации и заливает деревню, а копья сверкают серебряными остриями в косых лучах солнца. Но что случилось с цу Пфайфером и белыми сержантами? Их не было видно. Волны шума непрерывно накатывали на храм.

Длинная сиреневая тень холма поглотила деревню. Среди хижин и в глубине плантации затрепетали костры. К общему шуму добавилось мычание скота. На западе небо все еще пылало яркими красками, а на востоке холодно зеленела надвигающаяся луна.

"Мунгонго, что собираются делать твои братья?"

"Это праздник урожая, как я уже говорил тебе, о сын Владыки многих земель".

"Но у них нет невесты?"

"Нет". Мунгонго с опаской посмотрел в сторону храма, где в помещении, которое должно было быть ванной комнатой, был спрятан Бакума. "Тот, кого нельзя упоминать, требует только крови. Невеста - пища чародеев. Но для каждого воина каждая женщина - его невеста этой ночью".

"Почему ты не сказал мне об этом раньше?" [pg 308] спросил Бирнье, который знал, что таков один из обычаев первобытных племен во всех частях света и во все века.

"Ты меня не спрашивал", - ответил Мунгонго, для которого этот вопрос был настолько само собой разумеющимся, что не стоил упоминания.

"Приносят ли они жертвы?"

"Невеста выходит замуж за Банана, но о способе ее бракосочетания я не знаю. Разве я волшебник?"

Божественный король мрачно наблюдал за своими подданными. В растущем свете вокруг хижин в сепиевых пещерах плантации мелькали гномы. Когда банановый фронт вырисовывался в сепии на фоне огромной луны, океан шума прорезала высокая трель племенного трубадура. Внизу широкой улицы показались танцующие фигуры. Приближаясь, Бирнье различил в фургоне Бакахензи, Маруфу и Яболо, одетых во все паноптикумы, кружащихся и прыгающих с неутомимой энергией. Позади них шаркала и вышагивала огромная масса воинов, за которыми в могучем хоре визжали и извивались несколько сотен женщин. Ритм барабанов нарастал, превращаясь в сумасшедший боевой импульс двух коротких длинных ударов:

Пм-пм-Помммммм! Пм-пм-Помммммм! Пм-пм-Помммммм!

Высокочастотное соло песнопения пронеслось над этой пульсацией и ворчанием, как безумная птица, проносящаяся по бурным вершинам темного леса.

Пм-пм-Помммммм! Пм-пм-Помммммм! Пм-пм- Пм-мммм !

Этот ритм, словно лихорадочный пульс, бился в мозгу Бирнье, побуждая его к гипнотическому действию [pg 309] . Желание кричать и вопить, танцевать и прыгать подхватило его конечности. Ожившие желания из неизвестно каких подсознательных катакомб извивались и яростно боролись внутри него. Огромная луна рассыпала голубые звезды на копьях, словно на зеленой чешуе какого-то левиафана, корчащегося в безумных муках.

Бирнье не мог контролировать подергивания своих мышц в этом ритме. Ему приходилось бороться с волнами истерии, пронизывающими воздух. Он взглянул на Мунгонго. Белки его глаз закатились. Бирнье проклинал настойчивость барабанов и оргиастическое ворчание. Он насильно поддерживал в себе огонь психологических объяснений: "Уничтожение запретов... диссоциация личности... триумф подсознательного животного", - как волшебник, бормочущий заклинания против злых духов. Он почувствовал головокружение. "Боже, я пьян от ритма!" - воскликнул он.

Жрецы входили в большие ворота внешней ограды. В деревне и на противоположном холме люди напоминали рой черной саранчи. Барабаны затихли. Бакахензи, Маруфа и Яболо с визгом побежали прямо к нему. Это был сигнал.

Бирнье медленно пошел назад. В жуткой тишине они начали толкать идола. Дерево протестующе закрипело. Медленно масса переместилась на спину Бирнье. Он ухватился за нее и стал пробираться к входу. Когда он проходил мимо Мунгонго, Священный огонь выпустил вверх желтые языки. Звук, похожий на стон, перерос в крик и превратился в непрерывный шум. Барабаны неистово тараторили. Три [pg 310] волшебника бросились к нему, высоко подпрыгивая в воздух. Бирнье пронесся на дюжину ярдов влево и повернул. Он остановился.

На земле, прямо перед внешними воротами, на виду у толпы, зеленая слоновая кость в лунном свете, лежала обнаженная фигура белого человека. Над ним возвышался Бакахензи, в руке которого поблескивал нож.

Тренировка, которой он занимался всю жизнь, позволила Бирнье быстрее, чем сознательное мышление, вывести на экран своего сознания основные моменты. Бакахензи, как и остальные, находился в ненормальном возбужденном состоянии. Не было времени использовать "волшебные" ракеты или что-то еще. Он взвалил идола на плечо и побежал вперед. Переступив через связанную фигуру, он увидел, как зашевелились голубые глаза и подмигнул в лунном свете браслет. Он нагнулся, балансируя на плечах, и схватил цу Пфайфера за руку.

Грохот барабанов и рев людей, которые не знали, что это действие соответствует правилам, продолжались. Жрецы оставались неподвижными и ожидающими. Бакахензи застыл, словно парализованный неожиданностью: нож был голубой змеей в его руке.

Полуослепший от пота, с ломающимися мышцами, Бирнье, пошатываясь, шел с тяжелой ношей, волоча за собой обнаженное тело. Казалось, прошли часы, каждая секунда которых могла принести копьё в спину, прежде чем он добрался до места перед храмом. Он опустил идола в отверстие и повернулся.

Из буйства звуков донесся крик Бакахензи, словно бекас с рисового поля. Остальные чародеи бросились за ним. Лунный свет поцеловал наконечник копья [pg 311] у каменной фигуры Мунгонго у Священного огня. Бирнье вскочил, вырвал копьё, подхватил цу Пфайфера за руки и поднял его на плечо, чтобы все могли видеть.

У входа в загон Бакахензи и двое других замерли от изумления. Опустив тело к основанию идола, который склонился набок в пьяном оцепенении, Бирнье поднял копьё и вонзил его точно между левой рукой и грудью цу Пфайфера, а затем, быстро опустившись на колени, чтобы скрыть свои действия, рассек себе левое предплечье. Затем он вскочил на ноги и, держа окровавленное копьё наперевес, громко воскликнул:

"Бог забрал свое!"

Бакахензи первым увидел, что белая грудь жертвы действительно залита кровью; возможно, под жадной крови скрывалось почтение, вызванное "пальцами Тарума".

"Бог забрал своего!" - пронзительно закричал он. Ему вторила Маруфа. Когда они повернулись, крик отрикошетил за самый дальний холм.

"Бог забрал свое!"

[pg 312]

Глава 31

Отражение лунного света сквозь полуразвалившуюся солому на "волшебном" зеркале цу Пфайфера, которое туземцы не решились снять, подожгло сапфиры на его браслете, когда он в пижаме сидел на походном стуле. На постели лежал Бирнье, поправляя перевязанную левую руку. Время от времени гул, песнопения и пронзительные крики сатурналий без него переходили в разноголосые вопли, как порывы ветра, приводящие в ярость верхушки деревьев.

Зу Пфайфер казался неразговорчивым и недоверчивым. Возможно, ослабление его воли, напряженной для встречи со смертью, как того требовала его каста, и столкновение с

объектом его лютой ненависти совершенно выбили его из колеи. Когда Бирнье втащил его в дом и разрезал его узы, он пробормотал короткую официальную благодарность за спасение. Он так же угрюмо колебался, когда ему предложили пижаму, но, словно решив, что не сможет сохранить достоинство в собственной окровавленной коже, принял ее, как и столь необходимое питье воды.

Реакция после кризиса и, возможно, влияние общей истерии, витавшей в воздухе, исказили видение Бирнье. Он очень остро ощущал невротическое желание безудержно смеяться. Так почти полчаса двое мужчин молча сидели во мраке. Бирнье психологически понимал нервное напряжение своего гостя. Ведь он [pg 313] уже давно понял, что единственная разгадка безумного заявления цу Пфайффера о том, что он помолвлен с женой человека, с которым разговаривает, указывает на форму безумия.

Психологический закон гласит, что естественные эмоции должны иметь выход; если их подавлять, они могут вызвать состояние психического заболевания, которое в обостренной форме может привести пациента в психушку, но в начальной стадии встречается так же часто, как шакалы в Африке. Зу Пфайффер страдал именно от такого случая легкого психоза. Воспитанный в условиях железного кодекса, который не позволял его инстинктам реагировать, подавленные эмоции выплеснулись наружу в виде обожествления кайзера и обожания Люсиль, причем оба состояния были абсолютно независимы от всякого разума, более того, приближались к состоянию диссоциации сознания. Желаемое недостижимое проецируется в плоскость сновидений, в царство мифа. Таков исторический случай человека, который, будучи остроумным в каждом вопросе, поражает посетителя требованием кусочка тоста, серьезно объясняя, что он - яйцо-пашот и что он хочет присесть; или как Паскаль, который всегда имел рядом с собой большую черную собаку. Пытаться рассуждать с таким человеком - значит лишь возбуждать его безумную часть. Поэтому Бирнье решил полностью игнорировать эту тему, прекрасно понимая, что угрюмость человека, сидящего в походном кресле напротив него, вызвана преувеличенным страхом, что он будет настаивать на разговоре на ту единственную тему, которая должна быть запретной.

Ассоциативное внушение о Люсиль отвлекло его внимание, и он погрузился в мысли о ней. В его голове возникло странное видение упитанного тигра, играющего с ребенком [pg 314]. Еще больше, чем прежде, осознавая ее притягательность из-за обостренного чувства, вызванного ее письмом, он украдкой взглянул на жесткую фигуру в кресле, и в нем поднялась волна жалости, смешанная с полусознанной гордостью за то, что она принадлежит ему. И тут Бирнье вздрогнул: его вернул к осознанию того, что время идет, резкий голос, говоривший о том, что нервы скрипят:

"Герр профессор, что вам угодно сделать со мной?"

"Прошу прощения!" Бирнье сел. "Естественно, я постараюсь увезти вас как можно раньше. Было бы хорошо, если бы вы воспользовались праздником, чтобы сбежать. Я не могу сделать многого. Я могу предоставить вам оружие и еду. Поскольку вы не ранены, к утру вы сможете удалиться отсюда на достаточное расстояние; в остальном, боюсь, вам придется справляться самостоятельно. Хотел бы я сделать больше, но боюсь, что моих сил пока недостаточно, чтобы обеспечить любую помощь со стороны туземцев".

Изо рта зу Пфайффера вырвался невнятный звук. Глаза Бирнье уловили блеск фотографии на стене. Бежать! Люсиль! Почти непроизвольно он протянул руку и взял со стола письмо Люсиль. Снова раздался голос цу Пфайффера:

"Благодарю вас, герр профессор, но я не могу принять его для себя". Бирнье пристально посмотрел на него. "Я хочу, чтобы вы поняли, что для меня это невозможно". Высокая фигура, казалось, выпрямилась в кресле. "Но поскольку я имею честь служить Его Императорскому Величеству, я обязан сохранить, насколько это возможно, свое тело, чтобы ответить за свою преступную небрежность, которая [pg 315] привела к гибели двух моих рот. Я хочу, чтобы вы знали, герр профессор, что я принимаю ваше предложение, чтобы предстать перед военным трибуналом, который меня ожидает".

Бирнье едва не задохнулся. В том, что этот аномальный человек, способный на хладнокровное убийство по велению галлюцинаций и теперь, казалось, в равной степени способный на полное уничтожение себя на службе у своего Имперского Мастера, имел в виду то, что сказал, Бирнье не сомневался. И все же это не было аномалией. Логично: способность к высшему самопожертвованию ради любого из своих кумиров.

"Я понял вас, лейтенант, - учтиво произнес он. "Я... - Два письма в его руке хрустнули. Не успел он совладать с подлым желанием, как передал второе письмо цу Пфайферу со словами:

"Простите меня, у меня здесь письмо, которое я обязан вам вернуть".

Сапфиры перемигивались, когда цу Пфайфер держал письмо в лунном свете. Раздался сдавленный стон, похожий на боль. Цу Пфайфер тяжело поднялся и пошел к двери. Его высокая фигура вырисовывалась в профиль на фоне зеленого неба, и Бирнье увидел, как на ресницах блеснул хрусталь. Бирнье, устыдившись своей единственной мести, отвернулся.

Но, словно месье, нахлынувшая на него, вслед за этим удовлетворенным первобытным инстинктом пришла волна тоски по Люсиль. Люсиль! Люсиль! Боже! Как он хотел снова увидеть эти глаза! Почувствовать эти губы и услышать бульканье ее смеха! Почувствовать аромат ее волос, когда она прошептала: "Mon petit loup!" Бирнье сидел, держа в руках письмо. Он боролся с порывом бросить все и отправиться к ней - если он [pg 316] сможет выбраться! Какими черствыми и однообразными казались ему приключения и научный интерес! В конце концов, чего он добился? Чего он мог добиться? Ведь он так мало узнал о секретах колдовского ремесла. Может быть, и узнавать было нечего? А цу Пфайфер? Он уставился на портрет Люсиль. В нем поднималась волна жалости к этому мальчику, обезумевшему от колдовства этих глаз и музыки этого голоса. Одна фраза из письма Люсиль, казалось, выделялась из общего контекста: "Mon Dieu, они такие же толстые, как ежевика!"

И все же, и все же... Какого дьявола ей взбрело в голову приехать в Уганду? спрашивал он себя. Она была так чертовски близка ему. Он сатирически усмехнулся, вспомнив ее фразу о тех глупцах, которые делают из любви помеху, и все же что она теперь делает? В конце концов, его подозрение, что любовь для женщины - это все, подтвердилось.

Но как же она была восхитительна! Он сжал письмо в пальцах, словно оно было частью ее самой. Что ж, она была молода; успех и преклонение от одной столицы к другой интересовали и забавляли ее в течение нескольких лет, но когда Миледи вдруг обнаружила, что карьера ей наскучила, она бросила все и, по логике вещей, ожидала, что ее спутник поступит так же! С каким беспечным спокойствием она отнеслась к интрижке с цу Пфайфером и юношей, которого он поразил. Когда Бирнье познакомился с ней, она рассказала о молодом графе-дураке в Париже, который застрелился только потому, что она не захотела выслушать его иск; а она протестовала, пожимая плечами и гримасничая, говоря, что она [pg 317] не может выйти замуж за всех мужчин на свете! Такое кровожадное

безразличие, конечно, привело к тому, что еще больше мужчин, как она выражалась, "сходили с ума" по ней. И эта репутация добавляла ей привлекательности даже для Бирнье.

Он мог сбежать, если бы пожелал, вместе с цу Пфайффер. Он мог взять с собой Мунгонго. Но осмелится ли Мунгонго по его приказу нарушить табу? Бирнье сомневался в этом. Да и согласится ли Мунгонго отпустить его, Бирнье, который теперь в его глазах был Королем-Богом, и тем самым подставить под удар основы родного мира? Бирнье был уверен, что нет. Над всеми ними властвует этот деревянный идол, размышлял он. Бакахензи или даже Мунгонго с радостью принесли бы его в жертву, если бы вообразили, что этого желает проклятый Непонятный, по надуманному приказу чего-то, что не было ничем.

Сладкий аромат ее запаха, витавший в воздухе, словно притягательная аура, внезапно донесся до него: голос Зу Пфайффера зазвучал с акцентом агонии, но все, что он сказал, это:

"Герр профессор Бирнье, я вынужден извиниться за..."

Голос сорвался, и надменный блондин отвернулся, не в силах довести до конца величайшую жертву, которую он когда-либо пытался принести.

"Пожалуйста, не надо", - понимающе сказал Бирнье. "Я понимаю".

И Бирнье действительно понял; осознал, что маленький ад в цу Пфайфере - это табу высшего уровня, как детское табу до смерти. Зу Пфайфер, белый человек, был так же виновен в попытке совершить убийство при мнимом переворачивании большого пальца идола, как и Бакахензи; [pg 318] не идол из дерева, а проекция его подсознательных желаний. Зу Пфайфер пожертвовал бы миллионом по приказу своего кайзера, чье божество было тем же мифом, проекцией его самого. И все же какую цель преследовал Бирнье, принимая на себя все эти муки и наказания, кроме как изучить создающееся человечество, черный микрокосм белого макрокосма; помочь ему лучше понять себя и друг друга? Разве Бакахензи не был эмбрионом цу Пфайффера? Как можно помочь цу Пфайферу, если не знать Бакахензи?

Из сатурналий снаружи донесся еще один вихрь звуков, который, казалось, насмешливо бился о неподвижную фигуру цу Пфайффера, вырисовывающуюся на фоне зеленого неба; над ним возвышался идол, склонившийся набок.

Как будто в пьяном смехе над глупостями черно-белого человечества! размышлял Бирнье. Но что я делаю? Неужели и я, сжимая изящный пальчик, склоняюсь перед идолом? Неужели я должен жалеть цу Пфайффер и этих детей?... Дикари! Боже правый, что я такое?

Дополнительные страницы

[стр. 1]

Доктора-колдуны

[стр. 2]

L'homme est bien insensé! il
не может выковать один чугуи и
ковать дизов в два счета!

MONTAIGNE

Errata

ХАРАКТЕРЫ

Изменено: Людвиг [до. до. до.](#)

До: Людвиг немецкий сержант

ХАРАКТЕРЫ

Изменено: Шнайдер [до. до. до.](#)

То: Шнайдер немецкий сержант

Глава 1

Изменено: "Этот Сака-Сака"-[3у](#) Пфайффер взглянул на

То: "Этот Сака-Сака"-зу Пфайффер взглянул на

Глава 1

Изменено: отступление. У [Мфунги](#) Мпопо - это...

То: отступление. В МФунья Мпопо - это

Глава 1

Изменено: [3у](#) Пфайффер томно кивнул.

То: Как цу Пфайффер томно кивнул

Глава 1

Изменено: казалось, от [3у](#) Пфайфера не ускользнет. Он дал

На: казалось, что цу Пфайфер сбежал. Он дал

Глава 1

Изменено: прибытие человека?" - сурово потребовал [цу](#) Пфайфер.

На: прибытие человека?" - сурово потребовал цу Пфайфер.

Глава 1

Изменено: Зу Пайффер неторопливо закончил доклад

То: Зу Пфайффер неторопливо закончил отчет

Глава 3

Заменено: Я благодарю вас, и если... Была

То: Я благодарю вас. И если... Было

Глава 6

Изменено: уравновешенный, как танцор

На: уравновешенный, как у танцовщицы.

Глава 6

Изменено: к делам более важным".

На: к делам более важным.

Глава 9

Заменено: вскружит голодные уши

На: обманет голодные уши...!

Глава 9

Изменено: E-e-e-e-e-e-e-e-e-e-e-e!

Ha: E-e-e-e-e-e-e-e-e-e!

Глава 9

Изменено: Как мы ...

То: Как мы..."

Глава 9

Изменено: Личность **Бернье** была явно

То: Личность Берные была явно

Глава 9

Изменено: и два Норденфельда, и два помпона

К: и два Норденфельдта и два помпона

Глава 11

Заменено: "Аииииииииииии!"

To: "Аииииииииииииииии!"

Глава 11

Изменено: Aieeeeeeeeeeeeeeeeeee!

Ha: Аииииииииииииииииии!

Глава 13

Изменено: в свежих **бойнях**, добавляющих к

На: в свежих резнях, добавляющих к

Глава 14

Изменено: Яболо рядом с **Заку** Зако продолжил. Ни

То: Яболо рядом с Залу Зако продолжал. Ни то, ни другое

Глава 14

Изменено: враг, Бакахензие, подарил **Залу** Зако

На: враг, Бакахензие, подарил Залу Зако

Глава 14

Заменено: которые вечно ходят красными дьяволами в

Глава 14 Изменено: В которой вечно гуляют красные дьяволы

Глава 14

Изменено: умы [Залу Зако](#) и Маруфы

На: умы Залу Заку и Маруфе

Глава 15

Изменено: деревня Мфуня [МП](#) - того дня

На: деревня Мфуня-Мпопо - того дня

Глава 15

Изменено: не его политика, [чтобы сделать](#) его гром тоже

На: не его политика, чтобы сделать его гром тоже

Глава 17

Изменено: должность главного [знахаря](#), он будет делать

На: должность главного знахаря, он бы сделал

Глава 18

Изменено: земля, и [когда...](#) и когда..." Он

На: земля, и когда... и когда..." Он

Глава 19

Изменилось: в их солнечных [сплетениях](#).

To: in their solar plexus.

Глава 22

Изменено: деревня [Янгоняма](#), но нехватка

До: деревня Ягоньяна, но нехватка

Глава 24

Изменено: белый бог.

На: белый бог".

Глава 29

Изменено: Peuh! [Ecoute](#), mon cher, it

То: Реиһ! Экутэ, мон шер, это

Глава 30

Изменилось: Пм-пм-Поммм!

На: Пм-пм-Помммм!
